Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
МОСКОВСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ИНСТИТУТ
(ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ)

На правах рукописи

ПЕРЕСЛЕГИН Николай Владимирович

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ ОХРАНЫ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МОСКВЫ В КОНТЕКСТЕ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБЩЕСТВОМ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917-1991)

Специальность 05.23.20 – Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата архитектуры

Том 1

Научный руководитель:
Швидковский Дмитрий Олегович
доктор искусствоведения, профессор

Москва 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение ……6

Глава I. Образование и реформирование органа охраны памятников архитектуры (1917-1927) ……15

I.1. Комиссия по охране памятников искусства и старины Московского Совета (1917-1918) ……16

I.2. Деятельность Комиссии по охране памятников и старины Московского Совета (1917-1918) ……25

I.3. Реорганизация 1918 г. и последующие реформы ……28

I.4. Деятельность Мосгубмузея в 1920е гг. ……34

I.5. Сносы памятников архитектуры ……42

I.6. Деятельность общественных организаций в области охраны памятников архитектуры ……44

I.7. Выводы ……50

Глава II. Кризис охраны памятников архитектуры (1928-1941) ……52

II.1. Государственные организации охраны памятников и их преобразования ……54

II.2. Значение антирелигиозной кампании в формировании отношения общества к памятникам архитектуры ……69

II.3. Роль общественности в деле охраны памятников Москвы ……76

II.4. Выводы ……86

Глава III. Возрождение органов государственной охраны памятников архитектуры и общественное движение (1942-1965) ……87

III.1. Воссоздание системы охраны памятников архитектуры в СССР и развитие законодательства. 1943-1950-е гг. ……88

III.2. Состояние службы охраны памятников архитектуры в Москве в 1940-х-1950-х гг. ……92

III.3. Направления деятельности службы охраны памятников архитектуры Москвы. Учет, использование, реставрация ……97

III.4. «Дальнейшее улучшение дела охраны памятников…» Нормативные акты 1950-х гг. ……..109
III.5. Участие общественности в деле охраны памятников архитектуры …….....113
III.6. Выводы ……..……..…125
Глава IV. Развитие градостроительной концепции охраны архитектурного наследия (1966-1991) ……..…...126
IV.1. Правовая основа деятельности московского органа охраны памятников ……..127
IV.2. Порядок выявления, учета и регистрации памятников архитектуры……131
IV.3. Охранные зоны и зоны регулирования застройки; градостроительный аспект охраны памятников архитектуры ...……...138
IV.4. Проблемы использования и реставрации памятников архитектуры ….....149
IV.5. Общественная деятельность в области охраны памятников архитектуры ……154
IV.6. Выводы ...……167
Заключение ……168
Список сокращений ……..……172
Список литературы ..……174
Список источников ……...181
ТОМ 2 ПРИЛОЖЕНИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ ТОМ 2 ПРИЛОЖЕНИЯ

1. СПИСКИ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ, ОБРАЗЦЫ ДОКУМЕНТОВ И ДРУГИЕ ТЕКСТОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Глава I. Образование и реформирование органа охраны памятников архитектуры (1917-1927)

Приложение I.1 Структура членов Комиссии по охране памятников искусства и старины 1918 г. ……....4

Приложение I.2 Образец анкетного листа для регистрации памятников зодчества 1923 г. …….……....6

Глава II. Кризис охраны памятников архитектуры (1928-1941)

Приложение II.1 Образец паспорта памятника архитектуры ЦГРМ 1931 г. 7

Приложение II.2 Список памятников архитектуры г. Москвы высшей и первой категории 1934 г. ……....9

Приложение II.3 Типовой договор сдачи в аренду учетного памятника архитектуры 1937 г. ……..14

Глава III. Возрождение органов государственной охраны памятников архитектуры и общественное движение (1943-1965)

Приложение III.1 Примеры памятников архитектуры г. Москвы, находящихся в особо запущенном и аварийном состоянии 1954 г. ……..…….16

Приложение III.2 Перечень памятников архитектуры, исключаемых из списка памятников, подлежащих охране как памятники государственного значения 1963 г. ……....19

Приложение III.3 Опросник о вновь выявленном памятнике архитектуры Московского клуба туристов 1955 г. ……..20

Глава IV. Развитие градостроительной концепции охраны архитектурного наследия (1966-1991)

Приложение IV.1 Список памятников архитектуры и градостроительства Москвы советского периода 1983 г. ……..…….21

Приложение IV.2 Образец учетной карточки памятника культуры 1986 г. 23

Приложение IV.3 Образец паспорта памятника культуры 1986 г. …….....25
2. ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ И ГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ.
Таблица 1 Реформирование оранов охраны памятников архитектуры (1917-1927 гг.) ……..……..28
Таблица 2 Первые охраняемые объекты архитектурного наследия г. Москвы (1917-1920 гг.) гг.) ……29
Таблица 3 Кризис охраны памятников архитектуры (1928-1941 гг.) ……..30
Таблица 4 Утраты исторического облика Москвы (1928-1941 гг.) …….....31
Таблица 5 Возрождение органов государственной охраны памятников архитектуры (1942-1965 гг.) ……32
Таблица 6 Утраты исторического облика Москвы (1942-1965 гг.) …….33
Таблица 7 Протесты общественности против Генерального плана реконструкции Москвы (1966-1971 гг.) ……34
Таблица 8 Утраты архитектурного облика Москвы (1966-1971 гг.) ……...35
Таблица 9 Развитие градостроительной концепции архитектурного наследия (1966-1991 гг.) ……..…….36
Таблица 10 Схемы размещения заповедных зон в пределах Садового кольца 1973 г. и исторической застройки 1989 г. ……..……...37
Таблица 11 Деятельность Департамента культурного наследия Москвы (1991-2014 гг.) …….……...38

Введение

Общество[1], в широком понимании этого слова, является потребителем культурного наследия. В первую очередь это относится к памятникам архитектуры, которые являются одной из составных частей культурного наследия: в памятниках архитектуры люди живут, работают, учатся, развлекаются[2]. Сохранение памятников истории и культуры, в том числе архитектурных, является конституционной обязанностью российских граждан[3]. Тем не менее, непосредственную обязанность охраны памятников несет государство. В столице Российской Федерации Москве функцию охраны памятников архитектуры выполняет Департамент культурного наследия. Государственная охрана памятников архитектуры Москвы имеет почти столетнюю историю, в ходе которой сложились структура, методы и направления деятельности государственного органа, а также позиции общества в отношении архитектурного наследия, которые нуждаются в осмыслении. **Актуальность темы** продиктована:

необходимостью построения современной концепции охраны памятников архитектуры в развивающемся мегаполисе, столице России – Москве;

поддержания позитивных взаимоотношений государственного органа и общественных сил с целью объединения их усилий в вопросах охраны архитектурного наследия;

соотнесения градостроительной политики столицы требованиям охраны и сохранения архитектурного наследия;

потребностью в разработке новых направлений деятельности Департамента культурного наследия Москвы (ДКН), совершенствовании методов работы, уточнении критериев отбора и классификации объектов охраны в соответствии с современными представлениями о сохранении, использовании, популяризации и

[1] Под обществом понимается обширная социальная группа, объединенная географической территорией, политической формацией и общей культурой.
[2] Памятник архитектуры — недвижимый объект материального и духовного творчества, имеющий художественную или историческую ценность.
[3] Ст. 44 Конституции РФ.

государственной охране объектов культурного наследия, закрепленными в законодательстве Российской Федерации[4].

Степень научной разработанности темы. Степень научной разработанности. Общие позиции при раскрытии проблемы опираются на работу коллектива авторов под редакцией А. С. Щенкова «Памятники архитектуры в Советском Союзе. Очерки истории архитектурной реставрации», в которой впервые подробно изложена история развития советской реставрационной школы в контексте общекультурных процессов, происходивших в государстве, с критических позиций проанализированы все аспекты реставрации памятников архитектуры [5]. В подобном же ключе рассматриваются в последние десятилетия проблемы охраны памятников в работах советских и зарубежных авторов В. Ф. Козлова, В. О. Седельникова, Е. И. Кириченко, А. Стародубовой, О. Л. Забицкой, А. М. Кулемзина, М. А. Доброновской и Л. Р. Вайнтрауба, К. Келли, Д. П. Фарелла. В диссертации использованы работы советского периода, посвященные персоналиям: «Краеведы Москвы», работы об архитекторе Г. Т. Крутикове и публикации Е. Б. Овсянниковой о Н. Д. Виноградове и его службе в органах охраны памятников[6]. Книгу Ю. Н. Жукова «Сохраненные революцией» о первых годах деятельности московских органов охраны памятников старины, в большей степени можно считать публикацией документов, нежели научным исследованием[7]. В работе использованы публикации последнего десятилетия в интернет-изданиях и на

---

[4] Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»// Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176236/?frame=1(дата обращения: 02.05.2015)

[5] Памятники архитектуры в Советском Союзе: Очерки истории архитектурной реставра-ции / под общ. ред. А. С. Щенкова. – Москва: Памятники исторической мысли, 2004. 696 с.

[6] Краеведы Москвы: Историки и знатоки Москвы / Иванова. Л.В.; Шмидт. С.О. [и др.]. – Вып. 3. – Москва: Книжный сад, 1997. – 304 с.; Хан-Магомедов С. О. Георгий Крутиков. – Москва: Фонд «Русский авангард», 2008. – 180 с.; Архитектор Георгий Тихонович Крутиков, 1899-1958 / Авт. и сост. И. В. Голубева. – Ялта, 2000.- 43 с.; Овсянникова Е. Б. Из истории Комиссии Моссовета по охране памятников // Советское искусствознание '81. Вып. 2: Сб. статей / Редкол.: В. М. Полевой и др. – М., 1982. - С. 263-330. См. также Нифонтов Л. А. Архитектор П. П. Малиновский. – Горький : Волго-Вят. кн. изд-во , 1973 - 55 с.

[7] Жуков Ю. Н. Сохраненные революцией: Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917-1921 годах. – Москва: Московский рабочий, 1985. – 208 с.

интернет-сайтах общественных организаций по охране архитектурного и культурного наследия, к примеру, Архнадзора и ВООПИК, которые содержат ценный фактический материал как о личностях, так и о важных моментах истории охранительного движения [8].

Из зарубежных исследований заслуживают внимания статьи британской исследовательницы Кетрионы Келли, основанные на обширном архивном материале. Келли рассматривает политику охраны памятников архитектуры в СССР в конце 1920-х гг. и в период 1960-х-1970-х гг. на примере Ленинграда[9]. Американский историк Стефан Биттнер в монографии, анализирующей советское общество периода так называемой «хрущевской оттепели», приводит ценные сведения о движении москвичей в защиту архитектурных достопримечательностей и культурной атмосферы Арбата в конце 1950-х-начале 1960-х гг. Это движение было неформальным, но тем не менее оказало заметное влияние на общественную и культурную жизнь Москвы. На его основе сформировалось поколение московской интеллигенции, известное как поколение «шестидесятников» [10] . Общественному движению в защиту памятников архитектуры и процессу создания ВООПИК посвящена докторская диссертация американского исследователя Д. П. Фаррелла. Однако необходимо отметить слабые стороны этой работы: недостаточность источниковой базы и поверхностное освещение истории создания общества[11].

Особо следует выделить обширный блок работ, посвященных состоянию охраны культурного наследия постсоветского перида. Они явились для соискателя примером научной добросовестности и оказали неоценимую помощь при разработке методологического подхода к анализу градостроительного аспекта

---

[8] Используется аббревиатура, принятая на момент создания организации в 1966 г.

[9] Келли К. Исправлять ли историю? Споры об охране памятников в Ленинграде 1960-1970-х годов // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 2. Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_64/3858-ispravljat-li-istoriju-spory-ob-okhrane.html (дата обращения: 02.02.2013); Kelly C. Socialist Churches: Heritage Preservation and ‘Cultic Buildings’ in Leningrad, 1924–1940 // Slavic Review. Vol. 71, no. 4. C. 811.

[10] Bittner Stephen V. The many lives of Khrushchev's thaw : Experience and memory in Moscow's Arbat. Ithaca : Cornell University Press, 2008.

[11] Farrell J. P. «If these Stones could Only Speak : Historical and Cultural Preservation in a Soviet Context, 1955-1966». PhD diss., University of California, Davis, 2004. – ProQuest (AAT3148444)

охраны архитектурного наследия. В первую очередь это статьи выдающегося специалиста, знатока и защитника московской архитектуры А. И. Комеча, которые были опубликованы в его посмертном сборнике, а также альбом «Московское архитектурное наследие: точка невозврата» (редакторы А. Ю. Броновицкая и др.) [12] Сюда же входят многочисленные выступления на конференциях, интервью, публикации в сети Интернет, статьи и книги историков архитектуры А. С. Щенкова, А. Ю. Броновицкой, Н. О. Душкиной, посвященные как теоретическим проблемам сохранения исторической подлинности объектов охраны при реконструкции и реставрации в городском контексте, так и злободневным вопросам спасения памятников, находящихся под угрозой сноса[13].

Объект исследования – деятельность государственных органов охраны архитектурного наследия Москвы и общественных организаций, представленная в архивных и опубликованных документах, научной литературе, графических и фото материалах, нормативных и законодательных актах.

Предмет диссертационного исследования – история становления и развития охраны архитектурного наследия в советский период на примере Москвы в контексте общественного движения в защиту памятников.

Цель исследования – реконструировать историческую картину деятельности в области охраны архитектурного наследия как важную часть архитектурной жизни столицы России, выявить ключевые изменения в подходах к охране и сохранению памятников, проследить эволюцию направлений и методов работы органов охраны памятников архитектуры, критериев оценки и систематизации памятников, а также определить факторы, влиявшие на их формирование в течение советского времени (1917-1991 гг.).

---

[12] Хранитель. Алексей Ильич Комеч и судьбы русской архитектуры / сост. Н.Самовер. М.: Искусство-XXI век, 2009; Московское архитектурное наследие: точка невозврата. Вып. 2 / [ред.-сост. Э. Харрис, К. Сесил, А. Броновицкая]

[13] См. Душкина Н.О. Градостроительное наследие в рамках оппозиции консервации и развития (к истории вопроса). // Культура и природа древнего города. М., 1998. С. 14-29; Подлинность наследия и современный город. // Двадцатый век и пути европейской культуры. М., 2000. С. 237-251; XX век. Сохранение культурного наследия. Коллективная монография, на русском и английском языках. М., МАРХИ, Москомнаследие, 2006, и др.

Необходимым условием для достижения поставленной цели является решение **следующих задач**:

1. Выявление, исследование и анализ исторических источников, включая документальные фонды федеральных, региональных и ведомственных архивов и научных библиотек; публикации периодической печати, отражающие отношение общественности к архитектурному наследию; законодательную и нормативную литературу.

2. Изучение эволюции государственной идеологии в вопросах культурного наследия и выявление ее влияния на общественное мнение по вопросам сохранения памятников архитектуры.

3. Анализ деятельности органов охраны памятников архитектуры Москвы, включая направления и методы работы, принципы отбора, критерии классификации и постановки на учет.

4. Анализ изменений и развития концепций охраны и сохранения памятников архитектуры Москвы.

5. Рассмотрение процесса участия общественных групп, организаций и активистов в сохранении и охране архитектурного наследия и анализ влияния этих общественных сил на деятельность по охране памятников архитектуры Москвы на протяжении 1917-1991 гг.

Границы исследования. Работа посвящена деятельности государственного органа охраны архитектурных памятников столицы СССР Москвы в период 1917-1991 гг. Рассмотрено также общественное движение в защиту архитектурного наследия столицы, которое анализируется в качестве фактора, оказавшего воздействие на формирование и эволюцию принципов и методов государственной деятельности в рассматриваемой сфере.

Методология и методы исследования. Методология исследования состоит из комплекса методов, включая выявление, изучение и сопоставительный анализ опубликованных и архивных источников, графических и фотоматериалов, а также законодательной и нормативной литературы. В процессе исследования было проанализировано 427 архивных документов из центральных и московских

архивов (ГА РФ, РГАЭ, РГАНИ, РГАСПИ, РГАЛИ, ЦГА г. Москвы, ЦГАМО). Большая часть документов впервые введена в научный оборот.

Положения, выносимые на защиту:

- Установленная парадигма зависимости практики охраны архитектурного наследия от изменений в государственной идеологии и выявленная периодизация истории охраны памятников архитектуры в стране, состоящая из шести этапов: **1. 1917-1927 гг.** Создание системы охраны памятников на всероссийском и местном уровнях; разработка направлений и методов деятельности. **2. 1928 - 1938 гг.** Разрушение созданной ранее системы охраны памятников. **3. 1938 – нач. 1950-х гг.** Возрождение центральных общегосударственных, республиканских и местных органов охраны памятников. **4. 1955 - 1965 гг.** Гонения на памятники архитектуры, в особенности религиозного назначения; рост общественного движения за спасение памятников истории и культуры, включая создание ВООПИК. **5. 1966 - 1976 гг.** Возрастающий снос исторической застройки в связи с реконструкцией городов; **6. 1976 – 1991 гг.** Реформирование и укрепление деятельности по охране памятников; разработка градостроительной концепции охраны архитектурного наследия.

- Реконструированная роль московского органа охраны памятников архитектуры в общей системе охранительного процесса, в контексте нарастания общественного движения в защиту памятников культуры, и выявленные направления его деятельности, функции, методы работы, критерии постановки на учет и классификации, принципы отношений с пользователями памятников.

- Эволюция концепций охраны историко-архитектурного наследия от сохранения и поддержания единичных выдающихся архитектурных сооружений через организацию локальных охранных зон до создания комплекса мер и режимов сохранения исторической среды в градостроительном масштабе.

Научная новизна исследования состоит в том, что

- впервые предложена периодизация истории охраны архитектурного наследия в Москве;

- выявлена зависимость практической деятельности в области охраны архитектурного наследия Москвы от государственной идеологии и показано ее изменение на протяжении всего советского периода истории;

- впервые раскрыта историческая картина деятельности органов охраны архитектурного наследия Москвы; описана его роль в сохранении архитектурного облика столицы;

- выявлена эволюция государственных концепций охраны памятников от сохранения индивидуальных произведений архитектуры до формирования современного градостроительного подхода к охране памятников;

- впервые представлен процесс развития общественного движения в защиту памятников архитектуры и его превращения в массовую организацию. Установлено, что ведущая роль в этом движении принадлежала активистам московских историко-архитектурных организаций.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что на основе архивных документов и опубликованных источников, в том числе впервые введенных в научный оборот, проведена периодизация охраны памятников, воссоздана история возникновения, становления, развития и практической деятельности государственной службы и усилий общественности в области охраны архитектурных памятников Москвы, которая вносит вклад в систему научных знаний о роли культурного наследия в государственном управлении и общественной жизни.

Практическая значимость заключается в применении результатов исследования в практической деятельности органа охраны архитектурного наследия Москвы, в том числе, при разработке методик охраны культурного наследия, в работе по расширению привлечения общественности к сохранению исторической среды, в деятельности по популяризации культурного наследия Москвы; а также в лекционных курсах и практических занятиях в историко-архивных, архитектурных, культурологических учебных заведениях.

Достоверность результатов подтверждается обширной источниковедческой базой, включающей документы правительственных

организаций, творческих союзов, личного происхождения из фондов центральных государственных и муниципальных архивов, в том числе: Государственного архива Российской Федерации (фонды ВЦИК, Главнауки, Наркомпроса РСФСР, Совмина РСФСР, ВООПИК); Российского государственного архива литературы и искусства (фонд Московского отделения Союза архитекторов СССР); Российского государственного архива новейшей истории (фонд Идеологического отдела ЦК КПСС); Российского государственного архива экономики (фонд Главного управления охраны памятников); Центрального государственного архива г. Москвы (фонды МГК КПСС, Отдела культуры Исполкома Моссовета, личные фонды Н. М. Молевой и Ф. Н. Лужецкой); Центрального государственного архива Московской области (фонды московских отделов народного образования и муниципального благоустройства); Российского государственного архива социально-политической истории (фонд Л. М. Кагановича); газетные и журнальные публикации; официальные документы, письма граждан, законодательные акты СССР и РСФСР, внутриведомственные циркуляры, инструкции и другие распорядительные документы органов охраны памятников, мемуарную литературу. Деятельность по охране памятников архитектуры представлена как часть общеисторического процесса и соответствует современным научным представлениям, принятым в историографии советского времени (1917-1991 гг.), что также свидетельствует о достоверности результатов.

Апробация результатов исследования была осуществлена в трех научных публикациях в журналах списка ВАК и в других публикациях[14]; в выступлениях на радио и телевидении, научных форумах и круглых столах, посвященных охране памятников архитектуры, льготной аренде исторических зданий (29.10.2010, 25.05.2012 и 23.02.2013)[15], юбилее Отечественной войны 1812 г.

[14] «Московский корреспондент». 2013. Режим доступа: http://www.moscor.ru/moskva-i-moskvichi/nikolay-pereslegin-o-problemah-kulturnoy-moskvyi.html ; «Московские новости». 2014. Режим доступа: http://www.mn.ru/moscow_authority/20121005/328169179.html

[15] «Свободный микрофон», «Эхо Москвы» и телеканал Москва24. Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/programs/razvorot/891967-

(19.05.2012)[16], сохранении памятников монументального искусства советской эпохи (03.04.2014) [17] ; возможности доступа к памятникам архитектуры Московского Кремля (27.02.2014)[18]; в московских городских общественных дискуссиях «Хранители: будущее исторического наследия» (25-26.11.2011 и 03.12.2011) и «Охрана памятников архитектуры: конструктивизм» в рамках программы «Премия Кандинского» (22.10.2014)[19]. Результаты исследования прошли апробацию в практической деятельности Департамента культурного наследия (ДКН): соискатель – куратор издания 29 номеров журнала «Московское наследие» (орган ДКН); соавтор концепций и участник внедрения проектов ДКН по популяризации исторического наследия: «Выход в город» (старт проекта 2011 г., цикл авторских экскурсий по Москве) и «Узнай Москву» (старт проекта 2012 г., размещение на объектах культурного наследия указателей с QR-кодами); куратор проекта «Рубль за метр» (льготная аренда зданий при условии проведения их реставрации).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из двух томов. Том 1 - введение, четыре главы, заключение (170 страниц текста), списки литературы (114 наименований) и источников (140 Дел) и список сокращений. Том 2 – приложения (текстовые и иллюстративные).

---

echo/;http://www.echo.msk.ru/programs/museum/1017522-echo/; http://sovsekretno.tv/гость-николай-переслегин/

[16] Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/programs/netak/890100-echo/

[17] Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/programs/razvorot/1292236-echo/#mmvideo

[18] Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=j3k6yZscvT0

[19] http://www.kandinsky-prize.ru/diskussiya-ohrana-pamyatnikov-arhitektury-konstruktivizm-2/

Глава I. **Образование и реформирование органа охраны памятников архитектуры (1917-1927)**

До Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России фактически не существовало государственных органов охраны памятников архитектуры и истории. Существовали лишь общественные организации, которые занимались вопросами охраны, изучения и реставрации памятников, как, например, Императорское Московское археологическое общество. До некоторой степени эту же функцию выполняла и Императорская археологическая комиссия. Фактически, пришедшему к власти после Октябрьской революции 1917 г. правительству большевиков пришлось организовать систему государственной охраны памятников архитектуры и искусства с чистого листа. Первое десятилететие существования (1917-1927 гг.) представляется особенно важным в ее истории, потому что именно в этот период были заложены основные принципы и традиции деятельности в области охраны памятников. Многие из них остались неизменными в течение десятилетий, а некоторые действуют и по настоящее время. Необходимым является найти ответы на несколько вопросов, и важнейшие из них – почему вообще возник орган охраны памятников в революционном государстве и как она развивалась. Действительно, по самой своей природе новая власть была ориентирована на разрушение устоев прошлого и строительство нового общества. Многие революционеры, пришедшие к власти, искренне считали, что в сохранении прошлого нет нужды. Необходимость защиты памятников искусства и архитектуры приходилось доказывать. Однако все первое десятилетие советской власти органы охраны памятников, в том числе и московский, продолжали функционировать в той или иной форме. В этот период происходило становление советского законодательства в области охраны культурного наследия и установлены основные принципы и критерии учета и систематизации памятников архитектуры, а также взаимоотношений с пользователями исторических зданий. В этот же период формировалось

отношение советского общества к материальному наследию. Эти процессы рассматриваются в первой главе.

I.1. Комиссия по охране памятников искусства и старины Московского Совета (1917-1918)

2 (15) ноября 1917 г. в Москве, вслед за Петроградом, произошло вооруженное восстание, в результате которого власть перешла в руки большевиков. Московская городская дума была распущена. В течение нескольких недель управление Москвой осуществлял Московский военно-революционный комитет (МВРК) Московского совета рабочих депутатов. Большевики с первых дней своего правления осознали необходимость сохранения сокровищ, которые имели не только художественную, но и материальную ценность «на гигантские суммы»[20], как от разграбления, так и от вывоза владельцами за пределы России. Включение в название государственного органа понятия «охрана памятников», которое закрепилось за ним на многие последующие десятилетия, означало не заботу и сохранение памятников в современном понимании, а буквально отражало задачу физической охраны материальных ценностей от разрушения, грабежей, «пьяных погромов» и «растаскивания мародерами» [21]. Именно этой необходимостью объясняется быстрая организация охраны памятников искусства и архитектуры большевиками. 13 (26) ноября 1917 года МВРК постановил назначить художника К. С. Малевича комиссаром по охране ценностей Московского Кремля. Тем же постановлением Е. К. Малиновской было поручено организовать комиссию по охране всех художественных, научных и исторических ценностей [22].

---

[20] Советская власть и памятники старины, 1919 г. // А. В. Луначарский. Об изобразительном искусстве. – Т. 2. – 1967. – С. 52-53.
[21] Луначарский А. В. Почему мы охраняем церковные ценности, 1926 // Указ. Соч. С. 180.
[22] Постановления Военно-Революционного Комитета 13-го ноября 1917 года // Известия Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. 15 (28) Ноября 1917. № 206(213) - С. 2). Малиновская Елена Константиновна (1875-1942) в 1917 г. руководила Художественно-

Первоначальная комиссия состояла из трех человек: художника Казимира Севериновича Малевича, скульптора и художника Евгения Владимировича Орановского и архитектора Павла Петровича Малиновского. Последний, большевик со стажем, и возглавил Комиссию Моссовета по охране ценностей, а также заменил К. С. Малевича на посту комиссара по охране кремлевских ценностей[23]. По воспоминаниям очевидцев и участников октябрьских событий, уже на другой день после опубликования декрета МВРК П. П. Малиновский, Е. В. Орановский и Д. А. Магеровский осматривали кремлевские здания и расставляли посты охраны[24]. Той же необходимостью охраны от разграбления было продиктовано и постановление президиума Моссовета 15 февраля 1918 г. в связи с волнениями анархистов «поручить комиссару по охране памятников т. Малиновскому в срочном порядке … составить опись всех особняков и дворцов г. Москвы, представляющих художественную или архаическую ценность…»[25].

Первые меры по сохранению и аккумуляции ценностей в руках новой власти были приняты. Однако помимо материальной стоимости, продолжение работы по охране памятников требовало теоретического обоснования. На протяжении всего советского периода охранители культурного наследия ссылались на ленинские высказывания о ценности материальной культуры прошлого, но они носили слишком общий характер, как, к примеру, хрестоматийная цитата: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало

просветительным отделом Моссовета, в 1920-е гг. была директором Большого театра (ГА РФ. Ф. Р-7009. Историческая справка фонда. Л. 1).

[23] Жуков Ю. Н. Сохраненные революцией. Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917-1921 годах. С. 41-60.

[24] Воспоминания Е. В. Орановского // РГАЭ. Ф. 108. Оп. 1. Д. 98; ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 2761. Оп. 1. Д. 18. Его и другие воспоминания см. также Из истории строительства советской культуры. Москва. 1917-1918. Документы и воспоминания. Магеровский Дмитрий Александрович (1890-1939), левый эсер, в октябре-ноябре 1917 г. был членом штаба Московского ВРК; до июля 1918 г. (восстание левых эсеров) был членом президиума Моссовета и членом ВЧК.

[25] ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 2761. Оп. 1. Д. 18. Л. 2. О мятеже анархистов в Москве в феврале 1918 г. см. Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб.: Издательство СПб университета, 2006. Режим доступа: http://www.pseudology.org/Bolsheviki_lenintsy/RedTerror/2.htm (дата обращения: 14.04.2013).

человечество»[26]. Одним из первых теоретиков советской власти в области охраны культурного наследия можно считать наркома просвещения А. В. Луначарского, который посвятил этой проблеме целый ряд работ. Он писал, что в стране, переживающей революционный кризис, необразованные, вырвавшиеся из подавленного состояния массы естественным образом переносят свою ненависть к поработителям и на их жилища, и на произведенные ими художественные сокровища. Поэтому первоочередной задачей было остановить волну разрушения. Затем, необходимо недоступные прежде дворцы и поместья «выродков славных когда-то родов» превратить в общественные дома, дающие радость многочисленным посетителям. Центральной задачей рабоче-крестьянской власти Луначарский видел просвещение масс, в том числе и художественное, частью которого он считал сохранение, популяризацию и использование в идеологических целях памятников материальной культуры. «Почему эти дворцы привлекают, - спрашивал Луначарский, - в особенности рабочих? Потому что они грандиозны и в грандиозности своей художественно закончены. … Народ сам создаст свои приемные залы… и дворцы… Но он ни у кого другого не научится той ослепляющей шири, тому художественному размаху, который именно дворянство дало во время своего апогея». Луначарский писал, что историчность марксизма заключается в понимании того, что каждая эпоха, в том числе и социализм, строится на фундаменте предыдущих эпох, которые не могут быть вычеркнуты из «сокровищницы человеческих достижений». Исходя из этого, пролетариат должен покончить с «безобразиями

[26] См. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи (1920) – Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – Т.41. – Москва: Политиздат , 1969. С. 304-306. В этой работе Ленин также писал, что пролетарская культура должна явиться закономерным развитием запасов знаний, выработанных человечеством под капиталистическим, помещичьим и чиновничьим гнетом. О воспоминаниях соратников Ленина по поводу его высказываний о памятниках архитектуры см. Памятники Архитектуры в Советском Союзе: Очерки Истории Архитектурной реставрации. С. 49-50.

прошлого», сохраняя и изучая при этом его красоту, в том числе, и здания религиозных культов[27].

Очевидно, что новая власть не могла обойтись без помощи старых специалистов в деле учета, систематизации и охраны исторических и художественных ценностей. В духе ленинских указаний о привлечении интеллигенции к управлению государством Московский совет рабочих депутатов обратился ко всем художественным и научным обществам Москвы с предложением прислать представителей в Комиссию[28]. Однако далеко не все откликнулись на это предложение. Единственной организацией, принявшей деятельное участие в работе Комиссии по охране памятников, был союз художников Москвы «Изограф», куда входили А. Н. Корин, В. Н. Мешков, Л. И. Пастернак, В. Д. Поленов, П. П. Кончаловский и др. Одновременно, в декабре 1917 г. деятели культуры Москвы образовали общественный Объединенный комитет по охране собраний и памятников искусства, куда вошли члены профсоюза живописцев, известные московские искусствоведы и музейные работники во главе с И. Э. Грабарем[29]. По мнению авторов сборника «Памятники архитектуры в Советском Союзе», Объединенный комитет видел свою задачу не столько в охране памятников архитектуры, сколько в учете и защите движимых коллекций и произведений искусства. Комитет настаивал на сохранении независимости от московских властей, однако под давлением Моссовета уже в

---

[27] А. В. Луначарский. Советская власть и памятники старины (1919); Почему мы охраняем дворцы Романовых (1926); Почему мы сохраняем церковные ценности (1926) и др. Указ. соч. Т. 2. С. 52-77, 161-183.

[28] В ряде статей, написанных вскоре после октябрьской революции, В. И. Ленин писал о враждебности интеллигенции по отношению к рабочему классу. В то же время он неоднократно и по разным поводам указывал на необходимость ее использования во всех областях государственного строительства и экономики, на то, что «учиться социализму» надо именно у буржуазной интеллигенции: «Без совета, без руководящего указания людей образованных, интеллигентов, специалистов обойтись нельзя»; «…Задача Советской власти состоит теперь в том, чтобы суметь воспользоваться этими услугами [интеллигенции], которые для перехода к социализму безусловно необходимы», и др. Более подробно см. Ленин В. И. Как организовать соревнование (1917) //Ленин В. И. Указ. соч. Т. 35. С. 202; Вариант статьи «Очередные задачи советской власти» (1918) // Т. 36. С. 137; Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. // Т. 37. С. 223) и другие работы.

[29] Комиссия по охране памятников искусства и старины Совета Р. С. и Кр. Депутатов Москвы и Московской Области // Известия Художественно-Просветительного Отдела. 1918, март. № 1. С. 17.

январе 1918 г. вынужден был принять решение о вхождении в состав Комиссии по охране ценностей под началом П. П. Малиновского. После объединения, которое произошло 23 января 1918 г., Комиссия стала называться Комиссией по охране памятников искусства и старины[30]. Несмотря на отмеченные выше трения с новой властью, московское архитектурно-научное сообщество с энтузиазмом отнеслось к делу охраны памятников старины. Часть историков искусства и архитектуры видела в национализации памятников огромные возможности их исследования, описания и сохранения. В особенности это относилось к произведениям древнего церковного зодчества и живописи[31]. Многие видели свою миссию в спасении культурных сокровищ. Так, П. П. Вейнер писал в 1918 г.: «При условиях нашей действительности, когда фактически власть находится в руках лиц, не сознающих художественное или историческое значение этого имущества, которое попадет в область их распоряжения, существо дела не терпит отсрочки до того времени, пока развитие распорядителей окажется на нужной высоте – дело охраны памятников носит характер пожарной помощи, т. е. ограждения от гибели немедленной и нависшей вне всяких вопросов о владении»[32].

Члены Московской комиссии по охране памятников – историки архитектуры и искусства, архитекторы, археологи, краеведы – активно включились в строительство нового охранительного органа. В комиссии участвовали известные деятели культуры, художники, скульпторы, архитекторы, реставраторы: В. Н. Мешков, Н. Д. Виноградов, Д. П. Сухов, С. Т. Коненков,

---

[30] См. об этом также: Жуков Ю. Н. Сохраненные революцией: Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917-1921 годах. С. 44-49.

[31] Более подробно об этом см. Памятники архитектуры в Советском Союзе : Очерки истории архитектурной реставрации. С. 16.

[32] Цит. по: Памятники архитектуры в Советском Союзе : Очерки истории архитектурной реставрации. С. 45. Вейнер Петр Петрович (1878-1931) – издатель журналов об усадебной культуре России «Старые годы», в советское время был почетным членом ОИРУ, с 1927 г. возглавлял Отдел по делам музеев и охране памятников старины Наркомпроса; впоследствии репрессирован и расстрелян.

братья А. М. и В. М. Васнецовы, А. В. Щусев, И. В. Жолтовский, и многие другие[33].

В течение 1917-первой половины 1918 гг. система органов охраны памятников прошла через сложный организационный период, что было связано с переездом правительства из Петрограда в Москву и трениями между московскими и петроградскими чиновниками. Подробное освещение деятельности центрального органа охраны памятников – Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения РСФСР – не входит в круг задач данной работы. Также, период организации Отдела подробно описан в литературе[34].

Однако необходимо отметить, что борьба между петербургским и московским направлениями в области охраны памятников была, по существу, борьбой между демократической и авторитарной формами управления как охраной памятников, так и культурой вообще. Хотя Комиссия и была «частью аппарата президиума Моссовета и Совета Народных Комиссаров Москвы и области», Московские деятели искусства стремились создать орган, который по форме являлся бы своего рода общественной организацией, с привлечением к работе всех обществ и институтов, имеющих отношение к охране памятников старины[35]. На это указывали первые сотрудники московской Комиссии П. П. Малиновский и Е. В. Орановский, которые скептически относились к «петроградскому централизму». По убеждению Малиновского, «‘Московская Республика', с ее особым укладом художественной жизни, должна сохранить всю полноту своих прав»[36]. Комиссия выработала свою Конституцию. Основами деятельности были свободное представительство всех «археолого-исторических и профессионально-художественных обществ Москвы», периодические собрания

---

[33] Список членов Комиссии по охране памятников искусства и старины см. Приложение 1.
[34] См. Жуков Ю. Н. Сохраненные революцией: Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917-1921 годах. С. 79-82; Памятники архитектуры в Советском Союзе : Очерки истории архитектурной реставрации. С. 50-51. См. также Доброновская М. А., Вайнтрауб Л. Р. Указ. соч. С. 23-25.
[35] См. воспоминания Е. В. Орановского // РГАЭ. Ф. 108. Оп. 1. Д. 98. Л. 100-107 об.
[36] ЦГАМО. Ф. 964. Оп. 1. Д. 115. Л. 31-32.

членов, выборность президиума общими собраниями членов и совещательность. Согласно отчетам комиссии, в конце 1917 года в ней работало 17 сотрудников, а уже в январе 1918 года их было около 70. К весне 1918 г. состав комиссии увеличился до 300 человек[37]. Большое число участвующих объясняется тем, что, хотя комисия и являлась правомочным и полномочным органом Московского Совета, но создавалась как представительный совещательный орган общественных объединений Москвы. Они должны были регулярно собираться на общие собрания, а последние избирали рабочий орган – Президиум Комиссии[38]. Для выполнения практических работ члены комиссии присоединялись к отделам, которых было четыре: Архивно-музейно-библиотечный, Пластических искусств, Архитектурный и Организационно-Технический. Все монументальные памятники, здания и движимые произведения искусства, представляющие художественно-историческую ценность и находящиеся на территории действия Московского Совета, то есть на территории Москвы и Московской губернии, состояли в ведении Комиссии. По Положению, ни одна реставрация, никакой ремонт художественно-исторических зданий не должны были проводиться без предварительного уведомления и без согласия Комиссии. Решения ее представителей и экспертов являлись обязательными для учреждений и граждан в районе действия Московского Совета[39].

Несмотря на активность и многочисленность Комиссии по охране памятников искусства и старины, противостояние московских властей с центром закончилось победой наркома просвещения А. В. Луначарского и подчинением ее Коллегии по делам музеев Наркомпроса РСФСР[40]. Первый руководитель

---

[37] Виноградов Н. Д., Малиновский Ю. П. Охрана памятников культуры в первые годы Советской власти // Архитектура СССР. 1958. - № 11. - С. 43; Комиссия по охране памятников искусства и старины Совета Р. С. И Кр. Депутатов Москвы и Московской Области. С. 18.

[38] Структуру комиссии см. Приложение 2.

[39] ЦГАМО. Ф. 2761. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-3 об.; Инструкция по организации Комиссии по охране памятников искусства и старины Совета Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов [январь 1918 г.]; Проект Конституции Комиссии [29 января 1918 г.]. Опубл. в.: Из истории строительства советской культуры. Москва. 1917-1918. Документы и воспоминания. С. 136-141.

[40] Название центрального органа охраны памятников – Отдела по делам музеев и охране памятников старины Наркомпроса РСФСР несколько раз изменялось в течение 1918-1930 гг. в

комиссии П. П. Малиновский покинул свой пост, и на его место был назначен архитектор-реставратор Н. Д. Виноградов[41].

Объединение управления делами музеев и охраны памятников старины в одном органе не было случайным. После революции 1917 г. был взят курс на музеефикацию архитектурного наследия. Это означало попытку лишения зданий их прежнего смысла, изъятия из исторического контекста и трансформирования их в музейные экспонаты. Многочисленные усадьбы, церкви и монастыри были превращены в музеи быта или антирелигиозные музеи, иллюстрирующие деградацию правящих классов[42]. Начиная с лета 1918 г. музейный отдел Наркомпроса, возглавляемый Натальей Ивановной Троцкой, начал работу по организации местных органов руководства этим обширным хозяйством – губернских отделов по делам музеев и охране памятников старины (губмузеев). Решением Наркомпроса от 18 сентября 1918 г. местные отделы были подчинены Отделу музеев Наркомпроса: «местные … подотделы или комиссии по охране памятников должны быть … подчинены отделу, должны вести наблюдение за сохранностью памятников и имеют право самостоятельно производить лишь регистрацию и обследование их. Комиссия при Московском Совете должна быть всецело подчинена в своей деятельности Отделу на одинаковых основаниях с провинциальными подотделами»[43]. Противостояние московской и петербургской бюрократии продолжалось еще некоторое время. Так, в октябре 1918 г. Московский совет рабочих и крестьянских депутатов обратился во ВЦИК с заявлением, в котором просил об отмене декрета Наркомпроса от 10 октября 1918 г. о передаче всех функций охраны памятников созданной в его структуре Коллегии по охране памятников. Моссовет мотивировал свое требование тем, что большинство всех ценностей находится в Москве; созданная при Моссовете

связи с его переподчинениями в структуре Наркомпроса. Во главе его стояла Коллегия, поэтому часто в документах того времени и в литературе используются наименования как «отдел», так и «коллегия», а также варианты сокращенного наименования «Главмузей», «Отдел музеев Главнауки», «Сектор Науки», «Главнаука» и подобные.

[41] Овсянникова Е. Б. Из истории Комиссии Моссовета по охране памятников. С. 85.

[42] Подробнее о феномене музеефикации см. Памятники архитектуры в Советском Союзе : Очерки истории архитектурной реставрации. С. 14-21.

[43] ЦГАМО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 127.

Комиссия уже проделала большую работу и наметила план дальнейшего учета и сохранения художественных и архитектурных ценностей, в то время как о «деятельности в этой области какого-либо из органов Народного комиссариата просвещения Московскому президиуму ничего не известно». Возмущение руководителей Моссовета вызвал также факт, что помимо них центральный орган управления принял решение, касающееся московских дел[44]. В свою очередь, руководство центрального отдела по делам музеев и охране памятников в своих отчетах замалчивало деятельность московской комиссии в первые послереволюционные месяцы, присваивая себе плоды ее работы. Н. И. Троцкая писала: «Все старинные особняки... музейным отделом [Наркомпроса – Н. П.] просматривались, ... все ценное вывозилось. Если здание, из которого производился вывоз, само по себе представляло интерес по своей архитектуре, М. О. прилагал всяческие усилия к тому, чтобы оно соответственным образом было использовано. В случае неудачи М. О. устанавливал связь с новым советским владельцем помещения, стараясь внушить ему сознание необходимости бережного отношения к зданию и оставляя за собой в то же время право надзора»[45]. В декабре 1918 г. еженедельный орган Наркомпроса, не упоминая деятельности Московской комиссии, подчеркивал, что музейный отдел Наркомпроса провел большую работу и накопил большой опыт научной регистрации памятников Москвы[46]. Более того, в докладной записке наркому просвещения от 25 декабря 1918 г. Н. И. Троцкая утверждала, что работа Комиссии Моссовета по охране памятников «протекает параллельно» или «идет вразрез с планом работы и мерами» ее Отдела. Она требовала призвать все местные органы охраны, и особенно московский, к выполнению доректив

[44] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 93. Л. 186-186 об. ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет) в 1918-1937 гг. являлся высшим законодательным и одновременно исполнительным органом РСФСР.

[45] См. Троцкая Н. Музейное строительство и революция. // Наука и искусство. – 1926. – № 1. – С. 35.

[46] Музеи и памятники искусства и старины. Конструкция Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины и его функции. // Народное просвещение. Еженедельник НКП. – № 23-25. – 28 декабря 1918. – С. 17.

центра[47]. В целях проведения в жизнь декрета СНК РСФСР от 5 октября 1918 г. Отдел по делам музеев Наркомпроса попытался создать комиссию районных уполномоченных, в задачи которых входило налаживание контактов с райсоветами Москвы для «проведения описи всех художественных ценностей и охраны памятников старины», минуя московский орган охраны. Однако Н. И. Троцкая жаловалась, что районные советы «саботировали» совместную с ее отделом деятельность по описанию памятников[48].

Противостояние между центральным и московским органами охраны усиливалось тем обстоятельством, что в отделе по делам музеев Наркомпроса был организован подотдел Столичной охраны памятников искусства и старины (4-ый подотдел), который фактически взял на себя функции комисии при Моссовете[49]. В циркуляре Главмузея за 6 мая 1919 г. говорилось: «Принимая во внимание, что на территории города Москвы находятся памятники … всероссийского значения, Всероссийская Коллегия считает поэтому своей прямою обязанностью принять непосредственное участие в деле охраны таковых памятников и на территории г. Москвы… Приходится признать, что Комиссия при Московском Совете не выполнила возложенных на нее задач по действительной охране памятников искусства и старины». Однако циркуляр подчеркивал, что принятие на себя Отделом музеев Главнауки мер по охране памятников города является временной мерой до того, как работа московской комиссии будет организована должным образом[50]. Соперничество между центральным и московским органами сохранялось и в последующие годы, о чем будет сказано ниже.

I.2. Деятельность Комиссии по охране памятников и старины Московского Совета (1917-1918)

[47] ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 1. Л. 2-2 об.
[48] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 28. Д. 2. Л. 27-27, 74-76 об.
[49] Музеи и памятники искусства и старины. Конструкция Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины и его функции. С. 20-21.
[50] ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 1. Л. 19-19 об.

Особенностью работы органов охраны памятников в послереволюционное десятилетие было то, что он курировал как движимые, так и недвижимые памятники материальной культуры: коллекции и отдельные произведения живописи и прикладного искусства, археологические памятники, а также церкви, монастыри, крепости, усадьбы и другие архитектурные сооружения. Таким образом, сфера деятельности московской Комиссии по охране памятников была весьма обширной. В ведении ее находились объекты на территории не только города Москвы, но и Московской губернии, поскольку административно до 1931 г. столица и губерния не были разделены[51].

Первоочередными задачами Комиссии по охране памятников были организация и учет охраны кремлевских ценностей, а также оценка повреждений, нанесенных артобстрелом во время вооруженного восстания. Как уже упоминалось, члены комиссии отправились на осмотр Кремля на другой же день после ее образования в ноябре 1917 г. Сотрудники комиссии составили план реставрации и добились от СНК РСФСР кредита в размере 450 тыс. рублей. Усилиями комиссии ремонтно-реставрационные работы в Благовещенском, Успенском и Архангельском соборах проводились уже в начале 1918 г.[52] Были приняты меры по сохранению архивов, находившихся в Троицкой и Никольской башнях Кремля. Также комиссия занималась охраной памятников вне Кремля. В частности, в помещение Румянцевского музея были перевезены библиотека Александровского военного училища (ок. 10000 томов) и собрание икон и рукописей коллекционера-старообрядца Е. Е. Егорова, установлена охрана Синодальной типографии и библиотеки[53]. Сотрудники комиссии выезжали на

[51] Алещенко Н. М. Московский Совет в 1961-1977 гг. [Текст] / Н. М. Алещенко; Рос. АН, Ин-т рос. Истории. - Москва: Наука , 1993. С. 355.
[52] Комиссия по охране памятников искусства и старины Совета Р. С. И Кр. Депутатов Москвы и Московской Области. С. 18.
[53] Егоров Егор Егорович – известный коллекционер древнерусского искусства, старообрядец.

обследование дворцов кн. Юсуповых в Останкине и Кускове, усадьбы Архангельское и других московских и подмосковных усадеб[54].

Важнейшим практическим направлением деятельности Комиссии была выдача охранных грамот владельцам имений, усадеб и ценных коллекций произведений искусства. Охранные грамоты выдавались Комиссией по охране памятников искусства и старины от имени Московского Совета. По воспоминаниям Е. В. Орановского, уже к январю 1918 г. был определен «твердый порядок» выдачи охранных грамот. Их выдавали как на коллекции, так и на здания. Владелец собственности должен был обратиться в Комиссию с заявлением, которое включало опись имеющихся у него ценных объектов искусства. После этого Комиссия направляла к нему своих членов, и в случае положительного решения составляла свою опись, один экземпляр которой оставался у владельца, а второй хранился в делах Комиссии. С этого момента считалось, что владелец охраняемого имущества становился как бы его хранителем, не имея права без оповещения Комиссии распоряжаться своей собственностью. Комиссия же, со своей стороны, гарантировала безопасность, предотвращала конфискацию, обеспечивала охрану и условия сохранения ценных предметов. Эта услуга была платной. По свидетельству П. П. Малиновского, «в области охраны памятников искусства и старины удалось своевременно предотвратить возможность их расхищения при содействии в городе – пролетариата и группы специалистов, а в помещичьих имениях Московской области – крестьян и специалистов, прибегнув к довольно остроумному приему взятия их на учет, под контроль и охрану при помощи системы выдачи платных ‘охранных грамот', организации на местах Комитетов охраны, при участии владельцев или доверенных лиц под контролем наших инструкторов, с оплатой всех расходов по охране за счет владельцев, что удовлетворяло решительно все заинтересованные стороны»[55].

---

[54] Комиссия по охране памятников искусства и старины Совета Р. С. И Кр. Депутатов Москвы и Московской Области. С. 17. Памятники архитектуры. См. также Приложение 3. Первые охраняемые объекты архитектурного наследия г. Москвы (1917-1920 гг.)

[55] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 8654. Оп. 1. Д. 699. Л. 4.

Планы комиссии были поистине амбициозными и простирались за пределы ее непосредственной компетенции. Так, было постановлено превратить Кремль в «Акрополь и Пантеон русского искусства», куда должны были свозиться все художественные сокровища России. Комиссия полагала, что все кремлевские дворцы, монастыри и храмы, равно как и «исторические хранилища» и музеи Москвы и губернии должны быть переданы в ее ведение. Кроме того, Комиссия разрабатывала планы реорганизации Строгановского училища, составляла проекты конкурсов, художественых школ, создания Художественного совета Москвы и Московской области. Планы архитетурного отдела комиссии, возглавляемого архитектором Н. А. Всеволожским, также были весьма обширными[56]. Отдел считал необходимым осмотр всех кремлевских дворцов и зданий на предмет выяснения ценности и качества обстановки и «арматуры»[57], имеющих художественное значение. Также, было признано необходимым планомерное непрерывное порайонное обследование Москвы, главным образом, Зарядья и Китай-города, составление «описи вандализмов» с целью последующего ремонта; фиксирование состояния архитектурных памятников Москвы и нанесение их на план города; издание описаний и монографий, посвященных памятникам архитектуры[58].

I.3. Реорганизация 1918 г. и последующие реформы

Комиссиии по охране памятников искусства и старины Моссовета не удалось осуществить свои амбициозные замыслы. Одной из причин стало упомянутое выше соперничество центрального и московского органов охраны памятников. На заре своей деятельности Музейный отдел Наркомпроса активно пытался утвердить себя в правах головного органа охраны памятников и

[56] Список членов архитектурного отдела см. Приложение 1.
[57] Вероятно, имелась в виду конструкция зданий. Конструктивным особенностям и строительным технологиям уделелось большое внимение при определении ценности архитектурных произведений.
[58] Более подробно отчеты о работе комиссии и архитектурного отдела за 1918 г. см. ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 7254. Оп. 1. Д. 4.

занимался законотворческой деятельностью. В целях настоящей работы необходимо остановиться на ней подробно, поскольку постановления и инструкции Наркомпроса оказали самое непосредственное влияние на структуру и функции московского органа охраны памятников. Одним из первых правовых актов Наркомпроса в области охраны памятников стало постановление об образовании губернских подотделов по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Губмузеев) при отделах народного образования губернских совдепов в целях наилучшей охраны памятников искусства и старины и правильной постановки их учета[59]. Согласно постановлению, в состав каждого подотдела должны были входить представители отделов народного образования при совдепах как политические руководители, и специалисты (музейный деятель, художник, архитектор, археолог, историк), приглашаемые политическими руководителями по соглашению с Центральным отделом. Губернские подотделы были подчинены Отделу по делам музеев Наркомпроса. Суммы на оплату работы подотделов выделялись из средств местных советов по сметам отделов народного образования. В сферу деятельности подотделов входили: руководство музеями; регистрация, взятие на учет и организация мер по охране памятников старины; создание губернских музейных фондов из всех принятых на учет ценностей для распределения их по музеям. Из текста приведенного постановления можно сделать несколько выводов. Во-первых, очевидно, что по сравнению с демократичными формами Комиссии по охране памятников искусства и старины Московского совета и широким представительством в ней общественных организаций, губернские отделы были политически ангажированы. Профессионалы должны были осуществлять в них лишь технические функции. Во-вторых, если Комиссия была организована при Моссовете, то губмузеи подчинялись отделу народного образования. Кроме того, обязанностью губмузеев были учет и регистрация памятников, а все остальные вопросы, как то контроль за использованием, принятие решений о ремонте и реставрации,

[59] Опубл. 17 декабря 1918 г. в: Народное просвещение. Еженедельник Народного комиссариата по просвещению. № 22. С. 12-13.

распределение средств и др., были выведены из их компетенции. Также очевидно, что значительную часть работы губмузеев составляло руководство музейным делом, что следует и из самого названия подразделения. Как не раз подчеркивало руководство Музейного отдела, все эти меры в равной степени относились и к Москве, несмотря на ее особый столичный статус и высокую концентрацию памятников архитектуры [60]. Не представляется возможным установить по архивным документам точную дату преобразования московской Комисии по охране памятников искусства и старины в московский губернский подотдел, тем более, что и руководство Главмузея не видело принципиальной разницы между губернскими комиссиями и губернскими отделами по охране памятников. Однако можно с уверенностью предположить, что Комиссия Моссовета по охране памятников по сути была реформирована в Мосгубмузей и утратила свою автономию на рубеже 1918 и 1919 годов, хотя наименование «Комиссия» употреблялось в документах вплоть до 1920 г.[61]

В апреле 1921 г. Наркомпрос претерпел значительную реорганизацию и сокращение штатов. В результате некоторые губмузеи, и в их числе московский, были переподчинены подотделам политпросвещения при отделах народного образования местных советов, оказавшись, таким образом, в самом низу иерархической лестницы. Штат московского губмузея на 1922 г. предполагался в 12 человек [62]. Учитывая, что отдел должен был осуществлять руководство музейным строительством и деятельность по охране памятников культуры на территории Москвы и Московской губернии, такой штат представляется явно недостаточным, но и он не выдерживался. Как отмечал Н. Д. Виноградов, руководивший Мосгуботделом в 1918-1923 гг., средств на его содержание

[60] См., напр. докладные записки Н. Троцкой за 1918 г. // ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 1.
[61] См., напр. Овсянникова Е. Б. Из истории Комиссии Моссовета по охране памятников.
[62] Проект инструкции к штатам ГубОНО и УОНО. // Народное просвещение. Еженедельник НКП. № 97. 20 декабря 1922. С. 15-16; Положение о губотделе народного образования. // Там же. № 111. 25.09.1922. С. 14-15.

практически не отпускалось, и к 1922 г. в штате остались только заведующий и его заместитель[63].

Важной вехой в деле охраны культурного наследия стал Декрет ВЦИК и СНК РФСФР «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы», принятый 7 января 1924 г., который оставлся базовым законом в области охраны памятников на следующие двадцать пять лет. В дополнение к Декрету была разработана Инструкция Наркомата Просвещения об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы, утвержденная Президиумом ВЦИК 7 июля 1924 г. [64] Согласно Декрету, ремонт, реставрация, переделка, сломка и использование памятников зодчества (гражданских и крепостных сооружений, сооружений религиозного культа и т. п.), зарегистрированных в Отделе по делам музеев Главного Управления научных учреждений Академического центра Народного Комиссариата Просвещения, должны были производиться не иначе, как по предварительному разрешению отдела. Обязанность фактической охраны памятников возлагалась на местные исполнительные комитеты при непосредственном участии губернских подотделов по делам музеев. По Инструкции Наркомпроса к упомянутому декрету, сломка, приспособления, изменяющие внутренний или наружный вид зданий, ремонт (кроме эксплуатационно-хозяйственного) и пристройки не допускались без разрешения Отдела по делам музеев Главнауки или губмузеев. Закон 1924 г. определил типы памятников архитектуры:

а) музейно-показательные, но не могущие быть использованными в практических целях (древние крепостные стены, триумфальные арки, монументы, художественные ограды, мосты, фонтаны, надгробные памятники);

б) памятники, могущие быть использованными без особого ущерба для их сохранности и без нарушения их историко-художественной ценности, путем

---

[63] Овсянникова Е. Б. «Работа была весьма интересная…». Николай Дмитриевич Виноградов. 1885-1980 // Краеведы Москвы: Историки и знатоки Москвы. С. 205.

[64] См. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы». Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 07.01.1924; «Инструкция об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы». Постановление Наркомпроса РСФСР (утв. Президиумом ВЦИК 07.07.1924) (опубликованные) // ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1029. Л. 60-76.

размещения в них музейных коллекций или путем предоставления этих памятников в пользование учреждениям, общественным организациям и лицам по соглашениям с ними;

в) памятники, по их характеру используемые исключительно с целями научными и музейно-показательными, с сохранением их художественно-исторического внешнего облика, обстановки и внутреннего убранства (музеи, дворцы, музеи-церкви, музеи-монастыри)[65].

Право отнесения памятников зодчества к той или другой категории было придано Отделу по делам музеев Народного Комиссариата Просвещения. Закон не содержал четкого определения категорий памятников архитектуры местного, республиканского и союзного значения, но, тем не менее, намекал на существование особых списков наиболее ценных памятников, решения в отношении которых должен был принимать центральный Отдел по делам музеев Главнауки. Судьбу «остальных памятников» имели право решать губернские подотделы по делам музеев. На практике, однако, Московский губмузей был не в состоянии осуществлять какую-либо деятельность по контролю и руководству использованием памятников архитектуры в силу своей маломощности, упомянутой выше. Мосгубмузей не получал никакого финансирования из бюджета, а существовал за счет оплаты услуг экспертов заказчиками, в основном церковными общинами. Бессилие Мосгубмузея стало настолько очевидным, что в 1925 г. вызвало кризис, и руководство Наркомпроса вынуждено было принять меры к его реорганизации. Как указывала в докладной записке в Коллегию Наркомпроса Н. И. Троцкая, прикрепление Мосгубмузея к Губполитпросвету «создало совершенно ненормальное положение», поскольку лишило Музейный отдел Главнауки возможности осуществлять руководство Мосгубмузеем. Заведующий Губполитпросветом тов. Кольман также решительно высказывался за выделение Мосгубмузея из Губполитпросвета и переподчинение его непосредственно МОНО. Это объяснялось возросшими задачами Мосгубмузея: 14 сентября 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли решение о передаче в

[65] ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1029. Л. 62.

месячный срок краеведческих музеев, музеев-усадеб и музеев-монастырей из ведения Главнауки в ведение Мосгорисполкома как памятников губернского значения [66] . Существовал также довольно реальный план подчинения Мосгубмузея Отделу коммунального хозяйства Моссовета (МКХ), вероятно, потому что МКХ в это время проводило большинство работ по реставрации московских памятников под руководством Н. Д. Виноградова. 7 января1926 Губплан Моссовета утвердил решение о переводе мосгубмузея в МКХ[67]. Можно предположить, что этому воспротивилось руководство центральным Музейным отделом. Музейный отдел Главнауки довольно ревниво отстаивал свое право на контроль за памятниками архитектуры. В результате Мосгубмузей был оставлен в структуре органов народного просвещения «на правах самостоятельного подотдела МОНО». Согласно новому Положению о Мосгубмузее, принятому в конце 1925 г., он должен был осуществлять свою деятельность под руководством Музейного отдела Главнауки. В круг задач губмузея входили:

руководство музейной сетью;

охрана произведений искусства, памятников старины, народного быта и художественно-исторических парков;

их регистрация и взятие на учет;

контроль за производством археологических раскопок и инструктирование ремонтно-реставрационных работ памятников, состоящих на учете Мосгубмузея – по согласованию с Музейным отделом Главнауки;

организация художественных и научных выставок, экскурсий, экспедиций, конференций и издание научной и популярной литературы.

В штате губмузея состояли: заведующий, два инспектора-архитектора, инспектор по реставрации живописи, инспектор-археолог, инспектор по краеведческим музеям, инспектор по художественным и историко-культурным музеям, секретарь и делопроизводитель (всего 9 человек). В результате

[66] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 485. Л. 1-2, 12, 12 об.
[67] ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 1474. Л. 140.

утверждения постоянного штата система внештатных экспертов была упразднена[68].

I.4. Деятельность Мосгубмузея в 1920-е гг.

Несмотря на сложности с финансированием, недостаточность штата и трения с центральным органом охраны памятников, Мосгубмузей нельзя упрекнуть в бездействии. С 1918 г. Мосгубмузей возглавлял Н. Д. Виноградов, в 1924 г. его сменил С. Мокеев. К 1925 году там сотрудничало около 20 экспертов. Только комиссия экспертов по церковному искусству (включая памятники церковного зодчества) насчитывала около десяти человек. Среди них В. К. Клейн, И. Я. Тюлин, М. Э. Маркичев, Г. В. Сапожников, М. А. Дурнов, М. И. Александровский, А. И. Речменский, Д. П. Осипов, Н. М. Бардыгин[69]. Согласно Положению об экспертной комиссии при Московском Губернском Комитете по делам музеев и охране памятников искусства, старины и народного быта, постоянная экспертная комиссия состояла из числа приглашенных специалистов «в области истории искусств, быта, археологии, а равно и других научных дисциплин». Эксперты комиссии являлись внештатными сотрудниками Губмузея с почасовой оплатой. Экспертная комиссия была одновременно и совещательным, и исполнительным органом и несла ответственность за все производимые под ее наблюдением ремонтно-реставрационные работы «перед Мосгубмузеем и высшими органами охраны памятников, с точки зрения стилистических ценностей ремонтируемого памятника». Работа членов экспертной комиссии оплачивалась «пожетонно» по предоставлении счетов в Мосгубмузей, не реже двух раз в месяц[70].

Важнейшим направлением деятельности Мосгубмузея был учет зданий, представляющих интерес в архитектурном и историческом отношениях. Начиная с 1918 года Архитектурный отдел Комиссии по охране памятников искусства и

[68] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 376. Л. 17-17 об., 18.
[69] Там же. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 485. Л. 12-12 об.; ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 47. Л. 52.
[70] ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 1474. Л. 12.

старины (затем Мосгубмузея), в состав которого в разное время входили А. В. Щусев, А. Ф. Мейснер, З. И. Иванов, И. В. Рыльский, И. Б. Баклонов, Г. Е. Гинц, И. В. Жолтовский, И. И. Фидлер, А. Л. Поляков, на своих заседаниях рассматривал вопросы охраны архитектурных памятников. Сотрудники Комиссии в начале 1920-х годов составляли списки памятников архитектуры и проводили их классификацию. Занимаясь разработкой плана реконструкции Москвы, А. В. Щусев привлек сотрудников Губмузея к совместной работе. К 1921 году было обследовано две трети всей городской застройки. Сотрудники Губмузея осматривали каждое здание, переходя из одного владения в другое. На обследованные здания заполнялись анкетные листы[71]. Собранные сведения были переданы в мастерскую А. В. Щусева, который руководил разработкой плана реконструкции Москвы «Новая Москва»[72].

В 1918 г. на учете органов охраны было 628 московских церквей[73]. По различным данным Мосгубмузея, на «учете обслуживания и в порядке идеологического руководства» Мосгубмузея до середины 1920-х гг. состояло от 650 до 687 одних только гражданских зданий Москвы. Церковных памятников по данным на начало 1926 г. было зарегистрировано 750, но эта цифра включала и Московскую губернию[74]. Назвать точное количество состоящих на учете памятников архитектуры не представляется возможным, поскольку списки постоянно корректировались. Точный подсчет также затрудняется тем обстоятельством, что в разные временные отрезки памятниками архитектуры считались то отдельные здания, то целые ансамбли, состоящие из нескольких зданий, как, например, монастыри. Так, Симонов монастырь считался одним объектом, но включал пять зданий, а памятник архитектуры Новодевичий монастырь состоял из восьми зданий. Приблизительно с 1925 г. в рамках деятельности Комиссии по концентрации музейного имущества Республики, известной также как Кутузовская комиссия (по фамилии ее председателя П. И.

[71] Образец анкетного листа см. Приложение 4.
[72] Овсянникова Е. Б. Из истории Комиссии Моссовета по охране памятников. С. 273.
[73] ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1029. Л. 35.
[74] Там же. Оп. 3. Д. 1474. Л. 94.

Кутузова) начался постоянный пересмотр списков памятников архитектуры с целью их сокращения, который продолжался вплоть до середины 1930-х гг. Однако до Великой Отечественной войны официально ни один список так и не был утвержден высшим органом власти. Хотя, как уже было упомянуто выше, закон 1924 г. не подразумевал разделение памятников на категории по степени ценности, они все же существовали, и их состав тоже не раз изменялся. В 1926 г. Методическая комиссия Главнауки утвердила четыре категории: высшую (уники)[75], I (каменные постройки до 1613 г. и деревянные до XVIII в.), II (каменные постройки 1613-1725 гг. и деревянные до 1825 н.) и III (каменные от 1725 г. и деревянные от 1825 г). Критерий даты постройки считался основным, но были и другие характеристики, которые могли повлиять на решение комиссии по утверждению списков, например, автор проекта, оригинальность конструкции здания или историческое значение. Критерии, как и списки архитектурных сооружений, дополнялись и корректировались. Памятники первых двух категорий находились в исключительном «научном ведении» Музейного отдела Главнауки с проведением капитальных и реставрационных работ исключительно под его же наблюдением. Ремонт и реставрацию памятников II и III категорий разрешалось проводить под надзором местных музейных органов, но лишь с предварительного согласия Музейного отдела[76]. Также существовало разделение архитектурных произведений на церковные и гражданские, списки которых в 1920-е гг. велись отдельно. В Москве в 1926 г. по списку церковной архитектуры состояло на учете 47 памятников высшей категории, среди которых были, например, Симонов и Новодевичий монастыри и церкови Святого Николая в Хамовниках (1682 г.)[77] и Зачатия в Углу в Кривом пер. (XVI в.), храм Христа Спасителя; 72 – первой категории, в число которых входили церкви Святого Николая на Берсеневской наб. (1656), Параскевы Пятницы на Пятницкой ул. (1748 г.), Иоанна Воина на Б. Якиманке (1712 г.), Успения в Гончарах (1654 г.);

[75] Высшую категорию часто определяли как «вне категории». В 1930-е гг. осталось всего две категории.
[76] ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1029. Л. 1.
[77] Даты постройки указаны по спискам 1926 г.

112 – второй категории, куда вошли такие памятники как церкви Воскресения в Барашах (1734 г.), Георгия в Лучниках в Лубянском пр. (1693 г.), Святого Николая в Подкопаевском пер. (1700 г.), Иоанна Предтечи в Черниговском пер. (1614 г.), Параскевы Пятницы в Охотном ряду (1688 г.); 65 – третьей категории, где оказались Ивановский монастырь (1878 г.), церкви Святой Троицы в Сыромятниках (1680 г.), Преображенская на Преображенском кладбище (1809 г.), Воскресения на Остоженке (XVII в.). Всего на учете в 1926 г. состояло 296 памятников церковной архитектуры. Список гражданских зданий по четырем категориям был сокращен в 1926 г. с 687 до 438[78]. Производственный план Мосгубмузея на 1926/1927 гг. предусматривал сокращение общего списка церковных и гражданских зданий до 300 объектов.

По мысли Н. И. Троцкой, «если первоначальная форма охраны есть учет, требующий выявления памятника… то последующей стадией, уже болеее органической, будет поддержание памятника в сохранности, т. е. постоянный надзор и ремонт»[79]. В русле этих указаний действовал Мосгубмузей. Оформление документов и выдача разрешений на ремонт и переустройство зданий, как церковных, так и гражданских, равно как и наблюдение за ходом работ, были большой частью обязанностей Губмузея (до 1917 г. эта функция принадлежала Строительному отделению Московской городской управы). Так, к примеру, 20 июня 1923 года на заседании экспертов по церковному искусству при Мосгубмузее обсуждался вопрос о разрешении церкви Иоанна Предтечи на Лубянке выбелить стены. По сообщению сотрудника отдела Д. П. Осипова, осмотром было установлено, что колокольня храма елизаветинского времени первоначально была двухцветной. Заседание постановило разрешить общине покраску церкви с восстановлением двухцветной окраски колокольни[80]. В 1925 году Коммунистический Университет меньшинств Запада им. Мархлевского, расположенный по адресу Петроверигский пер., 4, обратился в Мосгубмузей с прошением о разрешении на ремонт кровли, затем на переустройство гаража, и

[78] ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1029. Л. 3-14, 33.
[79] Троцкая Н. Указ. соч. С. 44.
[80] ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 47. Л. 52. Вскоре после ремонта церковь была разобрана.

другие незначительные работы. По утвержденному порядку, эксперт Мосгубмузея должен был сначала выдать разрешение на производство работ, а затем приехать на место и принять выполненные работы с составлением акта приемки работ, что и было сделано. В июне 1925 г. радиолюбитель М. Михайлов, имевший жительство в д. 4 в Ордынском тупике, обратился в Мосгубмузей за позволением установить радиоантенну на колокольне церкви иконы Всех Скорбящих Радости и протянуть от нее провод в его квартиру. К заявлению прилагались нарисованные карандашом схематические планы. Разрешение также было получено[81].

Отчеты Мосгубмузея утверждают, что только в 1925 г. во всей губернии, в том числе в Москве, было отреставрировано 286 памятников церковной и гражданской архитектуры[82]. Столь большая цифра вызывает сомнения, т. к. известно и о слабости подотдела, и о недостатке финансирования. Трудно представить также, что в тот период речь шла о действительной полной реставрации архитектурных памятников. Можно предположить, что в отчет были включены сведения о ремонте церковных зданий силами религиозных объединений, поскольку по упомянутому постановлению 1920 г. сотрудники Мосгубмузея имели право разрабатывать документацию и следить за производством работ; организация же процесса реставрации не входила в их компетенцию. По решению Московского Совета от 13 февраля 1925 года текущий ремонт, реставрация и поддержание всех исторических памятников Москвы были переданы Отделу Благоустройства Московского Коммунального Хозяйства (МКХ). В числе памятников, переданных постановлением комиссии ВЦИК по концентрации музейного имущества в ведение Моссовета в марте 1925 года были Китайгородская стена, Сухарева башня, Красные и Триумфальные Ворота, Александровский Сад. Отдел по делам музеев Главнауки Наркомпроса поручил Мосгубмузею составить планы ремонта переданных памятников и согласовать их в Музейном отделе, но сами работы по реставрации производил

[81] Там же. Д. 1488. Л. 31, 48-53.
[82] Там же. Д. 1474. Л. 141.

МКХ[83]. Кроме этого, известно, что к 1926 г. были проведены ремонтно-реставрационные работы 44 кремлевских зданий, ремонт здания Московского университета, Шереметьевской больницы, Английского клуба и храма Василия Блаженного[84].

Органами охраны памятников были сделаны попытки упорядочить отношения с пользователями зданий. В 1924 г. было разработано типовое «Объявление» арендаторам и домкомам за подписью зав. Губполитпросветом Кольмана. Им Мосгумузей извещал пользователей, что их здание состоит на учете, а посему ремонт, переустройство или реставрация не могут быть осуществлены без предварительного согласия органа охраны[85]. К примеру, подобный документ был предъявлен 5 января 1926 домкому дома № 5 по Мясницкой ул.[86] В 1927 г. «объявления» заменили на «извещения» за подписью нового заведующего музейным подотделом Клабуновского и печатали типографским способом[87]. Поскольку за редким исключением архитектурные памятники были заняты разнообразными учреждениями и приспособлены под жилье, склады и производственные помещения, было необходимо упорядочить отношения арендотателей и пользователей. Начиная с 1925 г. Совнарком СССР и Наркомат финансов издали несколько постановлений и циркуляров, дающих право органам охраны памятников взимать арендную плату и направлять средства на ремонт зданий[88]. Понимая важность этой меры, сотрудники Мосгубмузея в 1927 г. приступили к оформлению юридических прав и составлению типового арендного договора, однако эта работа до начала войны так и не была закончена[89]. Следует отметить, что Н. И. Троцкая возражала против передачи церковных зданий под культурные цели, как то школы и клубы, метко

---

[83] Там же. Ф. 4557. Оп. 1. Д.72. Л. 17.
[84] Троцкая Н. Указ. соч. С. 44.
[85] ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1029. Л. 101.
[86] Там же. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 317. Л. 108.
[87] Там же. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1029. Л. 99.
[88] См. Постановление СНК СССР от 8 сентября 1925 г; Инструкция Наркомфина от 9 февраля 1927 г.; циркуляр Главнауки от 6 апреля 1928 г.; Инструкция Наркомфина от 16 июня 1928 г. и др. о спецсредствах.
[89] ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 1474. Л. 95.

назвав эти усилия «Тришкиным кафтаном», т. к. такое переустройство всегда неудачно[90].

Трения Мосгубмузея с Отделом музеев Главнауки (Главмузеем), начавшиеся в 1918 г., продолжались. Формально московские памятники находились в ведении Мосгубмузея. Несмотря на это, Главмузей взял на себя учет, обследование и изучение наиболее интересных с научной и исторической точки зрения памятников, оставив Мосгубмузею более мелкие дела и обследование подмосковных достопримечательностей, при этом периодически критикуя бездействие московского отдела. Так, например, 28 марта 1923 года в письме, подписанном Н. Троцкой, музейный отдел Главнауки с некоторым раздражением напоминал Мосгубмузею о необходимости постоянно информировать Музейный отдел НПС о ходе надзора за ремонтными и реставрационными работами по церковным памятникам, подчеркивая при этом, что Отдел музеев Главнауки – центральный орган в деле охраны художественных ценностей[91]. Согласно закону об охране памятников искусства, старины и природы 1924 г. все сносы и переделки архитектурных памятников должны были согласовываться с Главмузеем. Поэтому организации, эксплуатирующие здания, не испрашивали мнения Мосгубмузея, обращаясь помимо него напрямую в Главмузей[92]. В середине 1920-х гг. такие разрешения в нарушение законодательства, без согласования с органами охраны памятников, стали выдавать и строительные органы. Например, в июне 1925 г. Похоронный отдел МКХ направил в Техническое бюро Отдела Благоустройства просьбу о разобрании двух часовен у входа на Дорогомиловское кладбище с целью использовать материал разобранных часовен на ремонт дорожек. Техбюро дало согласие на сломку часовен с условием, что предварительно они будут сфотографированы, поскольку они являются «удачной композицией главного входа кладбища классического романтизма конца 18-го века и находятся в

[90] Троцкая Н. Указ. соч. С. 40. См. также Переслегин Н. В. Марфо-Мариинская обитель милосердия в Москве в контексте охраны памятников архитектуры (1917-1991) // Вестник МГУКИ. 2014. № 3. С. 83-87.
[91] ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 47. Л. 35.
[92] Там же. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 317. Л. 121-121 об.

удовлетворительном состоянии, не требуя ремонта»[93]. Такое положение можно объяснить изменением общего политического климата в стране, которое достигло пика в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и которое более подробно будет проанализировано в следующей главе. Однако следует сказать, что наметившиеся уже в середине 1920-х гг. политические изменения и поднятая в связи с этим волна пропаганды против музеев и памятников старины привели к ослаблению позиций Отдела Музеев Главнауки. Об этом свидетельствует, например, демарш, который Моссовет предпринял в конце 1925 года, защищая свою территорию от вмешательства центрального музейного органа. В ноябре 1925 года Президиум Моссовета обратился во ВЦИК с жалобой за подписью заместителя председателя Моссовета Рогова, в котором в резкой форме обвинял Главнауку в том, что она производит раскопки под строениями в Москве, не согласовывая свои действия с органами Московского Совета, и потребовал у ВЦИК принятия решительных мер к нарушителям законодательства. По мнению Моссовета, «сепаратистские действия» Отдела по делам музеев являлись совершенно недопустимыми. Наркомрос вынужден был оправдываться, объясняя, что единственными археологическими изысканиями в Мосве были обследования древних палат кн. Голицына в Охотном Ряду, которые проводились с ведома органов МКХ, МУНИ, Губинжа и Мосгубмузея. Кроме того, эти обследования были полезны для города, поскольку в ходе раскопок подвалы здания были полностью освобождены от слоя грязи. В результате, после непродолжительной переписки Моссовет принял извинения Наркомпроса при условии, что впредь Главнаука все свои археологические изыскания будет производить только с разрешения Исполкома Московского Совета[94].

I.5. Сносы памятников архитектуры

[93] Там же. Д. 72. Л. 45-47.
[94] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 376. Л. 3, 6, 21-21 об.

Несмотря на довольно значительные усилия по выявлению, учету, обследованию, фиксированию, руководству ремонтом и реставрацией и методическую работу органов охраны, ситуация в области охраны и сохранения памятников была далеко не идиллической. Сам смысл всех принятых в 1920-е и последующее десятилетие законов и инструкций в этой области подразумевал возможность и даже необходимость сноса архитектурных и исторических памятников. Фактически, все эти нормативные акты были направлены на сохранение памятников лишь в том смысле, что они не позволяли несанкционированную, самовольную сломку. Например, ст. 1 декрета 7 января 1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» гласила: «Ремонт, реставрация, переделки, сломка и использование памятников зодчества (гражданских и крепостных сооружений, сооружений религиозного культа и т.п.), зарегистрированных в Отделе по делам музеев Главного Управления научных учреждений Академического Центра Народного Комиссариата Просвещения, должны производиться не иначе, как по предварительному разрешению названного Отдела», таким образом устанавливая, что снос памятника даже республиканского или союзного значения – вполне закономерное явление[95]. В соответствии с этой установкой и относились к памятникам архитектуры государственные органы и значительная часть общества. 15 октября 1926 г. Московский совет принял постановление, которым запретил всем отделам и учреждениям Моссовета реставрационные работы памятников старины за счет государственных и местных средств и предложил «препятствовать изысканию [т. е. выявлению – Н. П.] новых памятников

[95] Цит. по: по Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17069 (дата обращения: 15.06.2013). Ср. с Постановлением СМ РСФСР «Об охране памятников архитектуры» № 389 от 22. 05.1947, ст. 6: «Снос и передвижка … запрещается и может допускаться в исключительных случаях только с разрешения Управления по делам архитектуры РСФСР» и с Законом СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 29.10.1976, ст. 23: «Снос, перемещение, изменение недвижимых памятников истории и культуры запрещаются. Исключение из этого правила может допускаться лишь с особого в каждом отдельном случае разрешения Совета Министров СССР - в отношении памятников общесоюзного значения, Совета Министров союзной республики - в отношении памятников республиканского и местного значения».

старины» [96]. Вслед за этим последовали требования сноса выдающихся архитектурных произведений, которые якобы мешали уличному движению. Главнаука довольно активно защищала архитектурные памятники. В справке от 16 декабря 1926 г. за подписью Н. Троцкой говорилось об исключительной художественной ценности предположенных к сносу Красных ворот и церквей Гребневской Божьей Матери, Рождества в Столешниках, Трех Святителей на углу Хоромного пер., Параскевы Пятницы, и доказывалось, что их снос никак не приведет к улучшению движения. В справке подчеркивалось, что недавняя сломка церкви Введения на Лубянке «не была использована для выигрыша пространства … устроен сквер, помешавший должному расширению участка»[97]. В 1927 г. Моссовет принял на рассмотрение список из еще 13 зданий, предложенных к сносу Отделом благоустройства МКХ. В него, в частности, вошли отдельные здания Страстного, Златоустинского и Сретенского монастырей, колокольня Казанского собора, все те же церкви Параскевы Пятницы и Трех Святителей, несколько гражданских построек[98]. Почти все эти предложения, как известно, были приведены в исполнение. В случаях, когда Главмузей и Мосгубмузей не давали согласия на разборку памятников, решения с легкостью принимал Президиум ВЦИК как высший исполнительных орган государства. Процессы принятия решений и производства сносов архитектурных памятников, также как и перечисление утрат того периода, в деталях приведены в работах других исследователей, поэтому соискатель не пересказывает их в настоящей работе [99]. Однако необходимо подчеркнуть некоторые важные наблюдения, связанные со сносами 1926 и 1927 гг. Как отмечают авторы «Памятников архитектуры в Советском Союзе», разрушения этих лет стали, что называется, «пробой пера». На них отрабатывались методы подавления

[96] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 317. Л. 176-176 об.
[97] ГА РФ. Ф. А-406. Оп. 12. Д. 1397. Л. 1-3.
[98] ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 145. Л. 139.
[99] Козлов В. 1927 год. Первый штурм московской старины // Архитектура и строительство Москвы. – 1990. – № 11. – С. 24-27; его же. У истоков. Там же. 1990. № 7. С. 13-16; Козлов В., Седельников В. Конец Охотного ряда. Там же. 1990. № 4. - С. 26-28, 32, и др. публикации указанных авторов. Также: Памятники архитектуры в Советском Союзе : Очерки истории архитектурной реставрации. С. 63-66, 81.

сопротивления и обработки общественного мнения накануне массовых «чисток» памятников 1930-х гг. В. Козлов и В. Седельников на примере драматической истории борьбы за спасение церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду указывают на те же тенденции: игнорирование мнения многих видных деятелей культуры, научная несостоятельность мотивов сломки зданий, неинформированность общественности о плане реконструкции города, сознательное разрушение деталей памятника. Что также важно, по словам В. Козлова и В. Седельникова, «на церкви Параскевы впервые был отработан метод внезапного ночного разрушения, так хорошо знакомый общественности Москвы вплоть до сегодняшнего дня»[100].

I.6. Деятельность общественных организаций в области охраны памятников архитектуры

Как известно, Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» объявил все имущества церковных и религиозных обществ народным достоянием. Культовые здания должны были передаваться религиозным обществам в бесплатное пользование. Несмотря на то, что многие церкви были закрыты и переданы под разнообразные нужды, в Москве в начале 1920-х гг. действовало порядка 600 церквей[101]. Верующие для открытия церквей должны были регистрировать общественную организацию – общину верующих. Согласно Постановлению Президиума Моссовета «О порядке производства ремонта в храмах и молитвенных домах разных вероисповеданий», опубликованному в газете «Рабочая Москва» 20 февраля 1920 года, реставрация, ремонт, переделка храмов и молитвенных домов, равно как и хранящихся в них предметов исторической и художественной ценности должны были выполняться за счет пользователей и позволялись лишь с разрешения Московского

[100] Козлов В., Седельников В. Указ. соч. С. 28.

[101] Данные взяты из: Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. Москва: Республика, 1995. С. 167. Вероятно, они несколько преувеличены. На учете Мосгубмузея в 1918 г. состояло 628 православных церквей. В 1920-е гг. многие их них были изъяты из религиозного пользования.

губернского отдела по делам музеев и охраны памятников старины МОНО. Просители представляли в Мосгубмузей заявления с приложением сметы расходов, чертежей и планов и списков исполнителей работ[102]. Таким образом, в 1920-е гг. религиозные общины оказались самой многочисленной категорией общественных организаций, которые фактически принимали участие в деятельности по охране памятников архитектуры. Поэтому значительную часть работы Губмузея составляли отношения с объединениями верующих: согласование разрешений на регистрацию церковных общин, обследование зданий, библиотек, утвари, росписей, икон и других художественных ценностей, переписка по закрытию церквей, переписка о ремонте храмов, проверка качества и выдача заключений на произведенные ремонты. Так, в течение 1919-1920 гг. здания архитектурного комплекса Марфо-Мариирской обители несколько раз становились предметом исследования комиссии Мосгубмузея под началом А. И. Речменского, известного специалиста в области церковной археологии[103]. 23 апреля 1923 г. приходской совет церкви Св. Алексея митрополита что в Глинищевском переулке обратился в Мосгубмузей за содействием в оставлении храма верующим. В том же 1923 г. возникла угроза отобрания здания Александровского собора на Миусской площади под другие нужды. В ответ на прошение церковной общины Мосгубмузей разъяснил, что все документы оформлены в соответствии с законами, а здание находится под охраной Мосгубмузея и не подлежит отобранию. Эксперт Мосгубмузея М. И. Александровский производил «расследование о неправильностях» ремонтных работ в церкви Воскресения в Барашах, производимых группой верующих. Эксперт Н. А. Всеволожский также наблюдал за ремонтными работами: церквей Петра и Павла на Якиманке и Николы на Ямах. Церковный совет Троице-Алексеевского храма близ Алексеевской водокачки у Бахрушинского приюта просил произвести осмотр их храма, «стильного», «с росписями Васнецова-

[102] ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 47. Л. 16.
[103] См. Переслегин Н. В. Марфо-Мариинская обитель милосердия в Москве в контексте охраны памятников архитектуры.

Пашкова», с целью постановки его под охрану [104]. Можно сказать, что религиозные объединения были хотя и самой многочисленной, но и самой пассивной группой обществ, имевших отношение к охране памятников. Фактически, она и не входила в их задачи. Полностью лишенные советским законодательством юридических прав и возможности аккумулировать финансовые средства, они тем не менее обязаны были содержать храмы в надлежащем состоянии. Это являлось условием сохранения за общинами молитвенных зданий, и это условие они по мере сил старались выполнять.

В 1920-е гг. в Москве действовало несколько профессиональных общественных историко-архитектурных объединений, которые занимались выявлением, учетом, исследованием и пропагандой памятников архитектуры. К их числу относилось МАО (Московское архитектурное общество), образованное в 1867 г. – научный центр изучения архитектурно-строительных проблем и место обсуждения актуальных вопросов творческой практики. Важным аспектом исследовательской работы Общества было изучение произведений древнерусской архитектуры. В работе МАО исторические исследования, реставрация древних памятников и деятельность по их сохранению осуществлялись, как правило, теми же зодчими, которые занимались изучением технических условий строительства, вели большую проектную практику и часто преподавательскую работу. Еще до Октябрьской революции членами Общества была создана всеобъемлющая программа изучения истории отечественной архитектуры. Для исследований памятников архитектуры при Обществе была создана Историческая комиссия. Силами членов МАО осуществлялась политика, направленная на сохранение и предотвращение искажений исторического облика древних сооружений. Тогда же сложилась система охраны исторических архитектурных памятников с обязательными компонентами: осмотры, экспертиза, обмеры, составление проекта реставрации с последующей публикацией о выполненных работах.

[104] ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 47. Л. 43, 164, 167, 62, 64, 106.

После революции МАО продолжало свою деятельность в том же направлении. Научная и художественная жизнь Общества протекала в устройствах выставок, конгрессов, съездов, юбилеев, темы которых не раз составляли проблемы наследия отечественного зодчества и реставрации памятников архитектуры. В 1917—1921 гг. Обществом было организовано несколько циклов общедоступных лекций, проводились архитектурные конкурсы. Члены МАО осуществляли практическую работу по охране памятников архитектуры[105]. С 1922 по 1930 гг. председателем МАО был архитектор А. В. Щусев, известный своей охранительной позицией. Он неоднократно выступал в защиту московских архитектурных сооружений, предположенных к сносу. Членами МАО в разное время состояли известные советские архитекторы-реставраторы, историки русской архитектуры, к примеру, И. Е. Бондаренко, бывший в 1920-е гг. главным архитектором Исторического музея, автор монографий о русской архитектуре классицизма. Членом МАО был И. В. Жолтовский, вместе А. В. Щусевым неоднокоратно протестовавший против разрушения московских исторических зданий. Состояли в МАО Н. В. Марковников, В. Д. Адамович, И. П. Машков, А. А. Латков, Н. С. Курдюков. Многие сотрудники официальных органов охраны памятников входили в МАО. Так, члены Общества Н. В. Марковников и А. А. Латков занимались реставцией Московского Кремля в 1918 г. как представители Комиссии Моссовета по охране памятников искусства и старины; консультировал по вопросам реставрации Пашкова дома В. Д. Адамович; И. П. Машков с 1918 г. был членом Комиссии по архитектурной реставрации Отдела по делам музеев Наркомпроса (Главмузея), которую возглавлял И. Е. Бондаренко. Еще один член МАО, С. Ф. Кулагин, также служил в Главмузее[106].

---

[105] См. подробнее о МАО: Кириченко Е. И. Московское Архитектурное общество в истории русской культуры 1867-1932. : к 140-летию МАО / Союз московских архитекторов, Российская акад. архитектуры и строит. наук, Науч.-исслед. ин-т теории архитектуры и градостр-ва. - Москва : Союз московских архитекторов : НИИТАГ РААСН , 2007. – 319 с.

[106] Иван Петрович Машков // Краеведы Москвы: Историки и знатоки Москвы. С. 85-86. См. также: Нащокина М. В. Архитекторы московского модерна : Творческие портреты / Науч.-

В отличие от МАО, еще одно историко-архитектурное общество, «Старая Москва», не было связано с практикой охраны и реставрации, а занималось изучением и популяризацией наследия. «Старая Москва» существовала с 1909 г. как Комиссия по изучению Москвы при Московском Императорском археологическом обществе. В 1923 г., после его ликвидации, члены «Старой Москвы» зарегистрировались при Государственном историческом музее. В 1924 г. «Старая Москва» получила статус Ученой комиссии при Отделении ГИМ. С декабря 1926 г. «Старая Москва» на правах секции вошла в состав Общества изучении Московской губернии, организованного в апреле 1925 г. в целях объединения научной работы всех краеведов губернии. В работе секции принимали участие выдающиеся ученые – знатоки Москвы: М. И. Александровский, Н. Д. Виноградов, А. В. Григорьев, М. А. Ильин, Н. Н. Соболев, Д. П. Сухов, П. Д. Барановский. В 20-х гг. члены «Старой Москвы» выявили более восьмидесяти гражданских зданий XVII-XVIII вв. Их усилиями были изучены и описаны многие архитектурные памятники. Они производили не только формальную оценку зданий, но и изыскания по их истории. Члены секции делали доклады и публиковали научные работы по истории Москвы. Секция имела свое периодическое издание – журнал «Московский краевед». При «Старой Москве» существовала Экскурсионная комиссия, которая пользовалась большой популярностью. Она устраивала регулярные экскурсии-осмотры церквей, монастырей, строений, урочищ г. Москвы, усадеб, сел, городов Подмосковья. Несмотря на то, что секция напрямую не занималась охраной памятников, она пользовалась авторитетом в деле защиты московских древностей. Свои рекомендации с протестами против разборки ценных зданий «Старая Москва» направляла в Правительство РСФСР, Моссовет, Главнауку и другие государственные организации. Как и в МАО, в секции «Старая Москва» состояли членами многие сотрудники государственных органов охраны памятников. Так, Н. Д. Виноградов, который в 1918-1923 гг. возглавлял

исслед. ин-т теории архитектуры и градостроительства Рос. акад. архитектуры и строит. наук. - 3-е изд., испр. и доп. - Москва : Жираф , 2005. - 535 с.

Мосгубмузей, а затем был руководителем реставрационных работ при МКХ, в 1926 г. организовал при «Старой Москве» секцию регистрации вновь открытых древних зданий. Члены общества, знатоки Москвы М. И. Александровский и Н. П. Розанов были одновременно экспертами Комиссии Моссовета по охране памятников искусства и старины. Известные реставраторы и защитники архитектурного наследия П. Д. Барановский и Д. П. Сухов также одновременно являлись членами Общества и сотрудниками реставрационных мастерских Наркомпроса. Состоял в нем и ответственный работник Главнауки Н. Р. Левинсон. И. П. Машков также был членом «Старой Москвы»[107].

Еще одной общественной организацией в области популяризации и изучения архитектурных памятников было Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ). Устав общества был утвержден 23 февраля 1923 г. Главнаукой[108]. Свою главную задачу ОИРУ видело в изучении истории русской архитектуры XVIII и первой половины XIX вв. в памятниках усадебного строительства. В связи с такой спецификой большая часть работы общества проходила в Подмосковье и в провинции. Тем не менее, уже в первом сезоне были обследованы Кусково, Черёмушки и Ясенево, которые ныне находятся в черте Москвы. Как результат большой работы по обследованию усадеб, в 1926 г. появился в свет путеводитель-справочник «Музеи и достопримечательности Москвы» под общей редакцией В. В. Згуры. В книге описаны 82 музея столицы и Подмосковья, перечислено около 500 памятников архитектуры Москвы, многие из которых были впоследствии разобраны. Справочник был издан при содействии Отдела музеев Главнауки. Раздел о Коломенском для него написал сотрудник отдела Н.

---

[107] Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии : К методике изучения истории сов. ист. краеведения / Сост. канд. ист. наук С. Б. Филимонов ; Под ред. д-ра ист. наук С. О. Шмидта ; Археогр. комиссия АН СССР. Ин-т истории СССР АН СССР. Совет Моск. гор. отд-ния Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. Москва : [б. и.] , 1976. С. 14, 22; Стародубова А. Русские древники-2. Архнадзор. 24.12.2012. Режим доступа: http://www.archnadzor.ru/2012/04/24/russkie-drevniki-2/ (дата обращения: 27.05.2013). См. также Овсянникова Е. Б. Из истории Комиссии Моссовета по охране памятников.; ее же. «Работа была весьма интересная…». Николай Дмитриевич Виноградов. 1885-1980.

[108] ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 148. Л. 1.

Р. Левинсон [109]. Сотрудничество ОИРУ с центральным органом охраны памятников Главмузеем продолжалось и в следующие годы. Под его патронажем, к примеру, был выпущен сборник трудов ОИРУ за 1927 г., посвященный Кусково [110]. Как и в других обществах, в ОИРУ участвовали сотрудники официальных охранительных органов. Например, членом общества состоял эксперт Комиссии Моссовета по охране памятников искусства и старины В. К. Клейн.

Следует признать, что общественные объединения, специализирующиеся на изучении архитектурного наследия, были скорее элитным, чем массовым явлением. Задачи вовлечения масс в охрану культурного наследия было призвано решить краеведческое движение, которое получило большое распространение в 1920-е гг. Оно охватывало многие аспекты изучения родного края: флору, фауну, историю, сельское хозяйство и производственные отношения, революционные движения. Входило в этот круг и изучение памятников архитектуры. Практическим результатом краеведческого движения стала организация многочисленных краеведческих музеев. По утверждению теоретиков краеведного движения, фигура «низового краеведа», собирающего и сохраняющего историю родного края, стала поистине бытовым явлением, а благодаря краеведению значительно вырос культурный уровень народных масс[111]. Однако нет заметных свидетельств того, что краеведное движение имело эффект на охрану памятников архитектуры.

I.7. Выводы

1. Установлено, что орган охраны памятников архитектуры Москвы был создан в 1917 г. и в течение следующего десятилетия прошел через ряд преобразований, которые привели к его ослаблению.

---

[109] Подробнее об ОИРУ см. Злочевский Г. Д. Общество изучения русской усадьбы (1922-1930). – Москва: Издательство «Санта-Оптима», 2002. – 56 с.
[110] Сборник Общества изучения русской усадьбы. – Вып. 4-5: Старое Кусково. – М., 1927.
[111] Ольденбург С. Краеведение и Октябрь. // Краеведение. – Т. 4. – № 3. – 1927. С. 306, 308.

2. Идеологической основой охраны памятников архитектуры была заявленная А. В. Луначарским необходимость художественного образования масс на примерах памятников материальной культуры прошлых эпох.

3. Были разработаны принципы, методы и критерии учета, регистрации и классификации памятников архитектуры, на учет поставлено 628 церковных и 687 гражданских зданий.

4. Установлено, что выступления в защиту памятников архитектуры были спорадическими, в форме протестов представителей историко-архитектурного сообщества (Грабарь, А. В. Щусев, П. Д. Барановский).

Глава II. **Кризис охраны памятников архитектуры (1928-1941)**

Немедленно после победы революции в 1917 г. советская власть поставила целью полностью подчинить все направления искусства идеологии правящей большевистской партии. «Революция, главным образом, ждет развития искусства как идеологии», - указывал А. В. Луначарский[112]. В равной степени эту установку можно было отнести и к охране памятников материальной культуры. Однако, несмотря на идеологическое давление, в первое десятилетие советской власти была создана действенная система центральных и местных органов охраны памятников. Попечительство о них было возложено, главным образом, на старых специалистов с пред-революционным опытом.

Ситуация радикально изменилась начиная приблизительно с 1928 г., который историки считают временем основания сталинского тоталитарного режима. В конце 1920-х гг. И. В. Сталин встал у власти в качестве генерального секретаря ЦК ВКП(б). Был принят первый пятилетний план (1928-1933), который провозгласил курс на индустриализацию и коллективизацию. Этот курс сопровождался масштабной кампанией, получившей в историографии название «культурной революции». В широком смысле культурная революция означала уничтожение «послаблений», допущенных во время НЭПа, суровую борьбу «иконоборческого» революционного государства с любыми проявлениями «буржуазности» в культуре, поход против старой российской интеллигенции, последовательное вытеснение религии из жизни советского общества. Культурная революция происходила в рамках сталинской борьбы против правой оппозиции, выступавшей за сохранение НЭПа[113].

Период конца 1920-х- конца 1930-х гг. был самым опустошительным в советской истории не только для самих архитектурных и исторических памятников, но и для недавно созданной системы охраны культурного наследия.

---

[112] А. В. Луначарский. Советское государство и искусство; Искусство как идеология (1922). Указ. соч. Т. 2. С. 69-72.

[113] См. о культурной революции: Cultural Revolution in Russia, 1928-1931 / ed. by Sheila Fitzpatrick. Bloomington : Indiana University Press, 1978. P. 309; Fitzpatrick . Cultural Revolu-tion in Russia 1928-32. // Journal of Contemporary History. Vol. 9, No. 1 (Jan., 1974). P. 33-52.

Были закрыты общества, занимавшиеся изучением русской архитектуры. Политика «репрессий» в отношении архитектурных памятников и их хранителей по времени совпала с кампаниями массовых репрессий населения и продолжалась до конца 1930-х годов. По сравнению с другими городами Москва понесла наибольшие потери в силу ее столичного положения.

В конце десятилетия 1930-х гг. сталинская идеология совершила еще один крутой поворот. Накануне Великой Отечественной войны партийные идеологические институты приступили к формированию идентичности, которую можно назвать «имперским советским самосознанием». По мнению американского исследователя Д. Бранденбергера, пересмотр сталинской идеологии в предвоенный период был закономерным. К концу рассматриваемого десятилетия внутренние враги были уничтожены, и сталинский режим чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы отказаться от революционной риторики. За два десятилетия революционные идеалы несколько потеряли первоначальную привлекательность в глазах советского общества. Власть нуждалась в новых средствах легитимации. Доказательством легитимности сталинского режима в конце тридцатых годов становится не столько победа в революции, сколько демонстрация преемственности власти от имперской России.[114] В 1937 году в речи по случаю празднования двадцатилетия Великой Октябрьской Социалистической революции, Сталин буквально назвал СССР преемником великой Россиискоой империи[115]. Тенденцию к внедрению историзма во все области истории и культуры, которая возникла в предвоенные годы и продолжала усиливаться в последующее десятилетие, отмечают и авторы сборника «Памятники архитектуры в Советском Союзе». Разумеется, под строгим контролем партийных идеологов историзм оборачивался «чисткой»

[114] Brandenberger David. National Bolshevism : Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931-1956. Cambridge, MA; London, England: Harvard University Press, 2002. P. 6.
[115] См. Tucker Robert C. Stalin in Power: The Revolution from Above, 1929-1941. New York: Norton, 1990. P. 482-485.

исторических фактов и превращением истинной истории в историю «мифологизированную», призванную обслуживать правящий режим[116].

Повороты идеологического курса предвоенного периода в значительной степени отразились и на отношении властей и общества к культурному наследию. В особенности это относится к Москве, которая служила в этой области испытательной площадкой. Фактически, в рассматриваемый период были прекращены такие присущие органам охраны памятников архитектуры виды работ, как выявление, учет и регистрация памятников архитектуры, а также выдача разрешений и наблюдение за ремонтно-реставрационными работами, поскольку они попросту не производились. Вся охранная деятельность свелась к даче заключений на решения о сносе памятников, их фиксации и пересмотру списков зданий, состоящих под охраной, в сторону их максимального сокращения. По причине частых реорганизаций эти функции переходили от одной организации к другой. В настоящей главе детально рассматриваются процессы, механизмы деятельности и состояние оганов охраны архитектурных памятников столицы, а также отношение общества к культурному наследию в период с 1928 г. до первых лет Великой Отечественной войны в свете государственной политики в области охраны культурного наследия. Поскольку в 1930-е гг. были фактически упразднены местные органы охраны, и столичными памятниками занимались разные организации, в том числе и центральные, рассматриваются и реорганизации и изменения центральных органов и общероссийского законодательства.

II.1. Государственные организации охраны памятников и их преобразования

Очевидно, что в новых политических условиях не было необходимости в действенных органах охраны памятников культуры. Начиная с 1928 года они

[116] Памятники архитектуры в Советском Союзе : Очерки истории архитектурной реставрации. С. 39-44, 201-207.

подверглись неоднократным реорганизациям и сокращениям[117]. Поскольку функции центрального и московского органа охраны памятников постоянно пересекались и накладывались друг на друга, представляется необходимым рассмотреть их ре-структурирование во взаимосвязи. В начале 1928 г. Музейный отдел Главного управления научными, музейными и научно-художественными организациями (Главнауки) был упразднен, как и вообще разделение ее на отделы[118]. Функция охраны памятников исчезла и из названия, и из структуры учреждения. Штат был сокращен до 32 человек. В 1930 г. Главнаука подверглась еще большему усечению. Она была реорганизована в сектор с штатом из десяти человек, в котором наряду с секретариатом, библиотечной группой и группой научных учреждений существовала и музейная группа[119]. Функции охраны памятников в ней не были обозначены[120]. Арифметический подсчет показывает, что центральный орган по делам музеев РСФСР – музейная группа Наркомпроса – состоял не более чем из двух человек. Можно предположить, что при таком штате какая-либо действенная охрана памятников была невозможна.

Реорганизации подвергся и Московский отдел по делам музеев и охране памятников старины (Мосгубмузей). Он был упразднен в 1929 г. в связи со слиянием пяти областей (Московской, Рязанской, Тульской, Тверской и части Калужской) в одну Центрально-промышленную область. Прошла реорганизация Московского отдела народного образования (МОНО). Согласно новому положению об отделе, структур, которые отвечали бы за музейное дело и охрану памятников архитектуры, в обновленном МОНО предусмотрено не было. Задача охраны памятников старины была возложена на руководителей областных

---

[117] Этапы реформирования орнанов охраны памятнков см. Приложение 5.
[118] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 737. Л. 202.
[119] Институты управления культурой в период становления. 1917-1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: Схемы / Федеральное архивное агентство, РГАСПИ, РГАЛИ, ГА РФ. Москва: РОССПЭН, 2004. С. 124, 125, 133; ГА РФ. Ф. А-2307. ГАРФ. Ф. А2307. Аннотация к фонду. Режим доступа: http://opisi.garf.su/default.asp?base=garf&menu=2&v=3&node=641&fond=125&opis= (дата обращения: 05.05.2013).
[120] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 1037. Л. 23.

отделов народного образования[121]. В 1930 г. в МОНО был образован музейно-экскурсионный подотдел. Его ограниченная деятельность в области охраны архитектурных памятников сводилась к двум направлениям: продолжению работы по сокращению списков и выдаче заключений о ценности памятников в связи со сносами. Как указывалось в докладной записке музейно-экскурсионного подотдела от 13 апреля 1930 г. за подписью инспектора Клушанцева, работа по учету и охране требовала перехода с принципов «отвлеченного археологизма и формального искусствознания» к оценке памятников с позиций строительства. В соответствии с этим подходом списки памятников подверглись дальнейшему сокращению. Вместо четырех категорий, существовавших в конце двадцатых годов, к 1930 г. осталось три: высшая, I-я и II-я. Списки включали 232 здания церковной архитектуры и 239 гражданской по всем трем категориям[122].

Как уже было сказано в Главе I, согласно декрету 7 января 1924 г. «Об учете памятников искусства, старины и природы» реставрация, переделки, сломка и использование зарегистрированных в Отделе по делам музеев Главнауки Наркомпроса памятников зодчества были возможны только с разрешения названного отдела, а памятников местного значения – с разрешения губмузеев. Тем не менее, в 1920-х-начале 1930-х гг. не существовало четкого разграничения, в каких случаях какая организация давала заключения по тем или иным московским памятникам. Можно предположить, что это зависело не столько от категории памятника, сколько от других факторов: во-первых, от степени интереса центрального органа к судьбе того или иного здания; во-вторых, от того, куда обращались организации за разрешением о разборке. Так, к примеру, решение о строительстве нового здания на участке церкви Параскевы Пятницы и палат В. В. Голицына и И. Б. Троекурова в Охотном ряду в 1928 г. принял Госплан СССР, а заключение давала Главнаука. Авторитетные сотрудники Главнауки П. Д. Барановский и Н. Р. Левинсон, И. Э. Грабарь,

[121] Бюллетень МОНО. – 1929. – № 5. – С. 111-117.
[122] ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1029. Л. 57. Сокращение списка памятников см. Приложение 5.

причастные к их реставрации, боролись за сохранение памятников[123]. Районные советы Москвы и отделы Моссовета как правило обращались в московский орган. В 1928 г., например, в ответ на запрос Замоскворецкого райсовета заведующий Мосгубмузеем И. Г. Клабуновский подписал разрешение на передачу церкви Покрова Божьей матери на Б. Ордынке (Марфо-Мариинская обитель) под «какую-либо культурную цель». В том же 1928 г. Мосгубмузей возражал против предложения Административного отдела Мосгорисполкома о разборке «первоклассного» памятника – Меньшиковой башни[124].

В марте 1930 г. МОНО дало заключение по решению Президиума Замоскворецкого Совета о разборке 13 церквей и колоколен, которые мешали уличному движению или новому жилищному строительству. МОНО высказалось за оставление только одного здания из списка – церкви Параскевы Пятницы на Пятницкой улице ввиду ее «выдающихся архитектурных достоинств»[125]. В тридцатые годы сектор науки Наркомпроса (преобразован из Главнауки в 1930 г.) продолжал выдавать заключения помимо московского органа, в частности, в 1933 г. на приспособление церкви Всех святых на Кулишках под лабораторию Москино[126]. Все эти примеры указывают на то, что центральный и московский органы, отвечавшие за охрану памятников архитектуры Москвы, дублировали друг друга. Однако по сути это не оказывало влияния на судьбу памятников. В статье о ликвидации культовых зданий в Ленинграде британская исследовательница К. Келли утверждает, хотя и с оговорками, что профессионалы из службы памятников Ленинграда в 1920-е-1930-е гг. имели возможность решать, какие здания сносить, а какие оставить, и что в значительной степени решения зависели от их собственных архитектурных пристрастий[127]. Зная общую ситуацию в стране, в такое утверждение трудно поверить. Возможно, это заключение и справедливо для Ленинграда. В

[123] Подробнее об этом см. Козлов В., Седельников В. Указ. соч. С. 25-28, 32.
[124] ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 2342. Л. 6, 9, 12.
[125] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 66. Д. 441. Л. 23, 24.
[126] Там же. А-2306. Оп. 70. Д. 1037. Л. 15.
[127] Kelly C. Socialist Churches: Heritage Preservation and ‘Cultic Buildings’ in Leningrad, 1924–1940. C. 811.

отношении Москвы же следует скорее говорить о том, что органы охраны памятников, как центральный, так и московский, не столько решали, сколько «принимали к сведению» решения Моссовета и Президиума ВЦИК о сносе церквей. В Москве начиная с 1928 г. происходил массовый и планомерный снос архитектурных памятников. Хотя в задачи данной работы не входит детальное перечисление утрат рассматриваемого периода, тем более, что они уже неоднократно опубликованы, следует сказать, что счет шел на десятки, если не сотни зданий. Чудов и Вознесенский монастыри в Кремле, 23 монастыря за пределами кремлевских стен, более двухсот храмовых зданий были полностью уничтожены[128].

Механизм принятия решений заключался в следующем. Организация, заинтересованная в занятии участка под застройку, обращалась в соответствующий районный совет. Его президиум принимал решение о разрешении строительства и отправлял его для согласования в Президиум Моссовета, отделы Благоустройства, Административный и по делам музеев Моссовета. После получения заключений Моссовет утверждал решение. В случае разногласий дело передавалось в высший исполнительный орган – ВЦИК, который как правило подтверждал решения московских властей о разборке зданий и передаче участков под новое строительство. 17 сентября 1928 г. ВЦИК издал постановление, которое давало Моссовету право приступать к сносу церковных зданий «немедленно после разрешения вопроса и производить их сломку в кратчайшие сроки»[129].

После происшедшего в конце 1920-х гг. сокращения государственных органов охраны памятников их функции в значительной мере перешли к

---

[128] Достаточно полный список уничтоженных православных храмов представлен на сайте Википедии: Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_храмов,_упразднённых_советской_властью#.D0.A3.D0.BD.D0.B8.D1.87.D1.82.D0.BE.D0.B6.D0.B5.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D0.B5_47 (дата обращения: 04.05.2013). Материалы о разобранных памятниках архитектуры см. в перечне ГА РФ «Утраченная красота Москвы» / сост. Миркина И. Также о разрушении архитектурных памятников в 1920-е - 1930-е гг. см.: Памятники архитектуры в Советском Союзе: Очерки истории архитектурной реставрации. С. 56-65; также публикации В. Козлова в журнале «Архитектура и строительство Москвы» за 1990 г., №№ 4, 7, 9, 10, 11 и др.

[129] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 43. Д. 63. Л. 156.

Центральным государственным реставрационным мастерским (ЦГРМ). ЦГРМ были образованы при отделе по делам музеев Наркомпроса РСФСР в 1924 г. Первоначально их деятельность ограничивалась консервацией и реставрацией памятников архитектуры на территории всего СССР, в том числе Москвы. Однако, по заключению О. Л. Забицкой, де-факто в начале 1930-х гг. ЦГРМ были органом учета, регистрации и систематизации памятников архитектуры, равно как и реставрационной организацией[130]. Это действительно так. Фактически ЦГРМ заменили органы охраны памятников архитектуры уже начиная с 1928 г., хотя формально задачи охраны памятников были возложены на Мастерские только в 1933 г.[131] Как следует из отчета за пятилетку 1928-1933 гг., их деятельность развивалась по следующим направлениям: фактический учет памятников; паспортизация; научная проработка заключений о значении памятника в историко-художественном, культурном и бытовом отношении; установление нуждаемости зданий в ремонте и реставрации; контрольно-инспекторские функции; разработка смет на поддержание памятников; охрана[132]. По «линии контрольно-инспекторской» сотрудники ЦГРМ производили обследования самовольной сломки, а если быть точнее, фиксацию, обмеры и составление чертежей разобранных памятников. Отчет отмечал значительный объем таких обследований, проведенных в Москве[133]. Одной из заслуг сотрудников ЦГРМ явилось оформление большого количества паспортов на памятники архитектуры, которые и сегодня представляют большой научный, исторический и практический интерес. Форма паспортов была разработана на

---

[130] Более подробно о ЦГРМ см. Забицкая О. Л. Основные направления деятельности ЦГРМ в области охраны и реставрации архитектурных памятников // История и теория реставрации памятников архитектуры : [Сб. ст.] / Центр. н.-и. и проект. ин-т по градостроительству; Под ред. Щенкова А. С. М. : ЦНИИП градостроительства , 1986. Режим доступа: http://art-con.ru/node/1167 (дата обращения: 07.05.2012).

[131] См. Докладная записка директора ЦГРМ Я. Г. Лидака, не ранее 15.03.1933 // ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 1037. Л. 25-26.

[132] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 1037. Л. 44.

[133] Там же. Л. 45.

основе опросных листов Российского археологического общества и анкетных листов Мосгубмузея[134].

Тем не менее, созданные как научная организация при Главмузее, ЦГРМ не только не были частью советской государственной системы, а стояли вне бюрократической иерархии. Если по закону об охране памятников старины 1924 г. согласование любых действий в отношении памятников должно было осуществляться Главмузеем, то ЦГРМ не обладали никакими полномочиями в это области и не имели никакого влияния на местные органы власти и хозяйственные организации, в чьем владении находились исторические здания. Советы просто игнорировали требования сотрудников ЦГРМ. Так, на запросы ЦГРМ о состоянии памятников, разосланные на места в 1933 г., из Московской области было получено только 12 процентов ответов[135]. В штате Мастерских не было предусмотрено должностей инспекторов по охране памятников. Начиная с 1932 г. директор ЦГРМ Я. Г. Лидак неоднократно требовал разъяснений по поводу того, какие полномочия имеют Мастерские после того, как им были переданы «оперативные» функции сектора науки в отношениях с местами. По словам Лидака, к 1933 г. назрела срочная и настоятельная необходимость преобразования ЦГРМ в Научно-исследовательский институт по охране и реставрации памятников искусства, старины и революционного движения. Положение об институте было разработано Сектором науки Наркомпроса РСФСР весной 1933 г. Предполагалось, что новый НИИ на базе ЦГРМ станет учреждением общесоюзного значения с задачей организации и практического осуществления работ по выявлению, учету, исследованию и реставрации, а также разработке научных методов и принципов охраны памятников культуры, с соответствующими подразделениями [136] . Однако планы эти не были осуществлены. Активная позиция сотрудников ЦГРМ в вопросах защиты московских культовых зданий не устраивала власти. Их обвинили в религиозной пропаганде и контрреволюционности. В 1929-1931 гг. последовало несколько

[134] Образец паспорта 1931 г. см. Приложение 6.
[135] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 1039. Л. 16. Данные по Москве не приведены.
[136] Там же. Д. 1037. Л. 1-2, 27-30.

смен директоров. По заключению комиссии Ленинского райкома ВКП(б) Москвы, инспектировавшей деятельность ЦГРМ в декабре 1932 г., «ЦГРМ в момент принятия их нынешним директором тов. Лидаком в феврале 1932 года представляли из себя совершенно разложившуюся, деморализованную организацию, как с точки зрения идеологической и научно-исследовательской, так и производственно-организационной … До прихода тов. Лидака в аппарате ЦГРМ в качестве научного работника работал один партиец – тов. Раппопорт, не имевший научной подготовки. … Мастерские засорены чуждым нам элементом. … Исходя из того, что ЦГРМ не имеют достаточной материальной базы, а в особенности своих достаточно проверенных кадров специалистов и чрезвычайно бедны в части коммунистической прослойки, следует поставить перед Наркомпросом вопрос о передаче ЦГРМ в ведение более мощной организации, какой в данном случае в Москве является М.О.Г.И.М.К.» (Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры)[137]. В 1934 г. было сфабриковано уголовное дело против руководителя архитектурного отдела ЦГРМ Б. Н. Засыпкина, фотографа А. Т. Лебедева и других сотрудников ЦГРМ, оказывавших противодействие мероприятиям советского правительства «по слому и сносу ненужных памятников старины (церкви, старые усадьбы, часовни, монастыри), которые по показаниям обвиняемых должны были воспитывать молодежь в националистическом духе»[138]. В 1934 г. ЦГРМ были закрыты. После их ликвидации на все работы в центре города разрешения выдавали МГК партии и Моссовет минуя охранительные органы[139].

Некоторые исследователи считают, что в условиях прекращения деятельности музейного отдела Наркомпроса и Мосгубмузея важную функцию контроля за охраной памятников культуры взял на себя созданный в августе 1932 г. Междуведомственный комитет при Президиуме ВЦИК по охране исторических

---

[137] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42. Л. 157-160.
[138] Просим освободить из тюремного заключения : письма в защиту репрессированных / [сост.: В. Гончаров, В. Нехотин]. - М. : Соврем. писатель , 1998. - С. 183-185.
[139] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 5. Оп. 5. Д. 58. Л. 26.

памятников [140] . Однако с таким мнением трудно согласиться. Как уже упоминалось, с конца 1920-х годов сложилась практика утверждения решений о сносе памятников культовой архитектуры и о ликвидации церковных приходов Президиумом ВЦИК. По убеждению соискателя, Междуведомственный комитет был своего рода «карманным» органом ВЦИК, и в отсутствие государственных органов охраны был предназначен для того, чтобы придать вид лигитимности происходящим в масштабе всей страны разрушениям памятников. Он был не более чем совещательным органом. Согласно законодательству, его задачи были очень ограниченными: наблюдение за выполнением постановлений правительства, составление списков и разрешение вопросов использования, приспособления и сноса памятников архитектуры. По Положению о комитете, утвержденному ВЦИК 20 августа 1932 г., в него должны были войти представители ВЦИК, Наркомпроса РСФСР, Центральных государственных реставрационных мастерских, Государственной академии истории материальной культуры, Государственного исторического музея, НКХоза РСФСР, Академии наук, Музея революции, Интуриста, Общества пролетарского туризма, общественных архитектурных организаций и представителей других заинтересованных ведомств и учреждений [141] . На самом деле многие его участники игнорировали заседания, и к 1937 г. в составе его осталось шесть членов[142]. Комитет не имел права самостоятельно принимать решения; все они подлежали утверждению ВЦИК. Анализ текстов как Положения о

---

[140] Богуславский М. М. Международная охрана культурных ценностей. Ленинские принципы охраны памятников истории и культуры. – Москва: Междунар. отношения, 1979. – 192 с. Режим доступа: http://podelise.ru/docs/45855/index-3490-1.html (дата обращения: 08.05.2013); Личак Н. А. Система охраны памятников советской России во второй половине 1930-х годов. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – Том 19. – Выпуск 16. – Научная библиотека КиберЛенинка: Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/sistema-ohrany-pamyatnikov-sovetskoy-rossii-vo-vtoroy-polovine-1930-h-godov#ixzz2ShpIyfD8 (дата обращения: 08.05.2013); Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917-1967) // История СССР. – 1967. – № 7. – С. 191-208.

[141] Постановление ВЦИК от 20.08.1932 г. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=24311 (дата обращения: 09.05.2013).

[142] См. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 76. Д. 90, 117.

Междуведомственном комитете, так и нового закона «Об охране исторических памятников», изданного 10 августа 1933 г., приводит к заключению, что фактически их целью было упорядочение массового несанкционированного сноса исторических зданий, а не их охрана[143].

Междуведомственный комитет был упразднен постановлением ВЦИК 5 июня 1938 г.[144] В докладной записке по случаю его закрытия была дана убийственная характеристика его деятельности, равно как и реанимированного в 1933 г. Музейного отдела Наркомпроса РСФСР: «в делах бывшего руководства Комитетом не имеется … материалов по учету памятников, по их ремонту и реставрации, а также по использованию спецсредств [т. е. вырученных от аренды - НП]. Не имеет этих данных и Музейный отдел НКПроса, который оперативным руководством по охране памятников не занимался, хотя постановлением [1933 г. – НП] эта работа целиком возложена на него. Из обследования видно, что работа по охране и использованию памятников была поставлена и проводилась крайне неудовлетворительно», «проекты, сметы и заявки … а также ряд ходатайств исполкомов, горсоветов и музеев находились без рассмотрения по 1-2 года», «дело охраны памятников находится в недопустимом забвении и им по существу никто не занимается»[145].

Вывод о том, что Междуведомственный комитет по охране памятников революции, искусства и старины не планировался как действенный орган, подтверждают еще два обстоятельства: полное отсутствие местных органов и почти полное отсутствие финансирования работ. В Положении о Комитете 1932 г. не был предусмотрен порядок организации охраны памятников на местах. По закону 1933 г. охрана памятников была поручена руководителям областных отделов народного образования (в случае Москвы – МОНО). В 1935 году была сделана попытка создать институт уполномоченных Комитета по охране

---

[143] «Об охране исторических памятников». Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10.08.1933 г. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=24224 (дата обращения: 09.05.2013)

[144] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 76. Д. 117. Л. 132. О воссоздании музейного отдела НКП РСФСР см.: Институты управления культурой. С. 136.

[145] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 76. Д. 117. Л. 107, 53.

памятников в краях и областях, Москве и Ленинграде. Уполномоченным Комитета по Москве и Московской области был назначен т. Барков. Московский уполномоченный Комитета был подчинен Тресту по эксплуатации культпросветучреждений, который занимался вопросами кинотеатров, клубов, установкой киосков, и не имел ничего общего с памятниками архитектуры. Положение об уполномоченных, «крайне путаное», никогда не было представлено на утверждение ВЦИК, поэтому они так и не приступили к работе[146].

На поддержание и ремонт памятников бюджетных средства не предусматривалось. По постановлению от 10 августа 1933 г. ремонт и приведение в исправное состояние памятников архитектуры должны были производиться за счет местных средств и арендной платы. Только реставрация самых крупных объектов, таких как Московский кремль и Новодевичий монастырь, финансировалась из государственного бюджета[147]. Однако местные бюджеты как правило не предусматривали средств на реставрацию памятников. По убеждению местных властей, ремонт памятников являлся обязанностью Наркомпроса РСФСР[148]. Постановления 1924 и 1933 г. в части расходования арендной платы (так называемых спецсредств) на ремонт и поддержание памятников местные органы власти не выполняли. Более того, из архивных документов следует, что центральные и местные органы власти предоставляли многие важнейшие объекты охраны организациям в бесплатное пользование[149].

Единственными результатами деятельности Междуведомственного комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК можно считать очередное сокращение списка памятников архитектуры и составление типового договора на аренду памятников, что было вменено ему в обязанность постановлением 10 августа 1933 г. Заслуги эти, однако, были сомнительного свойства.

---

[146] Там же. Л. 53.
[147] Там же. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2529. Л. 29-29 об.
[148] Там же. Ф. Оп. 70. Д. 1039. Л. 17.
[149] См. докладные записки Междуведоственного комитета по охране памятников за 1938 и 1939 гг. // ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2529. Л. 4, 98.

Рассмотрением списка памятников архитектуры Москвы для Комитета занимались сотрудники Сектора науки НКП РСФСР и ЦГРМ. В их числе были О. Н. Бубнова, В. А. Мамуровский, Я. Г. Лидак, С. А. Торопов, Д. П. Сухов, П. Д. Барановский, Н. Н. Померанцев, Н. Р. Левинсон, Б. Н. Засыпкин и др. Памятники были разделены на две категории – высшую и первую, хотя, по мнению специалистов-реставраторов, высшую и первую категории невозможно разделить, и список имеет ценность в своем полном объеме. Однако разделение на категории было необходимо Междуведомственному комитету по чисто практическим соображениям: снос памяников высшей категории должен был санкционировать ВЦИК, а первой категории – местные исполкомы[150]. Кроме категорий, памятники также были разделены на три типа: военной, гражданской и культовой архитектуры[151]. Подход к составлению списков и разбивке на категории был строго идеологическим:

«Высшая категория характеризуется ведущими памятниками в определенной группе, соответствующей определенной социально-экономической формации, имеющими достижения в архитектурном стиле, композиции, декоративном убранстве, конструкциях и строительной технике. Первая категория представляет основной костяк в цепи развития строительного искусства и ряд памятников, особенно показательных в отображении на них смены общественных форм и укладов»[152]. На заседании по рассмотрению списка московских памятников 26 мая 1932 г. искусствоведы и реставраторы сделали попытку включить в список гражданские постройки начала девятнадцатого века, отражающие «мелко-буржуазное и дворянское строительство», что было новаторским предложением, так как до этого архетип так называемой рядовой исторической застройки не учитывался охранительными органами. Совещание

[150] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 76. Д. 90. Л. 150-149. В указанном документе - справке Междуведомственного комитета по охране памятников 9 марта 1935 г. употребляется разделение на две категории – 1-ю и 2-ю.
[151] Там же. Л. 150-150 об.
[152] Там же. Ф. А-2307. Оп. 17. Д. 51. Л. 1.

поручило ЦГРМ произвести подбор памятников в этот список, однако идея не получила развития[153].

Московский список, разработанный в 1932 г., включал 125 памятников архитектуры по двум категориям. По замечанию составителей, «этот крайне ограниченный список предусматривает группировку памятников, предельно необходимых для характеристики соц.-экономических формаций и классовой идеологии»[154]. Список был рассмотрен в Комитете по охране памятников, но так и не был утвержден ВЦИК и не приобрел силу закона[155]. В 1934 г. ВЦИК потребовал от Комитета сокращения списка на 50 процентов. Пока список пересматривался, Комитет был упразднен постановлением ВЦИК от 5 июня 1938 г. [156] Аналогичная ситуация сложилась с разработкой арендного договора. Типовой договор аренды памятника архитектуры был составлен и даже утвержден пленумом Междуведомственного комитета, но юридической силы не получил[157].

Как уже было отмечено выше, в конце 1930-х гг. сталинский режим сменил идеологический курс. По наблюдениям исследователей, возрождение интереса к истории России привело к изменению в отношении к материальным памятникам истории и культуры. Главным образом это выразилось в том, что кампания бессмысленных с экономической точки зрения массовых «сносов ради сносов» прекратилась, хотя это и не означало полного отказа от уничтожения памятников архитектуры.[158] В деле же действительной охраны памятников архитектуры мало что изменилось. Об этом свидетельствует например то, что в 1939 г. в местных бюджетах не предусматривалось средств на нужды государственной охраны памятников[159]. Возможно, что в определенной степени это было связано с реорганизационной неразберихой, потому что позже Наркомат финансов РСФСР

---

[153] Там же. Л. 1 об.
[154] Там же. Л. 1-2.
[155] Список памятников архитектуры 1934 г см. Приложение 7.
[156] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 76. Д. 117. Л. 132.
[157] Типовой договор 1937 г. см. Приложение 8.
[158] Памятники архитектуры в Советском Союзе: Очерки истории. С. 84.
[159] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2529. Л. 3 об.

все же начал выделять средства на ремонт и реставрацию памятников архитектуры и истории РСФСР. Так, на 1941 г. было отпущено по республиканскому бюджету 1542 тыс. руб. и по местному – 2000 тыс. руб. В частности, из этих ассигнований предполагалось произвести ремонтные работы семи московских объектов: дворцового комплекса в Измайлово, церкви Воскресения в Кадашах, трех башен и стен Симонова монастыря, собора на Бутырской ул., усадьбы дьяка Аверкия Кириллова, бывшей усадьбы кн. Трубецких у Покровских ворот и усадьбы Кузьминки[160]. Трудно сказать, какая часть этих средств была освоена, по причине начала Великой Отечественной войны.

В связи с реорганизацией государственного аппарата, происшедшей в 1938 г., функция охраны была передана в Комитет (с 1938 г. – Управление) по делам искусств при СНК РСФСР, где был создан отдел по охране памятников[161]. И. С. Степанов, последний председатель Междуведомственного комитета, который был назначен начальником отдела охраны памятников революции, культуры и искусств Комитета по делам искусств, категорически возражал против этой, по его словам, «механической передачи», поскольку она по существу «ликвидировала всякую охрану». Он дал следующую оценку состояния дела охраны памятников архитектуры на 1938 г., которую ввиду ее полноты и объективности необходимо привести подробно:

« …До сих пор дело государственной охраны памятников переживает организационную путаницу и беспорядок; … функции, средства, кадры и объекты охраны раздроблены и разбросаны по разным ведомствам. Так, органы по делам искусств по действующему положению должны осуществлять контроль и наблюдение за состоянием дела государственной охраны памятников в центре и на местах, рассматривать и утверждать учетные списки, планы и проекты по реставрации, переделки и использования… Органы Народного образования

[160] Там же. Ф. А-259. Оп. 388. Д. 388. Л. 1, 8. Точное название собора на Бутырской ул. В документе не указано. Предположительно, церковь Рождества Богородицы в Бутырской слободе.

[161] РГАЛИ. Ф. 2075. Справка. Режим доступа: http://www.rgali.ru/object/11019596?lc=ru (дата обращения: 21.05.2013). Комитет по делам искусств при СНК РСФСР был создан в 1936 г.

заключают договора на эксплоатацию зданий-памятников, осуществляют наблюдение за выполнением арендных договоров (арбитраж, судебные дела), производят ремонт и реставрацию, т.е. дублируют работу органов искусства по охране памятников, не присущей Наркомпросам.

Другим хозяином охраны памятников является - Горкомунхозы в ведении которых находятся: древние военно-крепостные сооружения, археологические заповедники, некрополи, монументы, мемориальные и революционные памятники и т.д. Немало памятников находятся в ведении других ведомств,как например НКО, НКВД, Наркомсовхоза СССР и т.д.

…Таким образом, существующая путаница в организации и структуре органов охраны памятников является следствием того, что не имеется общесоюзного органа по охране памятников, в результате чего делом охраны памятников никакое ведомство в центре и на местах вплотную не занимается, и непосредственной ответственности за его состояние не несет.

В части использования и эксплоатации зданий-памятников государственной охраны союзного значения (гражданские и церковные сооружения, целые ансамбли и комплексы б. дворцов и усадеб, военнокрепостных сооружений, б. монастырей и т. д. находятся в ведении разных Наркоматов, ведомств и учреждений СССР.

… Многочисленные памятники, непригодные к эксплоатации для хозяйственных нужд, ввиду их ветхости или по своему роду сооружения, находятся в состоянии беспризорности и разрушаются. Край, облисполкомы своими постановлениями нередко сносят ‘на кирпич' важнейшие памятники союзного значения, исходя из местных интересов хозяйств. порядка»[162]. Приведенная цитата в полной мере относится и к Москве, где, как известно, ситуация была намного сложнее, чем в других городах и союзных республиках[163]. И. С. Степанов

[162] Докладная записка И. С. Степанова, 5 ноября 1939 г. // ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2529. Д. 97. Л. 98. (сохранена орфография подлинника).
[163] Об этом подробнее см. Памятники архитектуры в Советском Союзе : Очерки истории архитектурной реставрации. С. 80, 90-91.

предлагал целый ряд практических мер реанимации системы охраны памятников, включавших несколько важнейших пунктов, а именно:

- разделение управления охраной памятников и руководства музейным делом;

- создание при СНК РСФСР центрального органа, занимающегося исключительно вопросами охраны памятников истории, искусства, архитектуры и археологии, с функцией не только контроля и наблюдения за выполнением постановлений партии и правительства, но и оперативного руководства и разработки всех мероприятий в области охраны памятников;

- востановление местных органы охраны памятников и разработка проекта постановления СНК РСФСР о порядке охраны и учета памятников на местах[164].

Предложения И. С. Степанова так и остались на бумаге. Комитет по делам искусств РСФСР руководил охраной памятников культуры вплоть до реорганизации военного времени, которая будет рассмотрена в следующей главе. До 1944 г. местные органы охраны памятников не были созданы. Согласно предсказанию Степанова, охрана памятников архитектуры не стала приорететом деятельности Комитета[165]. В предвоенные годы и в начале войны делами московских памятников до некоторой степени занималась лишь созданная в 1934 г. Академия архитектуры СССР. В 1939 году в ее структуре была организована Комиссия по охране и реставрации памятников архитектуры, а в 1940 г. – временная комиссия по изучению памятников Москвы. Однако как следует и из названия комиссии, она в большей степени ставила перед собой задачи научно-исследовательские, нежели административные. В 1940 г Академия архитектуры выделила около 8000 руб. на финансирование деятельности московской комиссии[166].

II.2. Значение антирелигиозной кампании в формировании отношения общества к памятникам архитектуры

[164] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 76. Д. 117. Л. 43, 128-125; ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2529. Л. 3 об.
[165] См. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2529.
[166] РГАЭ. Ф. 377. Оп 1. Д. 24. Л. 9.

В конце 1920-х годов в рамках культурной революции значительно усилилась антирелигиозная кампания, начатая большевиками в 1917 г. Борьбу с религией инициировал правящий режим, но осуществлялась она не только государственными структурами, но и общественными организациями, поэтому в целях настоящей работы необходимо остановиться подробно на антирелигиозной кампании и ее последствиях для охраны памятников архитектуры.

Мощной общественной силой, влияющей на формирование мнения граждан по отношению к религии, был Союз воинствующих безбожников СССР, организованный в 1925 г. Его деятельность направлялась Антирелигиозной Комиссией ЦК ВКП(б), руководители которой, Е. М. Ярославский, П. Г. Смидович, П. А. Красиков, одновременно возглавляли и Союз воинствующих безбожников [167]. Главными лозунгами Союза были «Через безбожие - к коммунизму» и «Борьба с религией - это борьба за социализм». На Второй съезд безбожников, проходивший в июне 1929 г., собралось 1200 делегатов, представлявших пять миллионов безбожников СССР. В резолюции съезда указывалось, что религиозные организации «...являются по существу политической агентурой и политическим аппаратом враждебных пролетариату классовых группировок внутри нашей страны и международной буржуазии»[168]. Решения съезда послужили мощным толчком к нагнетанию в обществе негативного отношения как к религии и ее отправителям, так и к ее материальному воплощению – зданиям и предметам религиозного культа. Нет сведений о том, что местные отделения Союза безбожников принимали

[167] Антирелигиозная Комиссия в составе ЦК ВКП(б) была организована в 1922 г. для выработки политики партии по отношению к религиозным конфессиям. См. подробнее: Шкурин А. В. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)-ВКП(б) и ее деятельность по реализации политики Политбюро по отношению к Русской Православной Церкви в 1922-1929 гг. : дис. … канд. юрид. наук: 09.00.13 – М., 2005. – 224 с.; Фирсов С. Л. Была ли безбожная пятилетка? В 1932 году в СССР начался новый этап строительства антирелигиозного государства. – Научный атеизм. Режим доступа: http://www.atheism.ru/library/Firsov_1.phtml (дата обращения: 25.05.2013).

[168] Резолюции Второго Всероссийского съезда воинствующих безбожников. – Москва: Безбожник, 1929. – С.4. Цит. по: Соколова Н. В. Государственно-правовое регулирование церковных отношений в советской и современной России (историко-правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук: 12.00:01 – Н. Новгород, 2004. – С. 31.

непосредственное участие в разрушении зданий церквей. Они использовали такие формы борьбы, как сжигание икон, уничтожение церковных книг, снятие колоколов. По наблюдению П. Г. Смидовича, движение воинствующих безбожников часто выливалось в «формы стихийные» и не всегда считалось с «рамками революционной законности»[169]. Собрания безбожников принимали решения о закрытии церквей, которые местные советы в нарушение законодательства как правило выполняли.

Значительная часть архитектурного наследия заключалась в культовых зданиях. Только в Москве, как уже было упомянуто, Мосгубмузеем в 1918 г. было учтено 628 церквей, а в списках охраняемых зданий 1926-1928 гг. их было порядка трехсот[170]. Антирелигиозная пропаганда формировала в обществе негативное отношение ко всему церковному, в том числе и к зримому воплощению религии – молитвенным зданиям. Не только рядовые граждане, но и профессиональные архитекторы и студенты архитектурных вузов, воспитанные в духе атеизма, высказывали сомнения в том, что культовые сооружения являются памятниками искусства. Общественное сознание при этом отождествляло памятники архитектуры в целом в первую очередь с церковными зданиями[171].

Идя навстречу «пожеланиям трудящихся» и требованиям партийной верхушки, в 1930 г. Главнаука еще раз переработала в сторону сокращения списки культовых зданий, состоящих на государственной охране. Характерно, что Пленум Союза безбожников констатировал по этому поводу: «Главнаука за последнее время пересмотрела все памятники, подлежащие охране, под нашим углом зрения, и из 7 тысяч памятников, которые числились по спискам Главнауки, мы сохраним только 1 тысячу. Это значительное продвижение

---

169 ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 7. Л. 17. Цит. по: Советов И. М. Советское законодательство о религиозных культах в 20-30-х гг. XX в.: Содержание и практика реализации, споры и дискуссии о реформировании правовой базы. Российское объединение исследователей религии. Режим доступа: http://www.rusoir.ru/president/works/217/ (дата обращения: 24.05.2013).

170 См. ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1029. Л. 35.

171 РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 55. Л. 7; д. 56. Л. 19.

вперед», - как бы подразумевая, что памятник априори означает «церковь»[172]. В Москве в 1930 г. под охраной осталось 232 церковных здания. Таким образом, можно заключить, что одним из последствий активных действий общественного Союза безбожников стало изъятие культовых зданий из ведения религиозных организаций, что упрощало возможность их сноса и перестройки с целью приспособления под цеха, склады, жилые помещения и другие хозяйственные нужды.

Безусловно, это не было результатом исключительно деятельности борцов с религией. Их действия вдохновлял сталинский режим, который проводил политику дискредитации и репрессий религиозных культов. Как известно, согласно Декрету об отделении церкви от государства от 23 января 1918 г., для отправления культов верующие должны были образовывать религиозные объединения – общественные союзы без права владения собственностью и организации юридического лица. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. «О мерах по усилению антирелигиозной работы», разосланном в виде секретного письма в низовые партийные органы, церковные советы и другие религиозные общества были названы «единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы»[173]. Служители культа были приравнены к кулакам и подвергались репрессиям, проводившимся в ходе коллективизации (1928-1932). Закон «О религиозных объединениях», принятый 8 апреля 1929 г., еще более ущемил права верующих и развязал руки местным органам власти. Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР во главе с П. Г. Смидовичем фиксировала множественные случаи противозаконных действий в отношении религиозных общин[174]. Партийные и советские руководители, выполняя установку партии на ликвидацию религии,

---

[172] Ангирелигиозник. – 1930. – №5. С.116. Цит. по: Соколова Н. В. Указ. соч. С. 29. Имеется в виду общесоюзный список.

[173] ГА РФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1782. Л. 224-225. Цит. по: http://www.rusoir.ru/president/works/217/

[174] Подробнее о Комиссии по вопросам культов см. Кочетова А. С. Роль Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме (ВЦИК) ЦИК СССР в разработке религиозного законодательства 1930-х гг. // Молодой ученый. – 2011. – №9. – С. 155-160. Режим доступа: http://www.moluch.ru/archive/32/3654/ (дата обращения: 25.05.2013).

повсеместно закрывали церкви в административном порядке, расторгали договоры с общинами на пользование церковными зданиями, принимали решения о передаче их под хозяйственные нужды и о сносах в обход центральных органов власти[175]. Церковным общинам предоставлялось право обжалования в течение 15 дней решений о закрытии молитвенных зданий. Обычно церковные приходы использовали это право. Решения местных органов вместе с жалобами общин и необходимыми материалами передавались на утверждение во ВЦИК. В архивном фонде ВЦИК сохранился значительный массив документов такого рода. Принимая во внимание описанную выше атмосферу гонений на религию и репрессий церковнослужителей и верующих очевидно, что подача заявлений о сохранении приходов требовала от представителей общин гражданского мужества. Тон таких прошений обычно был очень осторожным. Верующие заверяли в своей лояльности режиму, но в то же время выражали неудовольствие ущемлением их права на свободу совести. Подавать прошения о сохранении зданий религиозные объединения были неправомочны, поскольку они являлись не собственниками, а лишь их пользователями. Их просьбы заключались в сохранении помещений для отправления религиозных обрядов. В письмах приводились такие доводы в пользу оставления приходов, как экономическая нецелесообразность переустройства, историческая важность или архитектурные достоинства храма, выражалось недоумение по поводу неоправданных решений о разборке. Так, например, в мае 1930 г. прихожане церкви священномученика Ермолая что на Козьем Болоте указывали на преждевременность передачи здания под тракторный музей Ломоносовскому техническому институту по той причине, что уже есть решение о его объединении с сельско-хозяйственным факультетом Тимирязевской академии и строительстве новых помещений института в районе Черемушек. По мнению просителей, передача храма под музей была

[175] ГА РФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1730. Л. 2-3 об. Цит. по: http://www.rusoir.ru/president/works/217/

«равносильна его уничтожению»[176]. Церковно-приходской совет церкви Михаила Архангела в Овчинниках оспорил постановление Мосгорисполкома от 3 мая 1930 г. о закрытии храма на том основании, что строительство на участке отложено на полтора года и поэтому закрытие храма и сломка здания преждевременны. Совет также отметил, что здание, построенное в 1613 г., является памятником древней русской архитектуры, а в сломке нет необходимости, потому что на прилегающей территории можно вести строительство и не уничтожая храм[177]. Представители общины церкви Троицы на Арбате также писали о том, что новое строительство можно проводить без разборки храма, построенного по пректу известного русского архитектора И. Ф. Мичурина в 1742-1750-е гг., однако невзирая на протест верующих, храм был снесен в 1931 г.[178]

После закрытия церкви вопросы о ее использовании или разборке решали исключительно органы испольнительной власти. Согласно циркуляру Наркомата коммунального хозяйства РСФСР «О порядке передачи коммунальным органам и включения в муниципальный фонд ликвидированных молитвенных зданий» от 9 августа 1931 г. в случае прекращения договоров на использование зданий в качестве молитвенных помещений местные исполкомы могли передавать их под культурно-просветительные учреждения или жилье. По предложению Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК в циркуляр был включен пункт, по которому «бывшие здания культов, представляющие историческую ценность и находящиеся на учете Главнауки, не подлежат перечислению в муниципальный фонд[179]. В некоторых случаях это помогало

---

[176] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 66. Д. 430. Л. 313-314. Церковь священномученика Ермолая, что на Козьем Болоте в Козьей патриаршей слободе (дата постройки 1682) на углу Садово-Триумфальной площади и Ермолаевскому переулка была разобрана в 1932 г. для строительством жилых домов военного ведомства.

[177] Там же. Д. 441. Л. 22-22 об. Церковь Михаила Архангела в Овчинниках в Среднем Овчинниковском переулке (дата постройки 1613 г.) была закрыта в 1930 г., но не разобрана. В результате постройки административного здания в 1950-е гг. церковь оказалась заключенной во внутренний двор новой постройки.

[178] Там же. Л. 416-416 об.

[179] Циркуляр Наркомата коммунального хозяйства РСФСР № 158 «О порядке передачи коммунальным органам и включения в муниципальный фонд ликвидированных молитвенных зданий» от 9 августа 1931 г. // ГА РФ. Ф. 5263 Оп. 2. Д. 1. Цит. по: http://www.moluch.ru/archive/32/3654/

отсрочить ликвидацию молитвенных зданий, поскольку требовало сбора дополнительных документов.

Можно привести десятки примеров подачи жалоб группами и церковными советами Москвы в начале 1930-х гг. В преобладающем большинстве случаев Президиум ВЦИК оставлял в силе решения Мособлисполкома, но были и исключения. К примеру, 10 июля 1930 г. ВЦИК отменил постановление о закрытии церкви Троицы в Полях, 20 февраля 1931 г. – о ликвидации церкви Георгия в Садовниках в Москве, оставив указанные церкви в пользовании верующих [180]. Президиум ВЦИК не утруждал себя обоснованием принятых решений, как отказов, так и согласий на закрытия храмов, поэтому трудно сказать, чем он руководствовался в каждом конкретном случае. Исследователи советских органов по делам религиозных культов отмечают, что в первой половине 1930-х гг. важную роль в принятии решений играла Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК под руководством П. Г. Смидовича, а затем А. П. Красикова. Комиссия пыталась препятствовать незаконному закрытию церковных зданий. По мнению Смидовича, борьба с «религиозным дурманом» должна была заключаться не столько в административных мерах по закрытию храмов, сколько в продуманной атеистической пропаганде. В результате деятельности Комиссии в 1930 г. в Московской области было возвращено верующим 545 церковных зданий, многие церкви в Москве[181]. Однако список действующих церквей Москвы стремительно сокращался. В 1930 г. их было 224, в 1933 г. – около 100, в 1937 г. – 40, а к 1938 г. осталось шестнадцать [182]. Одной из причин, по которой ВЦИК иногда пересматривал решения местных властей в пользу религиозных обществ,

---

[180] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 66. Д. 428. Л. 175; Д. 436. Л. 164. Храм Святой и Живоначальной Троицы в Полях (дата постройки 1566 г.) в Никольском тупике в районе Китай-города был разобран в 1934 г. Храм во имя великомученица Георгия Победоносца в Садовниках или в Ендове (дата постройки 1653 г.) на Садовнической ул. в 1934 г. был закрыт и приспособлен под конторские помещения.

[181] http://www.rusoir.ru/president/works/217/ Данные по Москве не указаны.

[182] Colton Timothy J. Moscow: governing the socialist metropolis. Cambridge, Mass. : Belknap Press of Harvard University Press, 1995. С. 268; Жуков Ю. Н. Москва: Генпланы 1918-1935 гг. и судьбы памятников архитектуры // Горизонт. - № 4. – С. 39-44.

исследователи считают то, что часто они оставались запертыми и никак не использовались, что свидетельствовало о их необоснованном закрытии. По мнению ВЦИК, подобные факты «используются церковниками для усиления влияния среди отсталых масс» граждан[183]. Очевидно, что заявления религиозных обществ о сохранении приходов сыграли положительную роль в деле сохранения архитектурных памятников. Многие храмы все же были снесены позднее, в середине 1930-х гг., в связи с реконструкцией Москвы и строительством метрополитена. Но были и случаи, когда отмена решений о немедленном сносе сохранила памятник до наших дней, что произошло, к примеру, с церковью Троицы в Полях.

II.3. Роль общественности в деле охраны памятников Москвы

В конце 1920-х гг., как и до этого, органы охраны памятников действовали во взаимосвязи с общественными организациями. Так, отдел по делам музеев Главнауки в 1928 г. издал серию путеводителей по подмосковным усадьбам, ряд которых был написан членами ОИРУ (Общество изучения русской усадьбы). Члены ОИРУ уделяли большое внимание московским архитектурным памятникам, занимались обследованием усадеб московских городских окраин. Издание ОИРУ "Памятники усадебного искусства. [Вып.] 1: Московский уезд" (М., 1928) содержит описания усадеб, ныне находящихся в черте Москвы. В их числе Гиреево, Кусково, Люблино, Царицыно. Эту работу ОИРУ высоко оценил один из ведущих сотрудников Главнауки Н. Р. Левинсон, который одновременно являлся заместителем председателя еще одной общественной организации – секции ОИМГ «Старая Москва». Однако в связи с изменением политической ситуации в стране общество переживало значительные трудности. В 1929 г. издание работ ОИРУ прекратилось, а вскоре, в 1930 г., оно было закрыто. В 1932 г. закончило свою деятельность и Московское Архитектурное общество (МАО),

[183] http://www.moluch.ru/archive/32/3654/

члены которого, профессиональные архитекторы, занимались исследованием памятников древнерусской архитектуры[184].

В условиях, когда государственные органы не имели достаточных ресурсов для того, чтобы заниматься выявлением и учетом памятников архитектуры, эту задачи попытались взять на себя краеведческие организации. В 1928 г. Центральное бюро краеведения (ЦБК) сделало попытку создать свою собственную систему охраны памятников культуры и природы. «Охранительный аппарат» ЦБК должен был состоять из областных комиссий и сети их уполномоченных на местах[185]. В резолюции пленума Ленинградского областного бюро краеведения, прошедшего в январе 1928 г., подчеркивалась важность и насущная необходимость согласованных действий общественных организаций с органами государственной охраны памятников на местах в целях быстрого составления списков памятников культуры [186] . Попытка объединения официальных и общественных усилий «с целью создания единого фронта по защите памятников» была предпринята ЦГРМ. Весной 1928 г. секретарь Комиссии по охране памятников ЦГРМ К. А. Верещагин предложил секции ОИМГ «Старая Москва» собрать совещание всех организаций, действующих в области охраны памятников, однако оно так и осталось в проекте[187].

Председатель секции памятников искусства, быта и старины Центрального бюро краеведения (ЦБК) П. Е. Васильковский в июле 1929 г., после сокращений в системе Наркомпроса, обращался к краеведам: «Заваленные прямой работой и неподготовленные к вновь возложенным на них обязанностям, школьные инспектора и инспектура политпросвета не смогут выполнить той огромной и ответственной работы, какую ждет от них Наркомпрос в деле учета памятников культуры… Кто и как может помочь правительственным охранительным органам

---

[184] См. об ОИРУ: Злочевский Г. Д. Указ. соч. ; о МАО: Кириченко Е. И. Указ. соч.
[185] Васильковский П. Е. Роль краеведов в охране природы и памятников культуры // Краеведение. – Т. 6. – № 6. – С. 309.
[186] Хроника охраны природы и памятников искусства, быта и старины. Там же. Т. 5. № 5. С. 297-298.
[187] http://www.archnadzor.ru/2012/04/24/russkie-drevniki-2/

осуществить изданные властью законы и положения?»[188] Васильковский давал ответ на этот вопрос. Он считал, что роль краеведов должна быть главнейшей в деле выявления, составления списков и классификации памятников материальной культуры на местах. Другую, не менее важную часть краеведческой работы он видел в том, чтобы объединить все низовые краеведческие организации в целях пропаганды памятников архитектуры, привлечения к ним внимания широких общественных слоев, пресечения нарушения законодательства в этой области.

Однако все эти планы не удалось осуществить. Краеведческие и профессиональные общественные организации, занимавшиеся изучением и популяризацией архитектурных памятников, переживали те же трудности, что и государственные охранительные органы. В течение 1929-1931 гг. краеведческое движение было разгромлено. В рамках известного «академического дела» по всей стране состоялись чистки местных краеведческих отделений ЦБК. Секция памятников искусства, быта и старины ЦБК была ликвидирована. В 1930 г. ОИМГ (Общество изучения Московской губернии) было переименовано в Московское областное бюро краеведения, а многие члены общества подверглись репрессиям[189]. Одним из организаторов гонений на краеведение был И. Г. Клабуновский, с 1928 г. возглавлявший Мосгубмузей, член ОИМГ. В 1931 г. он был избран в президиум Общества краеведов-марксистов (ОКРАМ), при помощи которого происходило шельмование краеведного движения и целью которого было «поставить краеведное движение на те рельсы, которые нужны нашему советскому строительству»[190]. 1 февраля 1930 г. И. Г. Клабуновский написал в Президиум ОИМГ, что «пришел к убеждению в нецелесообразности существования» секции «Старая Москва», недостаточно марксистски освещавшей историю столицы. 9 февраля 1930 г. на основании письма Клабуновского президиум Общества принял решение об упразднении секции «Старая Москва».

---

[188] Васильковский П. Е. Указ. соч. С. 306-308.

[189] Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. С. 22.

[190] Архив РАН. Ф. 367. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-35. Цит. по: Борцы за «марксизм» в краеведении. Режим доступа: http://www.ecoethics.ru/old/b38/1030.html (дата обращения: 27.05.2013).

По мнению исследователей краеведения, события 1929-1931 гг. разительно изменили структуру и характер деятельности ЦБК. У его руководства встали партийные лидеры[191]. В соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 30 марта 1931 г. основой работы краеведческих организаций стало изучение «производительных сил и природных богатств страны, … в частности, вопросов поднятия урожайности, внедрения новых культур, выявления новых предметов экспорта и пр.»[192] А в 1937 г. постановлением СНК РСФСР «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах» существование каких бы то ни было краеведческих организаций было признано «нецелесообразным» и все они были расформированы[193].

В сложных условиях наступления на общественные профессиональные и краеведческие объединения и практически полной ликвидации службы охраны архитектурных памятников, а также негативного отношения общества, единственными, кто осмеливался поднимать голос в их защиту, оставались одиночки – профессиональные архитекторы и реставраторы, деятели культуры. В 1933 году Л. М. Каганович заявил: «в архитектуре у нас продолжается ожесточенная классовая борьба... Характерно, что не обходится дело ни с одной завалящей церквушкой, чтобы не был написан протест по этому поводу. Ясно, что эти протесты вызваны не заботой об охране памятников старины, а политическими мотивами — в попытках упрекнуть советскую власть в вандализме»[194]. Это высказывание Кагановича подтверждает, что борьба за памятники архитектуры продолжалась и что это требовало гражданского мужества, потому что сталинские лидеры фактически приравнивали ее к

---

[191] http://www.archnadzor.ru/2012/04/24/russkie-drevniki-2/

[192] «О мероприятиях по развитию краеведческого дела». Постановление СНК РСФСР от 30.03.1931. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=23665;fld=134;dst=4294967295;rnd=0.7035990168806165 (дата обращения: 27.05.2013).

[193] Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=25061 (дата обращения: 27.05.2013).

[194] К истории сноса Сухаревой башни // Известия ЦК КПСС. – № 9 (Сентябрь 1989). – С. 111-112. Л. М. Каганович в 1930-1934 гг. был первым секретарем МГК ВКП(б), в 1935-1937 гг. – наркомом путей сообщения СССР, в середине 1930-х гг. персонально курировал реконструкцию Москвы и строительство первых линий метрополитена.

классовой борьбе. В архивах сохранились некоторые из обращений в защиту памятников архитектуры, но о многих случаях известно лишь по воспоминаниям очевидцев событий. Приведем несколько примеров.

В 1929 г. директор Государственной библиотеки им. В. И. Ленина В. И. Невский выступил против сноса Чудова монастыря в Кремле. Он написал Сталину, что уничтожение монастыря трагично для Москвы и России, и даст возможность обвинить большевиков в уничтожении всего русского[195]. В 1930 г. А. В. Щусев, И. Э. Грабарь, Н. П. Сычев, П. Д. Барановский и другие деятели культуры протестовали против решения о сносе только что отреставрированного П. Д. Барановским Казанского собора и Иверских ворот, убеждая власти в исторической и эстетической значительности этих памятников, на что Каганович ответил известной фразой: «А моя эстетика требует, чтобы колонны демонстрантов шести районов Москвы одновременно вливались на Красную площадь»[196]. 31 августа 1934 г. Каганович вернулся к Иверским воротам в речи на заседании редколлегии книги по истории метрополитена: «Вот мы сломали Китайгородскую стену около ЦК, разве плохо вышло (с места – очень хорошо), сломали Иверскую часовню – тоже вышло неплохо, а ведь была создана целая платформа по поводу этой Иверской часовни. Здесь мы сталкиваемся с двумя течениями: с одной стороны приветствуют, что мы строим метро и с другой стороны – идут против того, что мы ломаем те постройки, которые нам мешают»[197]. Чтобы избежать столкновений с защитниками памятников, Сталин предложил Н. С. Хрущеву, заменившему Кагановича на посту первого секретаря МГК ВКП(б) в 1934 г., взрывать здания ночью[198].

В августе 1930 г. группа из 11 деятелей искусства написала заявление во ВЦИК с просьбой не сносить церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи в

---

[195] Цит. по: Козлов В. Трагедия монастырей: год 1929-й. // Московский журнал. - 1991, январь. – № 1. С. 40; Московская правда. - 28.01.1990. – С. 3.

[196] Цит. по: Головкина В. Хороший человек эпохи диктатуры. Жизнь и наследие Петра Барановского. Режим доступа: http://strana.ru/journal/21023726 (дата обращения: 27.05.2013). Казанский собор был снесен в 1936 г., Иверские ворота – в 1931.

[197] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 205. Л. 99.

[198] Аджубей А.И. Те десять лет: [Воспоминания о Н.С. Хрущеве] - М.: Сов. Россия, 1989. – С. 131.

Кречетниках. Она мотивировала свою просьбу тем, что это лучшее произведение архитектора В. С. Обухова и чрезвычайно редкий пример строительства храма в Москве 1720-х-1740-х гг., когда все усилия были направлены на строительство Петербурга[199]. Просьба осталась без удовлетворения. Церковь была разобрана в 1930 г., а новое строительство на ее месте началось только в 1937 г.

В августе 1933 г., узнав о предполагаемом сносе Сухаревой башни, И. Э. Грабарь, И. В. Жолтовский и А. В. Щусев просили Сталина отказаться от этого проекта. Они сопроводили свое письмо рисунками Сухаревской площади, которые доказывали, что уличное движение может быть организовано вокруг башни. Сталин обвинил архитекторов в отсталости и узости взглядов. Когда в апреле 1934 г. трест Мосразбор приступил к демонтажу Сухаревой башни, та же группа вновь написала Сталину, на этот раз с просьбой передвинуть башню[200]. Как известно, разборка башни закончилась в июне 1934 г.

В конце 1934 г. секретарь Союза советских архитекторов К. С. Алабян доложил в Политбюро ЦК ВКП(б), что на Всесоюзном совещании архитекторов 26 декабря 1934 года А. В. Щусев выступил с резкой критикой генерального плана реконструкции Москвы, отмечая, что план предполагает разрушение большого количества древних архитектурных памятников[201]. Это не осталось незамеченным. Щусев вынужден был написать в адрес плана хвалебную статью[202]. Однако вскоре он вновь продолжил протесты. В 1936 г. под руководством А. В. Щусева был разработан проект реконструкции ул. Горького с сохранением памятника архитектуры – Триумфальной арки арх. О. И. Бове (1829-1834 гг.). По этому вопросу архитектор обращался в Моссовет. Однако, проигнорировав мнение академика, Моссовет принял решение о разборке памятника. Щусев написал негодующее письмо Сталину, в котором назвал этот

---

[199] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 66. Д. 441. Л. 97-98. Письмо подписали В. Дегтерев, И. Гаврилов, Г. Арсеньев, Никитин, Потоцкий. Остальные подписи неразборчивы.
[200] К истории сноса Сухаревой башни. С. 109-116.
[201] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 185. Л. 7-11.
[202] Щусев А. В. Основные черты генерального плана реконструкции Москвы. // Плановое хозяйство. Ежемесячный политико-экономический журнал Госплана и ЦУНХУ СССР. – 1935. – № 10. – С. 149-157.

снос «крупнейшим и бесполезным, варварским поступком». В знак протеста архитектор потребовал исключить его из членов Междуведомственного комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК[203].

В конце 1930-х гг., после того как спала основная волна репрессий, и идеологическая линия партии изменила направление в сторону историзма, архитектурная и научная общественность начала говорить о том, что назрела срочная и настоятельная необходимость реставрации государственных органов охраны памятников архитектуры. Большую роль в формировании принципов организации государственного органа сыграло Московское отделение Союза советских архитекторов (МО ССА). В конце марта 1940 г. в МО ССА состоялось совещание по вопросам изучения памятников русской архитектуры. На нем резко высказался ленинградский реставратор С. Н. Давыдов: «Не следует успокаивать себя, что с охраной памятников обстоит благополучно, что законы, выпущенные несколько лет назад, хороши и отменять их не стоит. Это не так… Законы по охране памятников должны быть пересмотрены, потому что настоящее положение с памятниками дальше нетерпимо. Если одна позиция была терпима в 20-х годах, то в 40-х годах это совершенно нетерпимо. Отдел охраны памятников организован не для того, чтобы фиксировать разрушения, а чтобы их предотвращать… Вопрос об охране памятников должен быть поставлен очень остро»[204]. И. С. Степанов, начальник отдела охраны памятников Управления по делам искусств при СНК РСФСР, назвал два краеугольных камня охраны и сохранения памятников архитектуры: финансирование и использование: «Что значит охранять памятники? Это значит иметь основные средства. Если мы этих средств для поддержания сохранности памятников не будем иметь, то и время работает, и вследствие неправильного использования памятники разрушаются… На использование памятников заключаются договора, но что значит договорное использование? Любая организация, отводя памятник под овощехранилище,

[203] ЦАГМ, ЦХД ОПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 16. Л. 73. См. также Переслегин Н. В. Развитие градостроительного аспекта в концепции охраны памятников архитектуры Москвы в советский период (1917-1991) // Архитектура и строительство России. 2014. № 4. С7 2-13.
[204] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 56. Л. 24-25.

разрушает его… Средства, полученные за арендную плату, уходят на сторону, музеи расходуют эти суммы на свои нужды»[205].

Другие участники совещания: академик архитектуры И. В. Рыльский, архитекторы и музейные работники Червяков, Корнфельд, Максимов, Мищенко и др., - высказывались о необходимости создания всесоюзного органа охраны памятников архитектуры, обсуждали вопросы совершенствования методики, такие как разработку новых форм паспортов, ведение дневников обследований, проведение детальных обмеров и научной фиксации архитектурных сооружений[206]. Степанов, например, предлагал включить в паспорта вопрос о современном использовании памятника. П. Д. Барановский, который также присутствовал на совещании, акцентировал важность координированных действий всех сил: центрального комитета охраны, Академии архитектуры СССР, ССА и музеев, а также подчеркивал необходимость объединения усилий государственных органов и общественных организаций.

Подвижническая деятельность П. Д. Барановского на ниве спасения и реставрации архитектурных памятников многократно и в деталях описана в литературе, поэтому соискатель позволил себе не повторять этих описаний[207]. Менее известен вклад П. Д. Барановского в воссоздание органов охраны памятников в конце 1930-х гг., хотя он, понимая важность вопроса, уделял ему пристальное внимание. В августе 1940 г. Барановский написал президенту Академии Архитектуры СССР В. А. Веснину письмо, в котором содержалась программа реанимации гсударственной службы охраны памятников архитектуры. Он говорил о необходимости единой системы органов охраны, сочетающей «крепкую» административную охрану памятников, как то учет, регистрация, наблюдение, контроль за использованием, и научную базу для проведения работ

---

[205] Там же. Л. 13-16.

[206] См. подробнее РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 55, 56.

[207] Бычков Ю. А. Житие Петра Барановского. – Москва: Сов. Россия, 1991.- 173 с.; Пётр Барановский: Труды, воспоминания современников / Составители: Бычков Ю. А., Барановская О. П. [и др.]; Фонд П. Д. Барановского, МГО ВООПИиК, Управление капитального ремонта и строительства Департамента инженерного обеспечения Правительства г. Москвы. – Москва: Отчий дом, 1996. – 280 с.; Можаев А. Красная площадь Петра Барановского. – Верноподданные России. – Москва: Традиция, 2010. – 312 с.; и др.

по выявлению, изучению и реставрации[208]. В. А. Веснин изложил взгляд Барановского в докладной записке, отправленной им заместителю председателя СНК СССР А. Я. Вышинскому. Веснин, повторяя мнение Степанова, также подчеркнул «катастрофическое положение с охраной памятников», которое он объяснял бездеятельностью Комитета по делам искусств при СНК РСФСР и отсутствием в СССР авторитетного органа, осуществляющего «твердую линию» в деле охраны и реставрации памятников и отсутствием должного законодательства[209].

С подобными же соображениями выступил на 7-м пленуме правления Союза советских архитекторов в июле 1940 г. и Г. Т. Крутиков, старший научный сотрудник Комиссии по охране и реставрации памятников архитектуры Академии Архитектуры СССР. По мнению соискателя, фигура Г. Т. Крутикова недооценена в советской историографии. В трудное послевоенное время он сделал чрезвычайно много для выявления и сохранения архитектурного наследия Москвы будучи на посту начальника инспекции охраны памятников. Однако деятельность его на этом поприще началась значительно раньше. Примечательно, что Г. Т. Крутиков начинал как смелый архитектор-авангардист, сподвижник Н. А. Ладовского. Его знаменитый проект «летающего города» стал классикой советского авангарда[210]. Тем не менее, в 1930-х гг., отчасти в силу политических обстоятельств, Крутиков обратился к изучению древней архитектуры и вскоре стал защитником архитектурных памятников.

На 7-м пленуме правления ССА Крутиков предложил всеобъемлющую программу реставрации системы охраны памятников архитектуры, наряду с другими деятелями требуя совершенствования законодательства и создания центрального органа охраны памятников архитектуры с научно-реставрационным центром. Но в его программе были и положения, новаторские для предвоенного периода. Так, в его выступлении говорилось:

---

[208] РГАЭ. Ф. 377. Оп 1. Д. 24. Л. 9-11.
[209] Там же. Л. 12-14.
[210] См. Хан-Магомедов С. О. Указ. соч. С. 85-96.

«…Одной из первоочередных задач … должна быть разработка методов включения каждого конкретно охраняемого архитектурно-исторического памятника в новые городские ансамбли Большой Москвы…

Признать необходимым для архитекторов-планировщиков Москвы прохождение специального минимума по ознакомлению с ценностью архитектурно-исторических памятников Москвы. Московскому Совету следует установить ежегодные премии за лучшие архитектурно-планировочные решения по сохранению архитектурно-исторических памятников»[211].

Таким образом, Крутиков одним из первых поднял вопрос о градостроительном аспекте охраны памятников архитектуры. Кроме того, в 1940 г. он разглядел проблему, которая в послевоенные годы стала причиной утрат многих архитектурных произведений, а именно, небрежное отношение самих архитекторов к наследию, и предлагал меры по ее преодолению.

Несмотря на то, что необходимость реформирования системы охраны памятников архитектуры и совершенствования законодательства была очевидна, до Великой Отечественной войны в этой сфере ничего не было сделано. Реформирование началось лишь в 1943 г., что будет изложено в следующей главе.

II.4. **Выводы**

1. Установлено, что после 1928 г. были упразднены как общесоюзная, так и московская службы охраны памятников архитектуры. Борьба за сохранение архитектурного наследия в условиях сталинских репрессий была опасной для защитников наследия и носила ограниченный характер. Все общественные организации были закрыты. Только крупные деятели культуры осмеливались протестовать против массовых сносов памятников архитектуры. Образовался разрыв в отношении к архитектурному наследию между московскими

[211] Архитектор Георгий Тихонович Крутиков. С. 15-16.

архитекторами-проектировщиками и архитектурно-историческим сообществом в их отношении к памятникам архитектуры.

2. Советская пропаганда в отношении культурного наследия 1930-х гг. прошла путь от их неприятия (1928-сер. 1930-х гг.) до возрождения интереса к историческому прошлому и его материальным памятникам (с 1938 г.)

3. Выявлено, что в Москве в 1930-е гг. сложилась традиция, согласно которой все вопросы разборки, передвижки, приспособлений, использования памятников архитектуры решались в Моссовете и МГК ВКП(б) без привлечения представителей охраны памятников. Были сокращены списки охраняемых памятников (до 125) и пересмотрены их категории и типы; изменились критерии отбора и сохранения памятников: главным стал идеологический подход вместо формально-эстетического и хронологического.

Глава III. **Возрождение органов государственной охраны памятников архитектуры и общественное движение (1942-1965)**

Как уже было отмечено в предыдущей главе, накануне Великой Отечественной войны в идеологии правящей партии наметился сдвиг в сторону историзма. На практике это означало возрождение интереса к историческому прошлому России, в особенности к героическим моментам и личностям, которые ассоциировались с защитой от внешнего врага или значительными военными победами, как то Александр Невский, К. Минин и Д. Пожарский, М. И. Кутузов и др. Это естественным образом привело к изменению во взглядах на материальное воплощение великого исторического прошлого, каковым являлись архитектурные памятники. Чувство историзма еще более усилилось с началом войны. Потери материального наследия, как и человеческие жертвы, режим использовал в целях возуждения ненависти к захватчикам и объединения усилий общества на борьбу с внешним врагом.

В 1940-е и 1950-е гг. уже не обсуждался публично вопрос о том, необходимо или нет сохранять исторические памятники в социалистическом государстве. Усилия коммунистической пропаганды были направлены на их охрану. Как отметил П. П. Ревякин в 1965 г., «после многолетнего нигилизма по отношению архитектурному наследию, наконец, и на эту улицу пришел праздник. Теперь мы можем оставить в стороне споры о том, сохранять или ломать памятники архитектуры. Теперь нам следует сосредоточиться на основных принципах их сохранения»[212]. Однако остается вопрос, насколько искренними были эти изменения политики государства и насколько продуктивными оказались их результаты. Процесс воссоздания органов охраны памятников в 1940-е гг., их функционирование и факторы, влиявшие на состояние охраны памятников Москвы в первые послевоенные десятилетия, детально рассматриваются в настоящей главе.

[212] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4 Д. 25. Л.76.

III.1. Воссоздание системы охраны памятников архитектуры в СССР и развитие законодательства. 1943-1950-е гг.

В апреле 1942 года при Комитете по делам искусств СНК СССР была создана Комиссия по учету и охране памятников искусства для оценки разрушений и ущерба, нанесенных военными действиями. Комиссию возглавил И. Э. Грабарь, в состав вошли архитекторы Д. П. Сухов, Л. Е. Аркин, В. А. Веснин, К. С. Алабян. Согласно Положению о Комиссии по учету и охране, она являлась координирующим органом, которому областные отделы искусств обязаны были предоставлять все необходимые материалы[213]. Комиссия ведала учетом потерь произведений искусства, равно как и памятников архитектуры. На основе материалов комиссии составлялись акты ущерба. В дальнейшем эти документы использовались органами охраны памятников архитектуры.

В сентябре 1943 г. был создан Комитет по Делам Архитектуры при СНК СССР для руководства планированием и восстановлением городов, разрушенных во время Великой Отечественной войны В его составе в феврале 1944 г. было организовано Главное управление охраны памятников архитектуры (ГУОП), первым начальником которого был назначен М. И. Рзянин[214]. Постановление 1943 г. знаменательно тем, что им не только был воссоздан орган охраны памятников, уничтоженный в 1930-е гг., но и охрана архитектурных сооружений была отделена от охраны всех других видов культурного наследия. Строительство системы охраны памятников архитектуры продолжилось Постановлением СНК РСФСР от 21 декабря 1943 г. № 996, которым было создано Управление по делам архитектуры при Совнаркоме РСФСР, а также краевые и областные управления по делам архитектуры и управления по делам архитектуры городов Москвы и Ленинграда [215] . На них возлагалась

---

[213] Распоряжение Комитета по делам искусств при СНК СССР № 7427-р от 26.04.1942, Приказ Комитета по делам искусств при СНК СССР № 132 от 28.04.1942 // РГАЭ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 24. Л. 38-40.

[214] См. Приложение 10. Возрождение органов государственной охраны памятников архитектуры (1942-1965 гг.)

[215] «Об образовании Комитета по делам архитектуры при Совнаркоме СССР». Постановление

ответственность за охрану памятников архитектуры. Следует отметить, что постановление СНК РСФСР отражало неточности и несоответствия, свойственные советскому законодательству в целом. В нем указывалось, что Управлению по делам архитектуры при Совнаркоме РСФСР передается «отдел по охране памятников архитектуры из ведения Наркомпроса РСФСР», хотя фактически такого отдела не существовало в Наркомпросе. Как было сказано в предыдущей главе, в составе Министерства просвещения в 1933 г. был воссоздан отдел по делам музеев, который имел функцию охраны памятников, однако специального подразделения, занимавшегося исключительно охраной, перед войной не существовало. Более того, в то время функции охраны памятников архитектуры, искусства, истории и археологии были сосредоточены в одном органе. Таким образом, можно сказать, что в начале 1940-х гг. была заново построена система государственной охраны памятников архитектуры. По сравнению с тем вакуумом, который существовал в 1930-х гг., преобразования военного периода можно назвать значительным шагом вперед. Историко-архитектурное сообщество приветствовало создание ГУОП и органов охраны архитектурных памятников на местах. М. И. Рзянин, первый глава ГУОП, заявил, что отныне дело охраны памятников архитектуры будет строиться на новых принципах, а именно, будет зависеть не от решений центральных комиссий, а от местных отделов: «Вся ответственность за защиту архитектурных памятников лежит на местных органах и зависит от их хорошей работы»[216]. И. Э. Грабарь также с энтузиазмом воспринял формирование нового общесоюзного агентства и назвал его «новой» эрой в истории охраны памятников. Он, как и другие ревнители культурного наследия, надеялся, что в скором времени должен выйти

от 29 сентября 1943 г. N 1064 // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. – № 13. – 17.11.1943. – Москва: Управление делами Совета народных комиссаров Союза ССР. С. 234-235; «Об образовании Управления по Делам Архитектуры при Совнаркоме РСФСР». Постановление СНК РСФСР от 21.12.1943 N 996 // Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР. – № 3. – 15.04.1944. – Москва: Народный Комиссариат юстиции РСФСР. С. 46-48.

[216] РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 14. Л. 81-91.

новый закон, «беспощадный» к разрушителям памятников архитектуры[217]. Тем не менее, действительность вновь оказалась не столь идеальной, как ожидалось. Российский закон был издан только в 1947-м, а общесоюзный – в 1948 г. Постановление Совета Министров РСФСР от 22 мая 1947 г. № 389 «Об охране памятников архитектуры», безусловно несло положительные изменения по сравнению с предыдушим законодательством. Оно устанавливало, что произведения древне-русского зодчества: кремли, крепости, древние сооружения, монастыри, дворцы, архитектурные ансамбли усадеб, садово-парковые насаждения, отдельные культовые и гражданские постройки являются неприкосновенным историко-художественным достоянием. Закон запрещал использование для каких-либо целей, кроме музейных или по прямому назначению, зданий, имеющих монументальную фресковую или масляную живопись, выполненную крупнейшими мастерами. В числе других пунктов, закон запрещал местным исполкомам передачу зданий и сооружений памятников архитектуры в пользование другим ведомствам без разрешения Совета Министров РСФСР[218]. Таким образом, подчеркивалось изменение отношения государства к памятникам архитектуры: от права на их уничтожение, предусмотренного законами 1924 и 1933 гг. к обязанности сохранения в 1947 г. 14 октября 1948 г. вышло Постановление правительства СССР № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», которое углубило и конкретизировало разделение культурного наследия по подведомственности, обозначенное в 1943 г. при организации Комитета по делам архитектуры. В соответствии с постановлением 1948 г. памятники архитектуры находились в ведении последнего; памятники истории и археологии – в ведении Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СМ СССР; памятники монументальной живописи и скульптуры – в ведении Комитета по делам искусств при СМ СССР. Соискателю представляется, что такое разделение памятников по ведомственной принадлежности имело негативные последствия.

[217] Там же. Д. 16. Л. 110-112.
[218] Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР. № 8. 25.08.1947. С. 114-115.

Как показала последующая практика, оно породило излишний параллелизм и ведомственные споры, например, по поводу зданий, которые являлись одновременно памятниками и архитектуры, и истории. Уже в начале 1950-х гг. многие практики охраны памятников осознали это неудобство и стали говорить о необходимости возвращения охраны всех видов памятников в одно ведомство. Одним из многих был комментарий по этому поводу архитектора-реставратора Л. А. Петрова в 1951 г.: «Многе памятники являются одновременно памятниками и архитектуры, и искусства, и истории. Это затрудняет отнесение их к какому-либо одному ведомству и в свою очередь порождает безответственность»[219]. В 1950 году начальник Управления культурно-просветительных предприятий Москвы О. Кремнева предлагала объединение органов охраны памятников архитектуры, археологии, истории и искусссства в одно общее управление по делам государственной охраны памятников культуры при Мосгорисполкоме в целях улучшения и упрощения системы охраны памятников культуры Москв[220]. В 1952 году в план мероприятий по улучшению охраны памятников культуры был включен пункт о ходатайстве перед Советом Министров РСФСР об организации единого Управления охраны памятников культуры Москвы, что, однако не было осуществлено вплоть до 1990-х гг.[221] Более того, в начале 1950-х гг. система охраны памятников архитектуры вновь начала «рассыпаться». После упразднения Комитета по делам архитектуры СССР в 1949 г. служба лишилась своего головного органа, а с ликвидацией аналогичного комитета при Совмине РСФСР в 1955 г. – и республиканского[222]. Законодательство 1940-х гг. закрепило существовавшую с двадцатых годов практику, по которой собственно ответственность за сохранение зданий-памятников архитектуры возлагалась на местные органы власти – советы депутатов. Таким образом, ликвидация центральных органов охраны в 1950-х гг. означала отсутствие контроля за состоянием дела на местах, и в первую очередь, в Москве. На проблемы,

[219] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 209. Л. 21.
[220] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 80. Д. 10. Л. 1-4.
[221] Там же, ЦХД после 1917 г. Ф. 429. Оп. 4. Д. 68. Л. 63.
[222] См. Приложение 10.

порожденные этими серьезными пробелами в структуре органов охраны памятников и законодательстве неоднократно указывали многие специалисты. Так, по словам Л. А. Давида, памятники общесоюзного и даже всемирного значения «сведены на положение совхозов», являются «собственностью местных организаций, местных руководителей», в связи с чем необходимо восстановление центральных органов[223].

III.2. Состояние службы охраны памятников архитектуры в Москве в 1940-х- 1950-х гг.

В развитие Постановлений СНК РСФСР и СССР 1943 г. Исполком Моссовета решением №3/3 от 1 февраля 1944 г. утвердил создание Управления по делам архитектуры на основе Архитектурно-планировочного управления столицы, с отделом по охране памятников. По положению об Управлении по делам архитектуры, согласованному с Комитетом по делам Архитектуры РСФСР и утвержденному решением Исполкома Моссовета № 11/7 от 12 мая 1944, в обязанности отдела входили: «руководство охраной памятников архитектуры в Москве и на резервных территориях города; учет и реставрация памятников архитектуры и связанных с ними памятников монументальной скульптуры, живописи и декоративного искусства в Москве, на резервной территории города и в лесопарковом поясе; разработка мероприятий по охране памятников архитектуры; контроль за эксплуатацией отдельных памятников архитектуры, осуществляемой арендаторами на основе заключенных с ними арендных договоров; разработка и представление на утверждение планов и проектов реставрации отдельных памятников архитектуры; руководство и наблюдение за осуществлением принятых проектов»[224]. Задачи охраны и поддержания зданий музеев и памятников истории, исторического некрополя, археологии и

[223] Стенограмма совещания в МОСА, 1958 г. // РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 384. Л. 55.
[224] ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 534. Оп. 1. Д. 36. Л. 1; Историческая справка архивного фонда государственного учреждения – Комитет по культурному наследию города Москвы. С. 1. // Архив Мосгорнаследия.

монументальной скульптуры остались в ведении Управления по делам искусств при исполкоме Моссовета, преобразованного позднее в Главное управление культуры Мосгорисполкома.

Главными сложностями в деле охраны архитектурных памятников были малый штат, отсутствие финансирования, отсутствие взаимопонимания с администрацией Москвы – Моссоветом и сложные отношения с пользователями зданий. На балансе Инспекции по охране памятников Москвы к 1965 г. было всего 30 зданий, остальные принадлежали Моссовету и различным организациям[225]. Еще одной проблемой на протяжении нескольких послевоенных десятилетий оставалось отсутствие полноценной реставрационной мастерской. Первым начальником отдела охраны памятников архитектуры Москвы был назначен Георгий Тихонович Крутиков. В соответствии со штатным расписанием на 1944 г. отдел охраны памятников архитектуры Москвы состоял из четырех человек: начальника отдела, старшего инспектора по охране памятников, старшего инженера и каталагизатора-архивариуса, то есть московский отдел был таким же, как в областных городах. В 1946 году штат несколько вырос. К нему добавились еще один инспектор, экономист и бухгалтер[226]. По справке для МГК ВКП(б) в ноябре 1950 г. отдел состоял из трех человек[227]. Ситуация не изменилась и в 1950-е гг. Так, в 1954 г. на всю Москву все еще приходилось всего три инспектора, а по данным 1958 г. их было шесть , но в составе двух инспекций: памятников архитектуры АПУ и памятников истории Управления культуры[228]. В июле 1951 г. в связи с реорганизацией АПУ Москвы отдел был переименован в Инспекцию по государственной охране памятников архитектуры.[229] Очевидно, с этим преобразованием связано смещение Г. Т. Крутикова с места руководителя. Формальным поводом стала его беспартийность. Начальником Инспекции в 1952 г. был назначен Б. И. Кузнецов, которого упрекали в недостатке опыта и «формально-бюрократическом»

[225] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп.4. Д. 26. Л. 109.
[226] РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 39. Л. 29.
[227] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 80. Д. 10. Л. 11.
[228] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 383. Л. 9, 17.
[229] Историческая справка. С. 2 // Архив Мосгорнаследия.

отношении к делу[230]. Г. Т. Крутиков оставался в должности его заместителя до своей смерти в 1958 г.[231]

В мае и октябре 1945 г. ГУОП Комитета по делам архитектуры СССР провело обследования работы отдела охраны памятников Москвы. По заключению инспекторов ГУОП М. П. Цапенко и Е. А. Назарова, несмотря на все усилия, состояние охраны памятников архитектуры в Москве было неудовлетворительным. В справках по результатам обследований признавалось, что дело с охраной памятников в Москве обстоит намного хуже, чем в других городах, как то Псков, Суздаль, Новгород, Владимир или Муром, в которых есть реставрационные мастерские, сети инспекторов и сторожевой охраны, правительство выделяет средства и материалы на ремонт. Инспекторы указывали, что список памятников Москвы включает около 800 объектов, и сотрудники отдела не могут справиться с таким большим объемом работы[232]. Как результат, они не в состоянии добиться улучшения состояния памятников, и занимаются «разрешением второстепенных вопросов текущего порядка».

После майской проверки работы московского отдела охраны памятников, в канун Дня Победы, 8 мая 1945 г. ГУОП провел совещание своего Ученого совета, в котором приняли участие академики И. Э. Грабарь, А. В. Щусев, И. В. Рыльский, член-корреспондент Академии Архитектуры СССР Д. П. Сухов, профессора С. А. Торопов, Н. Н. Воронин, И. П. Машков, И. Е. Бондаренко, начальник ГУОП СССР М. И. Рзянин. Члены Ученого совета отметили, что в преддверии 800-летнего юбилея Москвы ее архитектурные достопримечательности находятся в недопустимо плачевном состоянии. В резолюции совещания говорилось: «… Несмотря на огромное внимание Партии и правительства к вопросам охраны памятников в общенациональный год культурных сокровищ народов СССР – в деле охраны и поддержки памятников

[230] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 63. Л. 152.
[231] Архитектор Георгий Тихонович Крутиков. С. 22.
[232] Неясно, почему эта цифра названа в отчете инспекторов, т. к. официальный список московских памятников архитектуры на этот период включал 435 объектов. Можно предположить, что имелась в виду приблизительная цифра всех памятников, в том числе и не зарегистрированных официально.

архитектуры г. Москвы существенной перемены не произошло. Ряд ценнейших памятников города по-прежнему лишены элементарной поддержки и ухода, не ремонтируются в течение десятков лет, и вследствие этого катастрофически разрушаются (Высокопетровский монастырь, Ново-Спасский монастырь, Андроньев монастырь, Палаты Троекурова и др.). Значительная часть церковных памятников архитектуры в течение многих лет лишены кровли. Эти памятники видимы со многих мест и своим полуразрушенным видом уродуют площади и улицы Москвы. В таком состоянии памятники находятся даже в самом центре города … (церкви Воскресения в Кадашах, Знамения около Университета, Богоявления на ул. 25 Октября, Климента на Пятницкой, Скорбященская на Ордынке). До сего времени не разрешены основные мероприятия, без которых невозможен решительный сдвиг в деле охраны и реставрации памятников архитектуры Москвы. Не разрешен вопрос о принадлежности и хозяйственном использовании памятников, не осуществляется никаких мер по созданию кадров мастеров-реставраторов, исполнителей, не создана производственная база для реставрационных работ, и вообще у Управления по делам архитектуры г. Москвы нет никакого твердого плана работ по охране и поддержанию памятников архитектуры на 1945 год. Вследствие этого сезон ремонта памятников в 1945 году находится под угрозой срыва. Отсутствие должного внимания со стороны органов Управления по делам архитектуры Москвы и Московского Совета привело к тому, что сделана лишь незначительная часть того, что можно было сделать за 1945 год»[233]. ГУОП счел проблему настолько серьезной, что принял решение в срочном порядке разработать и согласовать в министерствах и ведомствах проект постановления Совета Министров СССР «О мероприятиях по сохранению и реставрации памятников архитектуры г. Москвы», подобного тем, что были приняты по Новгороду и Владимиру, чтобы обеспечить «решительный перелом» в деле сохранения памятников архитектуры столицы[234]. До издания

[233] РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 39. Л. 498-498 об.

[234] «О мероприятиях по восстановлению города Новгорода». Постановление СНК СССР от 01.09.1944 № 1193 // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 106с. Д. 117, лл. 363-376; «О мероприятиях по восстановлению Новгородского Кремля». Постановление СНК СССР от 13.12.1944 № 1661.

союзного постановления ГУОП предложил отделу охраны памятников Москвы разработать и утвердить в Моссовете план мероприятий на 1946 год по сохранению памятников архитектуры и подготовке к проведению 800-летия Москвы[235].

Проект общесоюзного постановления, на который руководство ГУОП возлагало большие надежды, был разработан в ГУОП совместно с московским отделом охраны памятников архитектуры и внесен на утверждение в Правительство в июле 1945 г. В нем предлагались обширные конкретные меры, а именно: укрепление и увеличение штата московского отдела охраны памятников архитектуры; организация в системе управления архитектурным делом Мосгорисполкома специального сектора эксплуатации памятников архитектуры с установлением должностей инспекторов при районных архитекторах Москвы, а также должности сторожей-хранителей памятников; создание проектно-реставрационной мастерской с обеспечением ее помещением и оборудованием; организация подготовки кадров рабочих-реставраторов. Все эти предложения были необходимыми, естественными, но неоригинальными мерами. Новаторской и способной действительно кардинально изменить состояние охраны памятников, была идея отобрать у наркоматов, ведомств, учреждений и организаций все охраняемые памятники архитектуры, находящиеся в их владении и пользовании, и передать их в течение трех месяцев в ведение Управления по делам архитектуры при Мосгорисполкоме. Не менее важным было требование обеспечить неприкосновенность памятников архитектуры при проведении работ по планировке, застройке и благоустройству города, а также пункт о предоставлении органу охраны права наложения штрафа в сумме до 25000 руб. за нарушение положений постановления. Кроме этого, в проекте содержались следующие требования: освободить от жильцов и организаций Новодевичий монастырь, комплекс Измайловского дворца, Донской и Симонов монастыри;

Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4524.htm (дата обращения 11.11.2013); «О мероприятиях по сохранению и реставрации памятников архитектуры во Владимирской области». Постановление СНК СССР от 08.04.1945 № 715. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4534.htm (дата обращения 11.11.2013).

[235] РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 39. Л. 146-147.

обязать Мосгорисполком и целый ряд организаций и наркоматов провести реставрацию памятников архитектуры по приложенному списку; обеспечить покрытие всех церквей независимо от принадлежности куполами и крышами. Важным было нововведение, предложенное в проекте, превратить в архитектурные заповедники ценные исторические ансамбли Москвы, а именно, Кремль, Новоспасский монастырь и Крутицкое подворье, Спасо-Андронников, Новодевичий, Донской и Высоко-Петровский монастыри, а также ряд усадеб: Коломенское, Измайлово, Останкино, Кусково, Кузьминки, Царицыно, Архангельское, Высокие Горы[236]. Весьма вероятно, что многие пункты проекта постановления могли вызвать неудовольствие ведомств, эксплуатирующих здания. После представления в правительство он был отправлен на отзыв в «заинтересованные инстанции», где задержался надолго. Начальник ГУОП СССР М. И. Рзянин и заместитель начальника Комитета по делам архитектуры СССР Б. Р. Рубаненко безуспешно жаловались на волокиту в вопросе охраны памятников архитектуры Москвы в правительственные органы [237] . Правительственное постановление о московских памятниках так никогда и не было принято. В 1946 г., равно как и в последующие годы, их состояние продолжало оставаться «катастрофическим»[238]. Постановление правительства СССР 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры» отметило выявленные в связи с подготовкой к 800-летию Москвы серьезные недостатки в деле охраны памятников. Только в 1949 году, во исполнение общесоюзного закона 1948 г., Московский Совет принял решение «О мерах по улучшению охраны памятников культуры Москвы», которое, однако, не привело к каким-либо изменениям в области охраны архитектурного наследия[239].

III.3. Направления деятельности службы охраны памятников архитектуры Москвы. Учет, использование, реставрация

[236] Там же. Л. 499-504.
[237] Там же. Л. 33.
[238] Там же. Л. 29.
[239] См. ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 429. Оп. 1. Д. 20.

Одним из важных направлений работы московского отдела охраны оставался учет. В военные и первый послевоенный годы был составлен уточненный список московских памятников архитектуры из 435 объектов, однако он не был официально утвержден горисполкомом. Фактически, Москва в период 1940-х-1950-х гг. не имела утвержденного списка памятников архитектуры. Список республиканского уровня вошел в постановление СМ РСФСР от 22 мая 1947 г. № 389, но он не включил Москву и Ленинград. В 1953 г. в издательстве АПУ г. Москвы вышел сборник «Историко-архитектурные памятники Москвы, состоящие под государственной охраной», составленный Г. Т. Крутиковым, который служил основным документом для работы московского отдела охраны[240]. К концу 1950-х гг. московский список, также не утвержденный, увеличился до 866 объектов. По словам архитектора-реставратора В. И. Федорова, и этот список был далеко не полным. Из-за малочисленности штата работа по фиксации, фотографированию, систематическим осмотрам и паспортизации зданий в первые послевоенные годы практически не проводилась[241]. Напротив, как указывалось в докладе В. Я. Либсона в мае 1954 г., с конца 1940-х гг. фиксация по заказам московской инспекции государственной охраны памятников стала почти единственным направлением работы возглавляемой им мастерской, так как на реставрацию средств почти не выделялось. По словам Либсона, его сотрудники проводили работы в основном по фиксации памятников архитектуры, подлежащих сносу по плану реконструкции города. На первом месте по объему и значимости были археологические обмеры и исследования стен и башен Китай-города на территории Зарядья; были обследованы палаты XVI в. по Крестовоздвиженскому переулку, д. 7, на месте которого возведена станция метро «Арбатская» (1952 г.); произведен обмер уцелевших от пожара 1941 г. частей усадьбы кн. Гагарина

[240] Крутиков, Г. Т. Историко-архитектурные памятники Москвы, состоящие под государственной охраной. [№ 1] [Текст] [Список с краткими пояснениями]. / Москва: Испол. ком. Моск. гор. Совета депутатов трудящихся. Архитектурно-планировочное упр. г. Москвы. Отд. науч.-техн. информации и изд-ва, 1953. – 56 с.
[241] РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 39. Л. 146.

(книжная палата) архитектора О. И. Бове (1954 г.) и других объектов[242]. По свидетельству архитектора-реставратора Е. Н. Морозкиной, сотрудники мастерской производили обмеры «кустарным способом», «помащивая себе чем и как могут», так как мастерская не была обеспечена рулетками, отвесами и проч. инструментами. Часто обмеры производились без соблюдения техники безопасности. В частности, работы на колокольне церкви Большое Вознесение на Гороховом поле (арх. М. Ф. Казаков) на высоте 45 м. проводились без лесов, как и на «Даче Орлова», в результате чего один из техников упал с крыши. Ценные фиксационные чертежи «затирались» или терялись по причине отсутствия архива[243]. По наблюдениям реставраторов, многие сохранившиеся памятники к концу 1950-х гг. все еще оставались необследованными, «не имеют обмеров, инвентаризации, должного архитектурного и археологического описания. Это намного хуже чем в других странах, напр. Польше, Финляндии»[244].

Безусловно, самым серьезным камнем преткновения в деле охраны архитектурных памятников было их использование разнообразными организациями. Согласно законодательству 1948 г., пользование архитектурными памятниками допускалось только на условиях, устанавливаемых Комитетом по делам архитектуры СССР по оформлении так называемых охранно-арендных договоров или охранных обязательств. Также, «памятники, используемые не в соответствии с их характером и назначением и подвергающиеся вследствие этого угрозе разрушения или порче … подлежат немедленному изъятию от их пользователей с взысканием с них причиненного ущерба в размере стоимости восстановительных работ» по требованию того же Комитета или его местных

[242] РГАЛИ. Ф2466. Оп. 1. Д. 329. Л. 46-50. Дом кн. Н. С. Гагарина на Новинском б-ре в 1941 г. был поврежден бомбой при налете немецкой авиации, но не был полностью разрушен.
[243] Письмо парторга Мастерской реставрации памятников архитектуры Института «Моспроект» Е. Н. Морозкиной в МГК ВКП(б) 5.11.1953 // ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 63. Л. 150-151. Дача-«голубятня» гр. А. Г. Орлова-Чесменского – трехъярусная постройка к. XVIII в. во 2-м Верхнем Михайловском проезде, д. 2.
[244] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 384. Л. 46.

органов[245]. Не стоит говорить, что на практике эти пункты постановления 1948 г. никогда не выполнялись. Так, Комитет по делам архитектуры СССР, призванный законом следить за сохранностью архитектурного наследия, арендуя церковь Николы в Пыжах, «довел ее до неузнаваемости»[246]. Здания архитектурных памятников находились на балансе разнообразных организаций либо эксплуатировались ими по договорам аренды, без заключения предусмотренных законом охранных обязательств. В 1949 году было заключено всего 72 охранно-арендных договора и обязательства, и 22 находились в стадии рассмотрения[247]. К 1958 г. положение не изменилось. Сведений по Москве не сохранилось, однако общероссийские данные ясно иллюстрируют ситуацию. На всей территории РСФСР из 15000 учтенных памятников охранные договоры были оформлены только на 500, а остальные сдавались отделами нежилых строений исполкомов под складские помещения и производства или РЖУ – под жилье[248].

Многие руководители отказывались заключать договоры, и более того, даже не понимали их смысла. Характерный тому пример – переписка между охранными организациями и пользователем бывшей церкви Святой Екатерины на Б. Ордынке, д. 60/2. Начальник одного из управлений Министерства черной металлургии, занимающего помещение, отказался заключить договор с отделом охраны памятников, так как, по его мнению, «охранный договор является договором аренды. Главчермет не может арендовать здания, принадлежащие ему самому и числящиеся у него на балансе». Отказавшись заключить охранный договор, он с негодованием писал Г. Т. Крутикову, что требования договора «после длительного использования под жилые и конторские нужды … являются запоздалыми и нереальными»[249]. В том же 1948 г. Г. Т. Крутиков пытался запретить перестройки и использование под автобазу Интендантских складов.

---

[245] Положение об охране памятников культуры. Приложение к постановлению СМ СССР от 14.10.1948 № 3898. Чч. 14, 18 // Собрание действующего законодательства СССР. Раздел XXII. Законодательство о культуре. Москва, 1976. С. 128, 129.
[246] РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 56. Л. 226.
[247] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 1249. Оп. 1. Д. 7. Л. 112; РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 39. Л. 146-147.
[248] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 209. Л. 15.
[249] РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 56. Л. 129-129 об.

Начальник Тыла Вооруженных сил А. В. Хрулев ответил, что «в настоящее время вывести автобазу Генштаба из помещений бывших Интендантских складов по Зубовскому бульвару, д. 2 не представляется возможным. Указанные помещения взяты под наблюдение и обеспечиваются необходимым ремонтом»[250].

Угрозы изъятия памятников из пользования никого не пугали. Судебные органы не принимали мер. Призывы общественных деятелей и специалистов-реставраторов о бережном отношении к культурному наследию оставались неуслышанными. Моссовет в нарушение своих постановлений и помимо мнения инспекции передавал здания под хозяйственные нужды, что заведомо приводило к их разрушению. Так, в конце 1940-х-начале 1950-х гг. отдел охраны памятников во главе с Г. Т. Крутиковым пытался остановить разрушение усадьбы Кузьминки (бывш. кн. Голицына), принадлежавшей Всесоюзному институту экспериментальной ветеринарии (ВИЭВ). Предполагалось, что ВИЭВ произведет реставрацию комплекса по проекту и под наблюдением ЦПРМ[251]. Планировались реставрация классического павильона и ограды церкви; восстановление флигеля и реконструкция его под здание ультрацентрифуги; восстановление архитектурного ансамбля Конного двора и его приспособление под ветеринарную клинику. Министерство сельского хозяйства отказалось оплачивать услуги ЦПРМ по причине «завышенных расценок». В результате ВИЭВ начал производить работы без согласования с отделом охраны, а именно, приступил к разборке музыкального павильона, что в конечном итоге привело к гибели памятника. Усилия инспекторов, выезжавших на место чтобы воспрепятствовать разрушениям, не привели к успеху[252]. В 1953 г. Е. Н. Морозкина так описывала состояние Кузьминок: «Ансамбль … обладает прекрасным парком, который тянется на несколько километров, большим прудом. Он мог бы быть использован как превосходный … парк культуры и отдыха для москвичей. Но территория «Кузьминок» запущена. Прекрасные

[250] Там же. Л. 19, 20-23, 39.
[251] ЦПРМ (Центральная проектно-реставрационная мастерская) первоначально была создана при ГУОП в декабре 1947 г.
[252] РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 20. Л. 75-78.

решетки сброшены в воду, ржавеют и гибнут. Разрушаются павильоны. Так, бесследно исчезли «пропилеи» (колоннада), занимавшие центральное место в парке. Прогулки по парку становятся совершенно невозможными в силу того, что воздух отравлен сероводородом от ближайшего предприятия … [что] может привести к полному уничтожению зелени парка»[253]. Лишь в 1978 г. было принято решение Моссовета об организации парка культуры и отдыха в Кузьминках, исполнение которого также столкнулось с всевозможными сложностями. Прежде всего, ВИЭВ не торопился покинуть усадьбу и отреставрировать еще оставшиеся после его длительного пребывания строения. Помимо этого, необходимо было вывести с территории парка плодоовощную базу, отселить жильцов, вывести службы еще трех организаций, провести очистку прудов и благоустройство парка[254].

Не менее драматичная история связана с Высокопетровским монастырем в центре Москвы. По решению СМ РСФСР в 1947 г. он был передан в пользование Комитету по делам физкультуры РСФСР. Передача состоялась в нарушение законодательства, без участия охранительных органов. Уже в момент ее состояние памятника было плохим, а после этого ситуация лишь усугубилась. Как указывалось в акте осмотра территории монастыря за 1948 г., подписанном Г. Т. Крутиковым, П. Д. Барановским, начальником ГУОП Ш. Е. Ратия, здания монастыря использовались под производственные мастерские; текущий и капитальный ремонт не производились; кровли протекали; желоба и водостоки отсутствовали полностью; отмостка зданий разрушена; утрачены многие архитектурные детали; территория монастыря «завалена хламом» и «утопает в грязи». Более того, в 1948 г. часть зданий монастыря оказалась под угрозой сноса, так как они выступали за красную линию улицы Петровки. Г. Т. Крутиков разработал план обращения Высокопетровского монастыря в заповедник и внес предложение на Ученый совет ГУОП[255]. Это предложение не только не было

[253] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 63. Л. 138-139.
[254] Там же. Оп. 190. Д. 95. Л. 108.
[255] РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 56. Л. 81-81 об., 226.

осуществлено. В 1958 г. на территории монастыря была предположена постройка восьмиэтажного жилого дома[256].

Многолетнюю борьбу вели органы охраны памятников и общественные организации за сохранение комплекса зданий Крутицкого подворья, которое было занято жильем и разными организациями, в том числе Московским военным округом. Показателен акт обследования Успенского собора подворья, составленный инспектором московского отдела Антроповым и сотрудниками ГУОП Макаровым и Арофикиным 11 сентября 1948 г.: «Одним из жильцов, проживающим в северной части собора под крыльцом в первом этаже, произведены следующие самовольные переделки: а) У собора с северной стороны в угловом пролете галереи первого этажа … устроено жилье с устройством печи, труба которой выведена непосредственно к стене собора; б) Пристроен деревянный тамбур к стене крыльца у уцелевшей арки; в) В восточной стене крыльца в первом этаже растесано крыльцо и превращено в дверь». Инспекторы требовали выселения жильцов[257]. В 1956 г. Управление культуры Мосгорисполкома выступило с очередной инициативой о превращении целого ряда архитектурных и усадебных ансамблей Москвы в историко-культурные заповедники. В их число входили и Кузьминки, и Высокопетровский монастырь, и Крутицкое подворье[258]. Однако идея не получила развития. В 1960-е гг. вновь были сделаны попытки освобождения зданий Крутицкого подворья с целью его реставрации и передачи под культурные нужды, которые однако также не привели к серьезным результатам. Крутицкое подворье было передано ВООПИК в 1964 г., но это отнюдь не означало сохранности памятника[259]. В конце 1960-х гг. части Крутицкого холма и Крутицкого сада попали под расширение Крутицкой набережной и Пролетарского проспекта и строительство новых военных казарм. Вплотную к памятнику было запланировано строительство многоэтажного

[256] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 384. Л. 37.
[257] РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 56. Л. 201.
[258] ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 429. Оп. 4. Д. 68. Л. 64-67.
[259] ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, образованное в 1965-1966 гг.

жилого микрорайона.[260]. В 1978 г., согласно справке для МГК КПСС, «уникальный памятник архитектуры XV-XVII вв.» по-прежнему находился в «плохом состоянии»: реставрационные работы велись крайне медленно, «территория неблагоустроена и захламлена, ансамбль затеснен хозяйственными службами Московского военного округа и гауптвахтой»[261].

Еще один из многих примеров варварского использования памятника архитектуры привела в уже упомянутом письме Е. Н. Морозкина: в «Доме Верстовского» в Антипьевском переулке [ныне Колымажный пер., д. 4 – НП] долгое время размещалась детская библиотека, но затем памятник был сдан в эксплуатацию под жилье, вследствие чего доведен до страшного состояния: все интерьеры перегорожены, испорчены, уничтожены прекрасные плафоны зала (хорошо сохранившиеся до сдачи памятника РЖУ), интерьер парадной лестницы» [262] . Только список примеров зарегистрированных памятников архитектуры, находящихся в ненадлежащем использовании, и как следствие этого, в особо запущенном и аварийном состоянии, подготовленный для Моссовета, включал 50 объектов[263]. По справке МГК КПСС 1954 г. из 858 архитектурных памятников Москвы 34 находились в аварийном состоянии, 54 нуждались в срочном ремонте, а в 524 необходимо было провести ремонтно-реставрационные работы.[264] В. П. Тыдман, известный общественный защитник архитектурного наследия, в 1958 г. так отзывался о ситуации в столице: «Что-то есть порочное в отношении охраны памятников в Москве … Почему не сдать в аренду культурному учреждению – библиотеке, архиву? Нет, надо сдать обязательно какой-нибудь мастерской, самой дикой, которая будет разрушать памятник, не понимая совершенно его ценности. Разве это не хамство по отношению к культурным памятникам?» [265] Но и учреждения культуры в

[260] ГА РФ. Ф. 639. Оп. 1. Д. 32. Л. 48; Д. 265. Л. 83.
[261] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 190. Л. 95. Л. 110.
[262] Там же. Оп. 88. Д. 63. Л. 138.
[263] Список аварийных памятников 1954 г. см. Приложение 11.
[264] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 63. Л. 175.
[265] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 383. Л. 42.

большинстве случаев не стремились к сохранению зданий[266]. Упрек Тыдмана был адресован не столько инспекции государственной охраны памятников, сколько Моссовету и советскому правительству. Об этом прямо высказались участники совещания МО ССА в декабре 1951 г., которые обвинили Мосгорисполком в нарушении своего собственного постановления 1949 г.[267]

Как видно из приведенных выше примеров, московская служба принимала меры охраны памятников, как то обследования, выезды на место, составление актов и заключений, попытки приостановки незаконных перестроек и разборок зданий. Однако, как указывали охранители культурного наследия, в отсутствие центральных органов не в компетенции инспекторов было бороться с руководством Моссовета и АПУ Москвы. Как специалисты, так и общественность осознавали и неоднократно отмечали слабость службы охраны памятников столицы, как, например, на совещании в МОСА 1958 г.: «Слабость органов усугубляется их бесправием. Состояние памятников в большой мере объясняется нерадивым отношением их арендаторов, которые используют их на износ. После этого уже снимается вопрос об их использовании. А органы в настоящем их положении не в состоянии выполнять свои обязательства, не могут призвать к порядку». Напротив, П. П. Ревякин на том же совещании подчеркнул, что Инспекция «очень помогает» общественному движению документацией, справками, письмами[268].

Слабость инспекции объяснялась также ничтожно малым финансированием. Одной из важнейших функций органа охраны памятников было обеспечение реставрационных работ. Начиная с 1920-х гг. советское законодательство возложило обязанность поддержания памятников архитектуры на местные органы власти, однако как уже было отмечено выше, Моссовет не прикладывал усилий к ее выполнению. Как следует из документов, в первые послевоенные годы Моссовет совершенно не выделял ни средств, ни

[266] См. Приложение 11.
[267] Доклад Л. А. Петрова // РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 209. Л. 17.
[268] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 383. Л. 42; Д. 384. Л. 37. В 1955 г. Союз советских архитекторов был переименован в Союз архитекторов СССР, а Московское отделение стало сокращенно именоваться МОСА.

строительных материалов. Тем не менее, в 1946 г., благодаря финансированию Комитета по делам архитектуры при СМ СССР были проведены ремонтные и реставрационные работы нескольких московских памятников, а именно церквей Трифона в Напрудной, Антипия на Колымажном дворе, трапезной Спасо-Андроньевского монастыря, остатков башен и стен Симонова монастыря, строений Крутицкого подворья. На эти цели было отпущено 200000 руб.; планировалась реставрация Богоявленского монастыря [269] . Несмотря на сложности с выделением средств, Г. Т. Крутиков на регулярной основе подготавливал документы и списки строений, требующих ремонта. В 1949 году он составил программу реставрации на следующее десятилетие. В нее вошла реставрация Петровского путевого и Лефортовского дворцов, полное восстановление всех зданий Донского монастыря с благоустройством территории и восстановлением стен и башен, восстановление и реставрация стен и башен Китай-города; всех памятников архитектуры и парка усадьбы Кузьминки, храма Климента папы Римского (реставрация фасадов, кровли, глав, с восстановлением белокаменных и лепных деталей и металлических решеток, реставрация интерьеров) [270] . Кроме долгосрочной программы, отдел подавал заявки на ежегодные ремонты. Так, в 1949 г. Г. Т. Крутиков представил в ГУОП более 150 так называемых планов-требований на финансирование ремонтно-реставрационных работ на 1950 г., в том числе Богоявленского монастыря (400000 руб.); церкви Воскресения в Кадашах (100000 руб.); церкви Григория Неокессарийского (200000 руб.); комплекса Высокопетровского монастыря (500000 руб.); Петровского дворца (100000 руб.); усадьбы Кузьминки (800000 руб.) и других[271]. Некоторые из этих заявок были выполнены с течением времени. В 1958 г. Инспекция государственной охраны памятников насчитывала 65 объектов Москвы, по которым были проведены ремонтно-реставрационные работы, например, церкви Антипия и Анны в углу, Знамения на Шереметьевском дворе, Покрова в Филях, Николы в Пыжах, Рождества в Путинках, Филиппа

[269] См. РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 39.
[270] РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 27. Л. 86-109.
[271] Там же. Л. 30-35, 40.

Митрополита на 3-й Мещанской ул., палаты и колокольни Высокопетровского монастыря, часть сооружений Донского монастыря, Меньшикова башня, усадьба Высокие горы, бывший особняк Станицкой и Степанова на Кропоткинской ул., здание Первой градской больницы[272].

По расчетам Государственной инспекции по охране памятников истории и искусства Министерства культуры СССР, на один памятник архитектуры в Москве были необходимы затраты от 450000 до 546000 руб в год. Поступления от аренды одно памятника в конце 1950-х гг. в среднем составляли 12300 руб в год. Таким образом, по кулькуляции Министерства культуры, поступления от 300 памятников Москвы и 400 памятников Московской области могли принести 8610000 руб. ежегодных переходящих средств, на которые можно реставрировать 450 памятников в год[273]. Однако этот вывод оставался чисто теоретическим. Постановление об охране памятников культуры 1948 г. предусматривало создание фондов специальных средств на местах для проведения ремонтных работ, что означало, что арендная плата должна была аккумулироваться на специальном счете и использоваться исключительно на поддержание памятников архитектуры. Местные органы власти, включая и Моссовет, часто перенебрегали этим пунктом законодательства. В Москве в 1953 г. такого фонда вообще еще не существало. В 1955 г. по справке, составленной для СМ РСФСР, спецсредства в сумме 6000000 руб., образуемые от эксплуатации памятников архитектуры столицы, «используются не по назначению, не на поддержание в сохранности памятников архитектуры, а на мероприятия, не имеющие [к ним] отношения»[274]. По данным 1958 г. московские власти не собирали спецсредства в полном объеме. По Москве и Московской области сумма составляла около 1100000 руб., но заключение охранно-арендных договоров позволило бы довести ее до 1800000 руб.[275]

---

[272] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 383. Л. 6.
[273] Там же. Л. 22.
[274] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 6599. Л. 11.
[275] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 383. Л. 20.

Проблемой также было то, что в условиях всеобщего дефицита спецсредства не обеспечивались стройматериалами. Как правило реставрационные организации получали средства в третьем или четвертом квартале, т. е. в конце строительного сезона. В результате деньги оставались неосвоенными и подлежали возвращению в бюджет. Также частыми были случаи «изъятия» средств на другие нужды. Так, в августе 1956 Мосгорисполком своим решением № 810/12 отчислил 700000 руб. из 1200000 руб. спецфонда, то есть более половины[276].

Как разъясняла Е. Н. Морозкина, еще одна проблема заключалась в том, что реставрационные работы, если и проводились, то как правило, оплачивались за счет средств арендатора по графе капитального ремонта. До нее на это упущение обращал внимание Ш. Е. Ратия. По его словам, на 1951 г., например, реставрация московских памятников архитектуры не была предусмотрена в городском бюджете. Вместо этого АПУ заключило договоры с домоуправлениями, эксплуатирующими здания, на составление проектной документации за счет средств по капремонту[277]. Морозкина в 1953 г. указывала, что капитальный ремонт и научная реставрация – различные действия, и средств капремонта совершенно недостаточно для проведения качественной реставрации памятника. По убеждению Морозкиной, финансирование как проектных, так и реставрационных работ должно производиться из госбюджета. Госплан же выделял средства только на крупнейшие памятники, такие, как Московский или Новгородский кремли.

Усугубляло проблему то, в столице не было и строительных организаций, способных обеспечить качественную реставрацию [278] . Неоднократно упоминавшийся закон 1948 г. обязывал администрации областей и городов с высокой концентрацией архитектурных памятников создать реставрационные мастерские. Существовали они и в Москве: ЦПРМ при Комитете по делам архитектуры СССР, мастерская республиканского уровня при Управлении по

[276] Там же. Л. 21.
[277] Там же. Оп. 1. Д. 209. Л. 52.
[278] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 63. Л. 143-144.

делам архитектуры РСФСР и проектно-реставрационная мастерская в системе Моспроекта. Если две первые были лишь частично, в большей или меньшей степени, вовлечены в проектирование реставрационных работ в Москве, то последняя, возглавляемая В. Я. Либсоном, создавалась исключительно для этой цели. Как следует из отчетов руководства мастерских, все они были укомплектованы квалифицированными специалистами и энтузиастами своего дела. Несмотря на это работа их страдала «серьезными недостатками объективного характера», из которых следует отметить два важнейших. Во-первых, у мастерских не было производственной базы, поэтому они были ограничены проектированием и бумажной работой. Во-вторых, уже упомянутые выше проблемы финансирования в полной мере относились к работе реставраторов-проектировщиков. Подводя итоги работы мастерских в 1950-е гг., специалисты называли «ненормальным» такое положение, когда московская мастерская подчинена главному архитектору города, который диктует реставраторам свои решения; московская инспекция из-за отсутствия средств не в состоянии обеспечить мастерские заказами, и они вынуждены набирать сторонние работы для оплаты сотрудников; будучи оторванными от производства, архитекторы-проектировщики не имеют возможности обеспечить научную реставрацию, а сложные работы поручаются «случайным строительным организациям».[279]

III.4. «Дальнейшее улучшение дела охраны памятников…» Нормативные акты 1950-х гг.

Ш. Е. Ратия подсчитал, что с 1934 по 1949 гг. союзным правительством было принято более 20 специальных постановлений по решению частных и общих вопросов охраны и реставрации памятников архитектуры и более 15 постановлений – республиканским правительством[280]. Однако ни в этот период,

[279] См. о деятельности реставрационных мастерских: РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 329, 331.
[280] Там же. Д. 209. Л. 46.

ни позже, не было издано ни одного специального правительственного постановления, посвященного московским проблемам. Прошло десять лет после разработки предложенного ГУОП проекта постановления об охране московских памятников, которое было описано выше, и в 1955 г. руководство органов охраны памятников вновь обратилось в правительство с просьбой о принятии постановления по Москве, на этот раз на республиканском уровне. В объяснительной записке к проекту постановления 1955 г. начальник Управления по делам архитектуры при СМ РСФСР К. К. Лагутин назвал положение в Москве «чрезвычайным» и описал наиболее вопиющие случаи нарушения охранного законодательства в столице. Проект постановления 1955 г. был не таким радикальным, как десятью годами ранее, но не менее конкретным и логичным. В основном он сводился к требованию заставить исполком Моссовета выполнять уже существующее законодательство, а именно, разработать план мероприятий по выводу из памятников мастерских, складов, гаражей и обеспечить его проведение в жизнь; организовать научно-реставрационную производственную мастерскую; создать фонд спецсредств при Инспекции по охране памятников архитектуры и расходовать его исключительно на нужды, связанные с их сохранением и поддержанием; организовать должный контроль эксплуатации зданий организациями[281]. Однако эти предложения вновь не были утверждены правительством. В изданных вскоре после этого законах РСФСР: от 29 июня 1957 г. № 781 «Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР» и от 20 ноября 1958 г. № 1292 о ходе выполнения постановления № 781 памятники архитектуры по загадочной причине вообще не были упомянуты[282]. Оба постановления имели в виду только на памятники истории и археологии. В 1957 г. столичную инспекцию охраны памятников понизили в статусе. Она стала одним из подразделений Управления внешнего благоустройства, оформления и озеленения ГлавАПУ Москвы, то есть оказалась в самом низу архитектурно-бюрократической иерархии. Согласно Положению об Управлении, руководство и

[281] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 6599. Л. 10-13.
[282] См. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=20056 и http://www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/usr_5323.htm (дата обращения: 06.07.2013).

архитектурно-художественный контроль за осуществлением государственной охраны памятников архитектуры входили в его обязанности среди таких, как ликвидация отставания благоустройства и озеленения от темпов жилищного строительства, развитие системы зеленых насаждений, снижение стоимости строительства элементов внешнего благоустройства, широкое внедрение типовых проектов и др.[283] Это преобразование отнюдь не добавило авторитета органу государственной охраны памятников Москвы. Произведения архитектурного искусства не были приоритетом деятельности начальника Управления озеленения Н. М. Щепетильникова. В 1963 г. он отчитывался за работу инспекции: «В результате обследования и в результате работы Комиссии при Мосгорисполкоме по охране памятников архитектуры мы сочли возможным снять с охраны 9 памятников … В основном это памятники, которые с большим трудом можно было внести в охранные списки, а можно сказать, их совершенно неправильно было туда вносить … Эта работа, нам кажется, должна быть продолжена. Не обязательно ставить себе цель во что бы то ни стало побольше снять с охраны, но нужно, чтобы оставшиеся памятники не дискредитировали наши жемчужины архитектуры, которые есть в Москве»[284]. Необходимо отметить, что упомянутые Н. М. Щепетильниковым памятники относились в основном к XVIII и началу XIX вв.

Во исполнение упомянутых выше постановлений СМ РСФСР 1957 и 1958 гг., 27 февраля 1959 г. Исполком Моссовета принял пространное постановление «О состоянии и мерах по улучшению дела охраны и реставрации памятников культуры в гор. Москве». Несмотря на объем, постановление можно назвать обыкновенной отпиской. Оно содержало стандартные пункты о вскрытых недостатках и о необходимости «обязать», «призвать», «усилить», «установить систематический контроль» и «укрепить дело», но по существу не предусматривало никаких конкретных мер. Более того, постановление

[283] ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 534. Оп. 1. Д. 448. Л. 31-36.
[284] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4 д. 25. Л. 30. Список исключенных памятников согласно действующему законодательству был утвержден Распоряжением от 12.09.1963. N 3971-р СМ РСФСР. Перечень памятников архитектуры, исключенных из списка в . 1963 г. см. Приложение 12.

Исполкома Моссовета фактически закрепило практику, против которой выступали специалисты, а именно, о производстве всех «научно-исследовательских, проектно-сметных и реставрационных работ» по памятникам архитектуры Москвы силами Управления капитального ремонта жилых домов[285].

Недостаток внимания правительства к Москве до некоторой степени был восполнен объемным постановлением СМ РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР».[286] Как и все предыдущие постановления, оно содержало полезные меры, но не предусматривало никакого действенного механизма их исполнения, поэтому также осталось в основном на бумаге. Однако постановление заслуживает более подробного упоминания по той причине, что им были утверждены списки памятников культуры разных категорий. Согласно закону 1960 г. в Москве под государственной охраной состояло 396 памятников архитектуры – ансамблей и комплексов, или 1135 единичных объектов, причем все они имели статус не местного, а государственного значения. Отдельно был составлен «Список памятников архитектуры, подлежащих первоочередной подготовке к музейному показу». Осталось неясным, какими критериями руководствовались составители списка. По Москве в него вошли шесть объектов: Церковь Трифона в Напрудном (XV-XVI вв.), Собор Сретенского монастыря 1679 г. на ул. Дзержинского [ныне ул. Б. Лубянка, д. 19 - НП], Церковь Покрова в Филях (1693 г.), Спасо-Преображенский собор Новоспасского монастыря (1645 г., с фресками XVII в.), Церковь Зачатия Анны что в Углу (XVI в.) и квартира художника Врубеля в быв. доме Мамонтова (Садово-Спасская ул., д.6)[287]. Важно подчеркнуть, что в закон 1960 г. были впервые внесен пункты о проведении пропаганды и популяризации памятников и необходимости привлечения населения, широкой общественности и особенно молодежи к активному участию в охране и пропаганде памятников культуры. Эти разделы законодательства отражали социально-политические изменения в стране после окончания сталинской диктатуры.

---

[285] ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 429. Оп. 1. Д. 657. Л. 1-7.
[286] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 1352. Л. 55-60.
[287] Списки см. ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 1354.

Тем не менее, ситуация в области охраны архитектурного и культурного наследия осложнилась[288]. Определенную отрицательную роль в деле охраны памятников сыграло персональное отношение к искусству вообще и к восстановлению и сохранению памятников архитектуры в частности Н. С. Хрущева. Хорошо известно его высказывание по поводу восстановления средневековых замков в Литве, многие из которых, по его мнению, «не имеют серьезной исторической ценности»: «Разве это правильно, товарищи? Если мы пойдем по этому пути, куда же мы придем? Так могут поступать только растратчики народных средств … И в Подмосковье увлекаются реставрацией многих ненужных объектов старины…» [289] . Это мнение лидера страны проецировалось на всю систему охраны и воспринималось чиновниками как руководство к действию. Кульминацией его стало событие, вызвавшее возмущение всей культурной общественности. На Пленуме ЦК КПСС 18 июня 1963 г. Хрущев демонстративно разорвал петицию о создании общества охраны памятников, подписанную известными деятелями культуры[290]. По оценке члена МОСХ А. Т. Божко, «закономерной становится беспрецедентная сцена, подытоживающая пренебрежительную политику в отношении к памятникам и их защитникам: главный зодчий раздирает петицию делегатов…»[291].

III.5. Участие общественности в деле охраны памятников архитектуры.

Тенденция к историзму в идеологии правящего режима, начавшаяся в конце 1930-х гг., продолжалась и в послевоенный период. Исторические фильмы и романы, научные труды и публикации в прессе были призваны возбуждать у

---

[288] См. Приложение 13. Утраты исторического облика Москвы (1942-1965 гг.).
[289] Хрущев Н. С. Повышение благосостояния народа и задачи дальнейшего увеличения производства сельскозяйственных продуктов. Речь на Пленуме ЦК КПСС 17 января 1961 г. – Москва: Госполитиздат, 1961. – С. 106-107.
[290] 150 лет охране памятников в России: (материалы к истории создания и деятельности органов охраны объектов культурного наследия) / Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (Росохран-культура); [О. Л. Деревянко и др.]. – Москва : Фонд «Русские Витязи» , 2009. – С. 83.
[291] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 26. Л. 78 в.

советского народа чувство гордости достижениями предков. В связи с утратами военного времени и послевоенным восстановлением в газетах и журналах появился целый ряд статей о величии и значении русской архитектуры, вплоть до утверждения о превосходстве древнерусских мастеров перед итальянскими архитекторами и влиянии русского зодчества на итальянскую архитектуру[292]. В задачи данной работы не входит анализ справедливости этого тезиса. Тем не менее очевидно, что послевоенная пропаганда в сочетании с постановлениями партии и правительства в значительной мере изменила общественное мнение об архитектурном наследии, сформировавшееся в первые послереволюционные десятилетия, и вызвала у многих чувство персональной ответственности за сохранение памятников архитектуры.

Если до войны против сноса архитектурных памятников протестовали лишь известные деятели культуры, как то А. В. Щусев, И. Э. Грабарь, В. И. Мухина и др., в сороковые годы спасением архитектурных памятников уже занялись и более «широкие круги архитектурной общественности». Вскоре к ним присоединились писатели, журналисты, историки, ученые, а вслед за ними и те, кого принято называть «рядовыми гражданами»; начали создаваться разнообразные общественные группы в поддержку сохранения памятников. Результатом общественной активности в этой области стало образование ВООПИК в 1965-1966 гг. Рассмотрение деятельности ВООПИК не входит в задачи настоящего исследования, так как оно было всероссийским обществом. Однако не будет преувеличением сказать, что его возникновение стало результатом активности именно московских организаций и деятелей охраны памятников, поэтому соискателем рассматриваются усилия по его организации[293].

---

[292] См. напр. Удаленков А. А. О мировом значении русского национального зодчества // Архитектура и строительство. – 1948. – № 10. С. 5-7.; Бережно хранить золотой фонд нашего зодчества // Там же. 1948. № 12. С. 1-2 и др.

[293] См. об этом Переслегин Н. В. Роль московских общественных организаций в создании ВООПИК (1940-е – 1965 г.) // Научно-аналитический журнал «Дом Бурганова. Пространство культуры». 2014. – № 1. – С. 33-47.

Одним из первых послевоенных и самых активных общественных защитников архитектурного наследия можно считать В. П. Тыдмана. Имевший боевое революционное прошлое, инженер-строитель Тыдман, по воспоминанию архитектора Е. В. Трубецкой, всегда «не опасаясь ничего, резал правду»[294]. Действительно, начиная с 1940-х гг. Тыдман и единолично, и в коллективах, неоднократно писал гневные обращения в ЦК КПСС, в которых убежденно отстаивал сохранение памятников истории и архитектуры Москвы и прямо называл виновников их уничтожения. Он был постоянным участником общественных организаций и в 1966 г. был выбран в правление ВООПИК. Заявления В. П. Тыдмана были отлично аргументированы и не оставались без внимания. Так, последствием его обращения к главному идеологу ВКП(б) А. А. Жданову в августе 1948 г. стала переписка между ЦК ВКП(б) и Комитетом по делам архитектуры СССР. Председатель Комитета Г. А. Симонов был вынужден признать справедливость всех пунктов заявления Тыдмана о крайне неудовлетворительном состоянии охраны памятников в Москве[295]. В. П. Тыдман был постоянным участником заседаний и докладчиком Секции охраны и изучения памятников архитектуры МОСА и Комиссии охраны памятников МОСХ.

После смерти Сталина и прихода к власти нового руководства государством во главе с Н. С. Хрущевым общественная жизнь заметно активизировалась. Это коснулось и сферы охраны культурного наследия. Появились статьи в газетах и журналах. Индивидуальные заявители и группы писали жалобы о разрушениях архитектурных памятников, направляя их сразу в несколько инстанций, как правило, в одну из центральных газет и партийные органы – ЦК и МГК КПСС. Не все эти обращения были опубликованы, но, как и в случае с письмом В. П. Тыдмана, по ним проводились проверки и составлялись справки, которые сохранились в государственных архивах. Так, например, в апреле 1955 г. в редакцию Литературной газеты написал ученый секретарь

[294] Трубецкая Е. В. Красное и Белое // Архнадзор. – 11.04.2012. Режим доступа: http://www.archnadzor.ru/2012/04/11/krasnoe-i-beloe/ (дата обращения: 07.07.2013).
[295] РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 56. Л. 142-146, 190.

секции содействия охране памятников архитектуры при МОСА П. А. Тельтевский по поводу намеченного отделом планировки Моссовета сноса зданий бывшей типографии старого Московского Университета. В июне того же года бюро секции обратилось с заявлением о неудовлетворительном состоянии охраны памятников архитектуры к председателю Моссовета М. А. Яснову и Е. А. Фурцевой, бывшей в то время секретарем МГК КПСС. В июле 1955 г. 13 архитекторов, в числе которых были Б. Альтшуллер, О. Сахарова, З. Крылова, отправили заметку в газету «Советская культура» о плохом состоянии памятников садово-паркового искусства. Принятые по результатам общественных обсуждений резолюции отсылались в МГК КПСС и партийным лидерам, например, Н. С. Хрущеву[296].

Одной из наиболее известных газетных публикаций, которая вызвала бурный отклик общественности, стала статья Е. Я. Дороша «Берегите памятники старины» 1956 г. в «Литературной газете». Вслед за ней последовало коллективное письмо «В защиту памятников культуры» за подписью доктора исторических наук Н. Н. Воронина, академиков И. Э. Грабаря, М. Н. Тихомирова и ректора МГУ И. Г. Петровского, писателей Н. Тихонова, И. Эренбурга, Е. Дороша и Н. Тихонова, и др. Затем, в сентябре 1956 г., было опубликовано письмо ученых, академиков и докторов наук В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачева, И. П. Еремина и др.[297] Одним из организаторов объединения общественных сил был П. П. Ревякин, который, как и В. П. Тыдман, в 1966 г. вошел в состав правления ВООПИК. В 1960 г. была напечата его статья в газете «Литература и жизнь» с критикой Генерального плана Москвы[298]. В 1962 г. четыре автора, в их числе П. П. Ревякин и В. П. Тыдман, опубликовали в журнале «Москва» обширный обзор истории планирования Москвы в контексте охраны, или, скорее, разрушения архитектурного наследия столицы. Умело используя

[296] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 480. Л. 2-4, 5, 6 и др.; Оп. 2. Д. 409. Л. 1-2, 5-6.
[297] См. Литературная газета. – 1956. – № 85, 19.07. – С. 2.; Там же. 1956. № 100. 23. 08. С. 1.; Там же. 196. № 113, 22.09. С. 2.
[298] Ревякин П. П. Лицо столицы. Как надо планировать город // Литература и жизнь. – № 76. – 26.06.1960.

марксистско-ленинскую партийную риторику, они предлагали план мероприятий по исправлению «перегибов»[299].

Под влиянием многочисленных публикаций к движению в защиту архитектурных памятников присоединялось все больше людей, далеких от архитектуры. Так, пенсионер Быков, выступая на собрании в 1958 г., сказал: «Я увлекся памятниками на пенсии. Прошу считать меня первым энтузиастом в этом деле … Для этой работы надо привлечь пионеров и пенсионеров». Его горячо поддержал пенсионер Пивкулин: «У нас идет попустительство уничтожению памятников старины, а это государственное имущество. Нельзя на улице уничтожать плевательницу - милиционер в милицию отведет. А памятники можно. Потому что какие-то дяди убеждены, что за это отвечать не придется … Постановления предусматривают наказание, а у нас нет такого прокурора, который бы занялся памятниками архитектуры. Если сломать лестницу в жилом доме, то привлекут за хулиганство. А по отношению к памятникам это не делается, потому что у памятников нет хозяев»[300]. Известный искусствовед М. В. Алпатов так охарактеризовал это движение в 1965 г. в письме к правлению МОСА: «Когда-то 40 лет тому назад нас была небольшая горсточка историков русского искусства, которых волновали судьбы древних памятников. За последние годы выросла большая и мощная армия людей, горячо преданных этому делу. Нашим инстанциям, ведающим реконструкцией Москвы, давно пора понять, что вся советская общественность, люди различных специальностей и профессий, представители различных поколений кровно заинтересованы в этом деле и с пристальным вниманием следят за каждым их шагом»[301].

Следует сказать, что после войны идея создания общественных групп охраны культурного наследия буквально «витала в воздухе», и уже с середины 1940-х гг. стали возникать небольшие организации при разных государственных структурах. Так, в течение некоторого времени при Отделе охраны памятников

---

[299] Коробов А. А., Ревякин П. П., Тыдман В. П., Четунова Н. И. Как дальше строить Москву? // Москва. – 1962. – № 3. С. 147-160.
[300] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 384. Л. 61-70.
[301] Там же. Оп. 4. Д. 26. Л. 100.

архитектуры Москвы существовала общественная инспектура, состоявшая из архитекторов-добровольных помощников органов государственной охраны, которая, однако, была упразднена в начале 1950-х гг.[302] О ее пользе и необходимости возрождения говорили архитекторы в 1954 г.: «При многочисленности московского коллектива архитекторов у нас в Москве не должно оставаться ни одного памятника архитектуры без общественного присмотра. Любая угроза его существованию, любые неполадки в его техническом состоянии при существовании общественного инспектора, живущего где-то по соседству с памятником, могут быть быстро доведены до сведения секции или органов охраны памятников»[303]. В 1950 г. существовал проект создания общественной комиссии содействия охране и пропаганде памятников культуры Москвы при городском Управлении культуры. По проекту Положения о комиссии, в нее предполагалось привлекать работников искусства, историков, архитекторов, в задачи которых входила бы организация взаимодействия государственных организаций и населения в организации культурных мероприятий, пропаганде и популяризации памятников и их охране[304]. При Московском клубе туристов также существовала комиссия содействия охране памятников культуры. В 1955 г. она выпустила листовку, в которой предлагала всем туристам принять участие в выявлении и сохранении памятников истории, археологии и архитектуры. В листовке, содержалась подробная инструкция, что делать в случае обнаружения памятника: желательно сфотографировать здание и его детали; постараться при возможности устранить причины «разрушения или обветшания», как то: «прокопать канаву для стока воды, закрыть окна, двери. Следует помнить, что самовольные раскопки курганов запрещены и могут представлять опасность и для самих туристов. Этого не следует делать». Листовка призывала сообщать о всех случаях плохого содержания памятников в органы государственной охраны и «сделать заявление на месте руководителю учреждения или госоргана, например, сельсовета, о

[302] См. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 152.
[303] Там же. Д. 359. Л. 30.
[304] ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 429. Оп. 4. Д. 68. Л. 52-53.

недопустимости неправильного использования памятника, ссылаясь на постановление СМ СССР 1948 г.»[305]. В начале 1960-х гг. в Москве действовал молодежный краеведческий клуб «Родина», который тоже примкнул к движению охраны памятников. Его активисты принимали участие в реставрационных работах в Крутицком подворье. Клуб «Родина» просуществовал довольно долго. В 1966 г. у него возникли сложности с регистрацией, и он был принят в состав московского отделения ВООПИК [306]. Большое влияние на отношение к культурному наследию оказала общественная группа, выступавшая за сохранение Арбата и против прокладки проспекта Калинина в 1963 г. Эта группа писателей, поэтов, художников, состоявшая не более чем из двух десятков человек, не оформленная официально, стремилась привлечь общественное мнение к проблеме уничтожения исторического района старого Арбата. Большинство «арбатцев» принадлежало к субкультуре московской интеллигенции, впоследсвии получившей название «шестидесятников» [307]. При Московском отделении Союза Советских художников (МОСХ) с 1957 г. действовала Комиссия охраны памятников, активистами которой были А. А. Коробов, А. Н. Лужецкая, Г.И. Гладышева[308]. В комиссии участвовали художники П. Д. Корин, А. А. и Н. А. Пластовы. Последний в 1965 г. предложил серьезную программу реорганизации принципов охраны архитектурных памятников[309].

Именно Комиссия МОСХ, а также Секция охраны и изучения памятников архитектуры МОСА являлись наиболее постоянными и последовательными общественными объединениями, организующими движение за сохранение архитектурных памятников. Секция охраны и изучения памятников архитектуры

---

[305] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 480. Л. 10-12. Листовка также включала «опросник» – перечень сведений, которые необходимо сообщить о выявленном туристами памятнике в органы государственной охраны. Опросник 1955 г. см. Приложение 14.

[306] См. ГА РФ. Ф. 639. Оп. 1. Д. 32, 44, 140.

[307] Более подробно о событиях сохранения Арбата см. Bittner Stephen V. The many lives of Khrushchev's thaw: Experience and memory in Moscow's Arbat.; Шмидт С. Арбат в истории и культуре России // Архив Арбата, 1997. Режим доступа: http://www.clow.ru/a-moscow/1/1/arbat1_33.html (дата обращения: 09.08.2012).

[308] ЦГА г. Москвы, ЦХД ЛС. Ф. 93. Оп. 1. Д. 34. Л. 7.

[309] См. подробнее: Переслегин Н. В. Роль московских общественных организаций в создании ВООПИК (1940-е – 1965 г.).

МОСА была образована в 1940 г.[310] Ее постоянными участниками были А. Я. Шафир, В. А. Лавров, Л. А. Петров и др. архитекторы. После войны на регулярных собраниях секции делались доклады о состоянии памятников архитектуры, обсуждались проекты реконструкции исторического центра Москвы, составлялись обращения в Правление МОСА. В 1951 г. задача охраны памятников архитектуры была исключена из функций секции, и ее работа главным образом свелась к организации экскурсий и творческим командировкам. Тем не менее, Московское отделение Союза архитекторов продолжало уделять значительное внимание охране московских памятников, регулярно проводя совместные заседания с архитектурными мастерскими и общественные обсуждения проектов реконструкции исторических зон и наиболее острых вопросов сохранения архитектурного наследия. Самой жесткой критике подвергались на собраниях архитекторы Д. Н. Чечулин за проект гостиницы «Россия» в Зарядье и связанное с ним уничтожение памятников архитектуры, и главный архитектор Москвы А. В. Власов[311].

Некоторые архитекторы обвиняли Правление МОСА в пассивности. Особенно остро это обвинение прозвучало в 1965 г. в выступлении архитектора Виноградова на 10-й конференции МОСА: «приходится констатировать, что в большинстве случаев решения не формулируются в четкие резолюции, а если и формулируются, то Правление МОСА и СА не предпринимает дальнейшие шаги для их реализации»[312]. Виноградов обвинил руководство Союза архитекторов в том, что оно игнорировало требования общественности и не предприняло достаточных мер, чтобы обсудить и остановить строительство Дворца Съездов в Кремле, Нового Арбата, гостиницы «Националь» на ул. Горького и других подобных объектов, умалчивало желание Д. Н. Чечулина снять с учета памятники архитектуры в связи со строительством гостиницы «Россия» в Зарядье и фактически не принимало никакого участия в организации добровольного общества охраны памятников культуры. Вероятно, отчасти эти обвинения

[310] См. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 197.
[311] См. Приложение 13.
[312] ЦГА г. Москвы, ЦХД ЛС. Ф. 93. Оп. 1. Д. 34. Л. 205-208.

заслуженного архитектора были справедливы. Тем не менее, следует сказать, что регулярные обсуждения проблем в МОСА и выдвигаемые требования в основном оставались неизменными на протяжении послевоенных десятилетий, и в конце концов сыграли свою роль в консолидации общественных сил. Этот основной круг обсуждавшихся вопросов отразил Л. А. Петров в докладе на собрании актива московских архитекторов по вопросам улучшения охраны памятников материальной культуры 24 декабря 1951 г., хотя и он упрекнул правление Союза архитекторов за невнимание к вопросам охраны памятников архитектуры. Петров особенно отметил ту отрицательную роль, которую сыграла ликвидация в 1949 г. Комитета по делам архитектуры СССР для охраны памятников. Также, он повторил мысль, высказанную Г. Т. Крутиковым еще до войны, о том, что советские архитекторы недостаточно знают и не уважают архитектурное наследие предшественников, что приводит к непоправимым ошибкам: «Далеко не все планировщики тратят время на размышления, как лучше вписать в новый план сохранившиеся архитектурные уникумы. И нередко … участь памятника бывает предрешена уже там, за чертежным столом планировщика. Наиболее разительным примером такого отношения является проект реконструкции центра Москвы 1949 года, выпущенный под руководством Чечулина, в котором, как известно, предусматривается снос всех памятников центра города, за исключением Кремля»; «проще всего снести древние здания, но не в этом заслуга архитектора. Его заслуга, напротив, будет заключаться в наиболее выгодном использовании архитектурных качеств памятника при новом решении плана. Чем удачнее он сумеет справиться с этой задачей, тем больше будет его заслуга перед советским обществом»[313]. Последний пассаж относился к проекту А. В. Власова, для реализации которого был снесен редкий памятник архитектуры XVI в. в Крестовоздвиженском переулке. В докладе Л. А. Петрова также прозвучали программные требования об организации общественного союза охраны памятников и необходимости гласности и широкого обсуждения всех проектов

[313] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 209. Л. 20-27. Резолюция собрания «О постановке дела охраны памятников архитектуры и задачах Союза советских архитекторов»: см. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 210.

реконструкции Москвы с общественностью. Все они неоднократно повтрялись на протяжении последующих десятилетий.

В мае 1954 г. в МОСА прошло совещание по обсуждению творческого отчета реставрационных мастерских Академии архитектуры СССР, Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР и Института "Моспроект". Итог этого заседания подвел Г. Т. Крутиков, который вновь упрекнул архитекторов-проектировщиков в «некультурном, непатриотическом и даже временами предательском отношении» к архитектурному наследию: «… некоторые наши архитектурные корифеи очень часто предпочитают разрушать и искажать памятники русской архитектуры, чем учиться у них»[314]. Этот упрек, который в равной степени относился как к архитекторам, так и к хозяйственным руководителям Моссовета, не раз повторяли и другие сотрудники органов охраны памятников и общественные деятели. На заседании секции градостроительства МОСА в 1954 г. члены Союза архитекторов критиковали проектировщиков магистралей: «Солянка-ЗИЛ», «Север-Юг», «Большая Калужская улица» за нарушение архитектурного ансамбля Швивой горки, Нескучного сада, Большой Калужской улицы, и, вновь, за строительство в Зарядье[315]. В подобном же ключе происходили в 1954-1956 гг. обсуждения проектов реконструкции Комсомольской площади, Новоарбатского узла, планировки и застройки Шереметьевской улицы и уже цитировавшийся ранее расширенный пленум правления МОСА по обсуждению состояния дела охраны и реставрации памятников архитектуры в г. Москве и Московской области 1958 г. [316] На последнем подчеркивалась необходимость создания эффективно работающей инспекции по охране памятников архитектуры, независимой от АПУ Москвы. П. П. Ревякин отметил важность воспитания в духе уважения к наследию не только «неграмотных людей», а в первую очередь тех, кто «принимает решения по важным вопросам», архитекторов-пректировщиков и

[314] Там же. Д. 331. Л. 58, 59.
[315] См. Там же. Д. 359.
[316] См. Там же. Д. 364, 366, 458 и др.; Оп. 2. Д. 383 и 384.

государственных чиновников[317]. О необходимости ввести в вузах, и прежде всего в Архитектурном институте, курс изучения памятников архитектуры, так как архитекторы мало знают и любят памятники, и именно они часто являются инициаторами их гибели, высказался И. В. Маковецкий[318].

В октябре 1961 г. состоялся 22-го съезд КПСС. В отчетном докладе съезду Н. С. Хрущев изложил свое новое, популистское видение развития социалистической демократии на пути к построению коммунизма. Он заявил, что цель государства – привлечь всех граждан к управлению обществом и «передача все большего числа государственных функций общественным организациям»[319]. По всей вероятности вдохновленные новым курсом КПСС, в 1961 г. активисты охраны памятников направили письмо с предложением об организации добровольного общества охраны памятников Н. С. Хрущеву[320]. В 1962 г. состоялось собрание общественности Москвы, на котором присутствовало около ста человек, в том числе представители МОСХ и МОСА, Советского комитета защиты мира и других организаций, которое вынесло постановление об организации добровольного общества[321]. Однако власти не торопились с принятием решения о его создании. Заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС Д. А. Поликарпов (1962-1965 гг.) был против идеи публичной, независимой, добровольной организации. Он считал, что ее следует образовать при каком-то бюрократическом органе.[322] В ноябре 1963 г. состоялось совещание в МОСА по обсуждению очередных задач охраны и реставрации памятников архитектуры РСФСР[323]. Оно интересно тем, что с большим докладом там выступил заместитель начальника Главного управления культпросветработы Министерства культуры РСФСР А. В. Серегин. Высокопоставленный чиновник

---

[317] Там же. Оп. 2. Д. 384. Л. 39.
[318] Там же. Л. 47.
[319] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 г. Стенографический отчет. - Т. 1. Отчет ЦК КПСС XXII съезду КПСС. Доклад Первого секретаря ЦК товарища Н. С. Хрущева. – Москва: Госполитиздат, 1962. – С. 97.
[320] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 409. Л. 5-6.
[321] ЦГА г. Москвы, ЦХД ЛС. Ф. 93. Оп. 1. Д. 34. Л. 5.
[322] Bittner Stephen V. Op. cit. P. 162.
[323] См. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 421.

от идеологии, он был не менее осторожен, чем Поликарпов. Признавая, что решать судьбу памятников необходимо только после обсуждения с архитектурной общественностью, что необходимо «поднятие активности и участие населения в охране», «нужна серьезная помощь обшественности» и т. п., Серегин, тем не менее, не поддержал прямо идею создания общественной организации[324].

В условиях усилившися гонений на памятники старины требования о создании союзного или по крайней мере российского общественного объединения граждан в защиту памятников архитектуры с каждым годом становились все более настойчивыми. В 1964 г. к власти пришло новое руководство страной. В феврале 1965 г. было принято решение о создании ВООПИК. Выбор членов Оргкомитета и составление Устава были поручены Министерству Культуры РСФСР, в частности, А. В. Серегину. Зимой и весной 1965 г. состоялось несколько совместных совещаний МОСХ и МОСА, посвященных организации добровольного общества, на которых активисты очень резко высказывались о состоянии дела охраны памятников и делали предложения по его реформированию[325]. Тем не менее, Министерство культуры разработало документы о создании ВООПИК без их участия. Члены Комиссии охраны памятников МОСХ, многолетние активисты движения не скрывали своего возмущения и разочарования. Оказалось например, что состав Оргкомитета частично совпадает со списком, намечавшимся Комиссией, а частично «содержит фамилии лиц, известных своим отрицательным отношением к охране памятников». Например, в него не был включен П. Д. Барановский[326]. В. П. Тыдман заявил, что Оргкомитет «не внушает доверия». Заседания Комиссии МОСХ летом и осенью 1965 г. следовали одно за другим в попытке повлиять на

[324] РГАЛИ. Ф. 492. Оп. 28. Д. 4. Л. 21, 22.
[325] См. напр. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 25, 26.
[326] ЦГА г. Москвы, ЦХД ЛС. Ф. 93. Оп. 1. Д. 34. Л. 5.

происходившие события. Тем не менее, ВООПИК был создан в соответствии с идеологическим сценарием ЦК КПСС[327].

III.6. Выводы

1. Выделены два периода деятельности по охране памятников архитектуры: период реорганизации органов охраны (1943- нач. 1950-хх гг.) и последовавшее за ним десятилетие реакции, когда центральные органы вновь были упразднены, а памятники архитектуры подверглись новой волне сносов (1955-1965 гг.).

2. Смена идеологического курса государства изменила отношение к архитектурному наследию: в военные и послевоенные годы была признана важная идеологическая роль, которую наследие играет в деле воспитания советского народа в духе коммунизма и патриотизма. Однако с середины 1950-хх гг. новое руководство страны во главе с Н. С. Хрущевым развернуло новую антирелигиозную кампанию, которая привела к волне сносов архитектурных памятников.

3. Как и в предыдущий период, решения о сносе исторической застройки принимал Исполком Моссовета без участия московской инспекции охраны памятников архитектуры.

4. Новым явлением послевоенного периода стало массовое движение в защиту памятников архитектуры Москвы. Его участники выработали программу охраны памятников архитектуры и последовательно боролись за ее осуществление. Следствием их усилий стало образование ВООПИК в 1965-1966 гг., в том числе его отделений в Москве.

---

[327] См. Переслегин Н. В. Роль московских общественных организаций в создании ВООПИК (1940-е – 1965 г.).

Глава IV. **Развитие градостроительной концепции охраны архитектурного наследия (1966-1991)**

После 1965 г. работа государственного органа охраны архитектурных памятников Москвы протекала в других реалиях по сравнению с предыдущими периодами. К 1968 г. стало очевидно, что новое руководство государства во главе с Л. И. Брежневым не намерено проводить какие-либо реформы социально-политического строя. Время брежневского правления часто называют периодом застоя. Характерным примером брежневской бюрократизации может служить ВООПИК (Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры), созданное на сильной волне общественного движения в 1965-1966 гг. Руководство государства не решилось предоставить ВООПИК самостоятельность и независимость. Вопреки желаниям активистов общество было образовано «сверху». Решения о составе Оргкомитета, Учредительного съезда, Центрального совета, о тексте Устава ВООПИК принимались в идеологическом и культурном отделах ЦК КПСС. Председателем общества был выбран высокопоставленный чиновник, зам. председателя СМ РСФСР В. И. Кочемасов. Анализ архивного фонда ВООПИК показывает, что если в начале деятельности (1960-е-нач. 1970-х гг.) общество занималось конкретными вопросами сохранения памятников архитектуры и истории, то с середины 1970-х гг. его деятельность становилась все более формальной. Живые дела с течением времени заменялись составлением бюрократических документов: годовых планов, ежегодных отчетов и др.[328] За разрешением на проведение съездов и пленумов, утверждением их повесток, состава выступающих и текстов докладов руководство ВООПИК обращалось в Отдел культуры ЦК КПСС[329]. К середине 1980-х гг. оно превратилось в бюрократическую организацию, финансируемую государством. Тем не менее, местные, особенно московские отделения общества были местом консолидации

[328] ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1,2.
[329] См. напр. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 232. Л. 4-5; Оп. 67. Д. 200. Л. 149-150; Оп. 69. Д. 62а. Л. 78 (1974-1976 гг.) и т. д.

действительных активистов движения в защиту памятников, через которые им удавалось оказывать влияние на государственную политику в этой области.

После прихода к власти М. С. Горбачева в 1985 г., в ожидании реформ, а затем с началом политики гласности и перестройки, общество вновь активизировало борьбу с проявлениями бюрократического произвола. Все эти процессы оказали существенное влияние на работу органов государственной охраны памятников, которая начиная с 1960-х гг. находилась под постоянным наблюдением общественности.

Изменения коснулись не только взаимоотношений государственной инспекции с обществом. Сама деятельность в области охраны памятников на протяжении 1960-х гг. и позднее значительно видоизменилась. Она включила новые аспекты и стала более масштабной. От сохранения единичных памятников органы государственной охраны перешли к воздействию на решение градостроительных проблем Москвы и вопросам сохранения крупных архитектурных комплексов. Тому, как развивалась деятельность госинспекции охраны памятников архитектуры столицы в условиях постановки этих новых задач, посвящена настоящая глава.

IV.1. Правовая основа деятельности московского органа охраны памятников

Не вызывает сомнений, что московская инспекция из небольшого отдела к концу 1980-х гг. превратилась в компетентную, наделенную полномочиями и имеющую значительный штат организацию[330]. Деятели культуры, науки и архитектуры на протяжении десятилетий 1960-х-1980-х гг. неоднократно обращались в советское правительство и ЦК КПСС с просьбами о совершенствовании законодательства и создании центрального государственного органа охраны памятников культуры. Но и современники, и

[330] См. напр. Савин А. А. Сохранение архитектурного наследия. Проблемы решенные и нерешенные // Строительство и архитектура. – 1986. – № 6. – С. 3-6.

последующие исследователи оставили без внимания тот факт, что все эти годы охрана памятников архитектуры фактически протекала без должного правового обеспечения. Исследователи уже отмечали, что в 1950-х гг., во время хрущевских преобразований государственного управления функция охраны памятников архитектуры была передана Министерству культуры РСФСР, которое, однако, не приняло их под свое попечение. В ведение министерства вошли памятники искусства, истории и археологии, но не архитектуры[331]. Об этом ясно свидетельствует и состав материалов архивных фондов Министерства культуры РСФСР и Управления культуры г. Москвы, в которых отложились документы, относящиеся к охране недвижимых памятников культуры и истории, но не памятников архитектуры[332]. Анализ советского законодательства подкрепляет эту точку зрения. Законодательные акты 1960-х и последующих десятилетий оставили в стороне памятники архитектуры. Так, постановлением СМ РСФСР от 24.05.1966 N 473 "О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР" было решено изменить характер использования отдельных сооружений Новодевичьего монастыря, ансамблей Ново-Спасского монастыря и Крутицкого подворья, усадеб Измайлово и Царицыно. Те же комплексы, а также ансамбль Донского монастыря, усадьбы Коломенское, Останкино, Кусково, Архангельское и остатки сооружений в районе Зарядья постановление требовало восстановить «для музейного показа», но все они считались памятниками истории и культуры[333]. В дополнительный список памятников истории и культуры, утвержденный постановлением СМ

[331] Постановление СМ РСФСР 29.06.1957 № 781 «Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР». См. об этом Доброновская М. А., Вайнтрауб Л. Р. Объект охраны: Москва. К 95-летию образования органов охраны памятников. Документы и свидетельства. – Москва: Департамент культурного наследия г. Москвы, 2012. С. 191-195.
[332] ГА РФ. Ф. А-501. Оп. 1-4; ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 429. Оп. 1.
[333] «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР». Постановление СМ РСФСР от 24.05.1966 г. N 473. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=10368 (дата обращения: 14.07.2013).

РСФСР от 7 сентября 1976 г. N 495 вошли исключительно мемориальные здания, которые не являлись архитектурными памятниками[334].

Та же ситуация сохранялась и в дальнейшем, по крайней мере в отношении памятников архитектуры Москвы. Правительство подразумевало, что памятники архитектуры находятся в ведении органов управления культурой. Это мнение было закреплено «Положением об охране и использовании памятников истории и культуры», утвержденным СМ СССР в 1982 г., которое определило, что «специально уполномоченными государственными органами охраны памятников» являются Министерство культуры СССР и подведомственные ему органы в союзных и автономных республиках, краях, областях, Москве и Ленинграде; «Министерство культуры СССР и подведомственные ему органы в пределах своей компетенции осуществляют государственное управление и государственный контроль в области охраны и использования памятников истории, археологии, градостроительства и архитектуры, искусства»[335]. При министерстве был организован Всесоюзный межведомственный совет по охране и использованию памятников истории и культуры для координации работ. Непосредственное руководство охраной всех видов памятников было отнесено к компетенции Министерства культуры РСФСР[336]. Однако фактически памятники архитектуры по-прежнему оказались исключенными из сферы деятельности органов управления культурой. Единственным законодательно утвержденным списком памятников архитектуры оставалось Приложение к Постановлению СМ РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР»[337].

---

[334] «О дополнении постановления СМ РСФСР ОТ 30.08.1960 Г. N 1327 О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». Постановление СМ РСФСР от 07.09.1976 г. N 495. Режим доступа: http://kulturnoe-nasledie.ru/documentations.php?id=14 (дата обращения: 14.07.2013).

[335] «Об утверждении положения об охране и использовании памятников истории и культуры». Постановление СМ СССР от 16.09.1982 N 865. Режим доступа: http://kulturnoe-nasledie.ru/documentations.php?id=9 (дата обращения: 15.07.2013).

[336] 150 лет охране памятников в России. С. 84.

[337] См. в гл. III.

Тем временем, в связи с принятием генерального плана Москвы 1971 г., Закона 1976 г. «Об охране и использовании памятников архитектуры, истории и культуры» и вызванными ими изменениями в направлениях охранной деятельности инспекция государственной охраны столичных памятников архитектуры прошла через ряд преобразований. Решением Исполкома Моссовета от 20.07.1977 г. № 1962 и приказом начальника ГлавАПУ от 20.10.1977 г. № 382 она была выделена в самостоятельное структурное подразделение ГлавАПУ и переименована в Государственную инспекцию по охране памятников архитектуры и градостроительства (ГИОП г. Москвы), хотя по закону охраной памятников архитектуры должно было руководить Управление культуры Моссовета. Тем же приказом № 382 по ГлавАПУ было утверждено положение об Инспекции. Согласно Положению, основными задачами ГИОП являлись: выявление, регистрация и учет памятников архитектуры; руководство и контроль за постановкой дела охраны памятников, использование и реставрация; составление охранной и охранно-арендной документации; прием на баланс памятников архитектуры; ведение оперативной работы на памятниках архитектуры; контроль и охрана зданий исторической застройки на территории Москвы и лесопаркового защитного пояса; контроль за памятниками садово-паркового искусства; охрана и учет ценных элементов интерьера. Результатом преобразования стало создание новых отделов и значительное увеличение штата. В течение 1970-х-1980-х гг. отделы Госинспекции несколько раз укрупнялись и разукрупнялись, но в целом происходило добавление новых функций и укрепление кадров сотрудников. Так, были созданы отделы по охране зданий; памятников градостроительства и исторически сложившейся застройки; организованы производственные группы по охране и эксплуатации памятников архитектуры. В 1979 г. ГИОП приняла под охрану памятники садово-паркового искусства. Приказом начальника ГлавАПУ г. Москвы от 06.09.1984 г. №334 ГИОП г. Москвы была преобразована в Управление государственного контроля охраны и

использования памятников истории и культуры (УГК ОИП г. Москвы)[338]. На деле УГК ОИП продолжало существовать при ГлавАПУ Москвы и законодательно не было наделено правом управления охраной памятников. Лишь в 1984 г. ему был придан статус специально уполномоченного органа охраны памятников истории и культуры г. Москвы Мосгорисполкома и Министерства культуры СССР, осуществляющего государственный контроль и руководство делом охраны, использования, выявления, учета, реставрации и пропаганды недвижимых памятников истории и культуры. Таким образом, формально можно считать, что с 1984 г. руководство охраной недвижимого культурного наследия перешло в руки УГК ОИП при ГлавАПУ Москвы. Однако на практике все оказалось намного сложнее. Управление культуры г. Москвы довольно решительно сопротивлялось попыткам Исполкома Моссовета сконцентрировать управление всеми видами памятников в УГК ОИП при ГлавАПУ[339]. Так, например, в 1989 г. Управление культуры, ссылаясь на постановления СМ СССР и Исполкома Моссовета 1985 г. об укреплении материальной базы парков культуры и отдыха, отказалось передать на баланс УГК ОИП павильон Шестигранник в ЦПКиО им. Горького[340]. Отмеченные выше неопределенный правовой статус и ведомственная принадлежность памятников архитектуры Москвы отрицательно сказывались на их сохранении.

IV.2. Порядок выявления, учета и регистрации памятников архитектуры

Как уже было отмечено выше, середина 1960-х гг. стала началом нового этапа в деятельности московской инспекции охраны памятников архитектуры. Постановление СМ РСФСР от 24.05.1966 N 473 «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР» отразило некоторые новые тенденции. Так, была подчеркнута возрастающая роль туризма в экономике

[338] См. Историческая справка // Архив Мосгорнаследия..
[339] См. напр. записку председателя Комитета по культуре г. Москвы И. Б. Бугаева 24.06.1992. // ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 429. Оп. 1. Д. 4680. Л. 97.
[340] Там же. Д. 4398. Л. 39, 40.

страны, в особенности иностранного, и в связи с этим необходимость приведения в порядок памятников истории и культуры на «основных туристических маршрутах». Во-вторых, было законодательно закреплено участие ВООПИК в деле охраны памятников.

Важным направлением работы Инспекции по государственной охране памятников Москвы по-прежнему оставались выявление и учет архитектурных произведений. С 1966 г. эта работа проводилась совместно с секцией искусства и градостроительства МГС ВООПИК, на что были даны прямые указания в законодательстве. Постановление СМ РСФСР 1966 г. обязало Мосгорисполком осуществлять мероприятия по приведению в надлежащее состояние памятников истории и культуры, а также по улучшению их использования совместно с с местным отделением ВООПИК[341]. Те же требования содержались и в уставе ВООПИК, утвержденном правительством: его члены имели право участвовать в выявлении, изучении и охране всех видов памятников истории и культуры и осуществлять контроль за их состоянием и использованием через инспекции и комиссии, организуемые обществом и государственными органами[342]. На основании этих документов секция и инспекция проводили совместные заседания. Так, например, 28 сентября 1966 г. состоялось обсуждение дополнительного списка памятников, представленного начальником инспекции Н. Н. Соболевым. В частности, было предложено восстановить в списках дом XVIII в. № 10 по ул. Герцена; взять на охрану д. 14 по Малой Лубянке как памятник планировки средневековой Москвы и единственное сохранившееся здание, выступающее за современную красную линию; поставить на учет церковь Косьмы и Дамиана в Старопанском переулке; внести в дополнительный список церковь Иакова в Казенной 1676 г., д. 32 по Б. Коммунистической ул и др. Было решено провести обследование 29 памятников Москвы. В их числе были здания

---

[341] «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР». Постановление СМ РСФСР от 24.05.1966 г. N 473. Ч. 2 а. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=10368 (дата обращения 14.08.2014)

[342] Устав ВООПИК. Утвержден Постановлением СМ РСФСР от 06.07.1966 № 589. Опубл. в: Охрана памятников истории и культуры. С. 157-158.

на ул. Горького, в Зачатьевских и Колпачном переулках, на ул. Энгельса, Чехова, Чернышевского. Также обсуждались вопросы оформления инспекцией документации на здания, а именно, обеспечение фотофиксации, составление аннотаций на памятники, состоящие на охране, и особенно подлежащие включению в дополнительные списки[343]. Инспекция по государственной охране регулярно составляла и представляла дополнительные списки памятников архитектуры в Моссовет, однако до утверждения они не имели юридической силы.

Из сохранившихся в архивах справок для вышестоящих органов и докладных записок следует, что работа инспекции в области выявления новых памятников архитектуры продолжалась постоянно. Таким образом, несмотря на происходивший в Москве снос исторической застройки количество архитектурных памятников неуклонно возрастало. В 1974 г. список памятников архитектуры Москвы состоял из 407 ансамблей и отдельных зданий (всего 1200 строений)[344]. В пределах Садового кольца на учете находилось 324 ансамбля и отдельных памятника архитектуры, из которых 234 уже состояло под государственной охраной, и еще 90 предполагалось включить в дополнительный список. В 1972 г. Моссовет одобрил список из еще из 157 наименований (400 зданий) и 111 памятников для принятия их на государственную охрану. Однако этот список очень долго проходил по инстанциям и в 1974 г. еще не был утвержден[345]. В 1979 г. список памятников архитектуры состоял уже из 573 комплексов и единичных зданий[346]. В 1986 г. под охраной состояло более 2900 недвижимых памятников истории, культуры и архитектуры. Кроме того, под

---

[343] ЦГА г. Москвы, ЦХД ЛС. Ф. 93. Оп. 1. Д. 34. Л. 67-71.
[344] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 225. Л. 18.
[345] Там же. Л. 19.
[346] Записка отдела культуры МГК КПСС от 03.04.1979: «В настоящее время в Москве … под охраной государства находится 573 памятника архитектуры и 210 памятников истории и культуры» // ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 190. Д. 95. Л. 94-95. А. М. Кулемзин называет эту же цифру для 1971 г.: в списке Министерства культуры СССР 1971 г. в Москве числи-лось 573 памятника архитектуры, включающих около 1800 зданий и других объектов. См. Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление: дис. … д-ра культурол. наук: 24.00.03. – Томск, 2001. – С. 234. Возможно, цифра 1800 зданий списка Министерства культуры 1971 г. включала как архитектурные, так и все другие виды памятников.

контролем УГК ОИП находилось около 9500 зданий, формирующих исторически сложившуюся застройку города[347]. По информации УГК ОИП в 1987 г. в Москве на государственной охране числилось 1897 памятников архитектуры XVI-начала XX вв., 51 памятник садово-паркового искусства и 51 памятник советской архитектуры[348]. Остается неясным, каков был действительный статус этих памятников – были ли их списки утверждены СМ РСФСР согласно советскому законодательству, или лишь согласованы в Моссовете, или они числились в дополнительных списках УГК ОИП. Не удалось найти постановлений правительства, подтверждающих юридический статус этих списков. Тем не менее, с 1977 г. даже придание зданиям статуса вновь выявленных объектов стало основанием для их сохранения, по крайней мере теоретически, так как в Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» 1976 г. была введена новая норма, согласно которой вновь выявляемые объекты впредь до решения вопроса о принятии их на государственный учет подлежали охране как зарегистрированные памятники[349]. В 1985-1987 гг. к утверждению был подготовлен новый дополнительный список, который в апреле 1987 г. УГК ОИП передало в Исполком, но в 1990 г. он еще не прошел согласование. В этом списке были учтены шесть памятников архитектуры XVII в. и 26 – XVIII- XIX вв. В основном же в дополнительный список 1987 г. вошли произведения архитектурной эклектики и модерна конца XIX-нач. XX вв., среди которых были сооружения Л. Н. Кекушева, И. Е. Бондаренко, В. Ф. Валькота, 15 построек Ф. О. Шехтеля. Всего в дополнительный список памятников архитектуры было включено 62 адреса. Новым в работе инспекции после придания ей в 1984 г. статуса уполномоченного органа охраны памятников культуры стало составление

[347] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 210. Д. 9. Л. 19. Изменения списка памятников см. также Приложение 17.
[348] Писарев И., секретарь МГК КПСС. В интересах москвичей // Архитектура и строительство Москвы. – 1987. – № 6. – С. 2.
[349] Ч. 21. Закона СССР от 29.10.1976 «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Вступил в силу 1 марта 1977 г. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 115. Д. 151.

дополнительных списков памятников истории, археологии и монументальной скульптуры, а не только архитектуры[350].

Новым веянием в работе Инспекции по государственной охране памятников архитектуры в рассматриваемый период стали выявление и постановка на охрану советских архитектурных сооружений, хотя дело и двигалось крайне медленно и встречало сильное противодействие. В 1967 г. инспекцией был составлен список из 81 объекта советского периода, который частично прошел согласование в 20 организациях только к 1972 г. Например, НИИ культуры высказалось за исключение из списка Дворца культуры автозавода им. Лихачева по той причине, что при его проектировании не был сохранен ансамбль русского зодчества – Симонов монастырь[351]. В 1974 г. в списке осталось 37 объектов[352]. Тем не менее, утверждены были лишь два: здание Казанского вокзала с Центральным клубом железнодорожников (1974 г.) и поселок Сокол (1979 г.) Мавзолей В. И. Ленина, получивший статус охраняемого объекта еще в 1960 г., не считался памятником архитектуры, а являлся памятником истории как место захоронения вождя мирового пролетариата. Согласование остальных советских памятников архитектуры продолжилось вновь. В апреле 1978 г. был подготовлен проект решения Моссовета «О принятии под государственную охрану зданий – памятников архитектуры советского периода», который должен был опять пройти через все инстанции. ГлавАПУ при этом сочло достойными постановки на охрану всего 14 сооружений. Лишь в 1983 г. Моссоветом был утвержден список памятников архитектуры местного значения, в который были внесены 48 объектов, среди которых были, к примеру, дом К. С. Мельникова, универмаг на Красной Пресне (арх. бр. Веснины), «Дом на

---

[350] Исследовать, восстановить, сберечь, справка УГК ОИП. / Сост. Т. Чуринова, зам. начальника отдела историко-культурных исследований и учета памятников истории и культуры УГК ОИП г. Москвы // Архитектура и строительство Москвы. – 1990. – № 1. – С. 26-27.

[351] Раздольская Т., Струнина О. Ценим ли мы памятники советской архитектуры? // Архитектура и строительство Москвы. – 1988. – № 5. – С. 7-8.

[352] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 254. Л. 27.

набережной» (арх. Б. М. Иофан), жилой дом общества «Динамо» (арх. И. А. Фомин)[353].

Процесс выработки правил выявления, учета и регистрации памятников архитектуры демонстрирует, насколько медленно работала советская бюрократическая машина. В 1949 г. Комитет по делам архитектуры СССР выпустил инструкцию, регламентирующую эти виды деятельности, которая сразу же устарела, потому что сам Комитет был ликвидирован в том же 1949 г.[354] Тем не менее, на протяжении почти сорока лет эта инструкция оставалась единственным нормативным документом для Инспекции по государственной охране памятников архитектуры Москвы. Согласно этой инструкции, все памятники архитектуры были разделены на «отдельно стоящие» и «групповые», или ансамбли и комплексы. К первым относились гражданские сооружения, культовые здания и военно-исторические сооружения, как-то башни и остатки крепостных стен. Во второй вид входили города или их части, сохранившие историческую планировку или высокую концентрацию историко-художественных сооружений; кремли и древние крепости; монастыри; усадьбы с усадебными сооружениями и парками. В обязанности инспекторов входило после выявления памятника архитектуры составить краткое описание его общего вида, сохранности, использования, с приложением схематических замеров и фотографий. Все эти данные заносились в карточку первичного учета, составленную в четырех экземплярах, которые должны были храниться в местных и центральных картотеках. На основании карточек первичного учета составлялись списки памятников, которые поступали в Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР. В инструкции указывалось, что последний будет направлять их в Совет Министров РСФСР для окончательного утверждения. После упразднения Комитета по делам архитектуры эта стадия стала затруднительной.

---

[353] Подробнее о памятниках архитектуры советского периода см. Раздольская Т., Струнина О. Указ. соч.; Список памятников архитектуры 1983 г. см. Приложение 18.

[354] Инструкция о порядке учета, регистрации, содержания и реставрации памятников архитектуры, состоящих под государственной охраной,1949 г. // Охрана памятников истории и культуры. С. 92-128.

Закон СССР об охране памятников 1976 г. усложнил систематизацию памятников культуры. Еще десять лет ушло на то, чтобы разработать детальную классификацию и правила осуществления мероприятий в отношении недвижимых памятников. Только в мае 1986 г. Министерством культуры СССР была утверждена новая "Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры", которая стала фактическим руководством для работы ГИОП[355]. Нововведением инструкции 1986 г. было определение типов недвижимых памятников культуры: здания и сооружения, их ансамбли и комплексы, градостроительные формирования, историко-культурные ландшафты, произведения монументального искусства и памятные места. Ансамблем была признана группа объектов одного или нескольких видов, возникших одновременно или дополнивших друг друга в течение времени, объединенных общностью территории и исторического развития, образующих единство градостроительной, архитектурно-художественной композиции; комплексом – группа объектов, объединенных общностью территории независимо от времени и причин возникновения, историко-художественной или иной ценности каждого отдельного памятника; градостроительным образованием – ценные в историко-культурном отношении территории, на которых сосредоточены группы недвижимых памятников истории и культуры; системы рядовой застройки, формирующие их среду; участки древнего культурного слоя и элементы природного и историко-культурного ландшафта, запечатлевшие индивидуальный исторически сложившийся облик города; памятными местами – территории, ландшафты, связанные с событиями, имеющими историческую, научную или иную культурную ценность.

Все недвижимые памятники были разделены на пять видов: истории, археологии, искусства, градостроительства и архитектуры, и на категории

[355] Об утверждении «Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры». Приказ Министерства культуры СССР от 13.05.1986 N 203. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=91282 (дата обращения: 16.07.2013).

общесоюзного, республиканского и местного значения. Инструкция установила состав, форму и содержание учетных документов памятников культуры. Первичным документом признавалась учетная карточка, в которую вносились сведения о местонахождении, датировке, характере современного использования, степени сохранности памятника или вновь выявленного объекта, наличии научной документации, месте ее хранения, краткое описание и иллюстративный материал[356]. Основным документом недвижимого памятника являлся паспорт, содержащий научные сведения и фактические данные, характеризующие историю памятника и его современное состояние, местонахождение в окружающей среде, оценку исторического, научного, художественного или иного культурного значения, сведения о его территории, связанных с ним сооружениях, садах, парках, находящихся в нем произведениях искусства, предметах, представляющих культурную ценность, о зонах охраны, а также об основных историко-архитектурных и библиографических материалах. В паспорте указывалась категория охраны и вид памятника со ссылкой на утверждающий документ[357]. Для ансамблей и комплексов, исторических центров, кварталов, площадей, улиц, историко-культурных заповедников составлялись: учетная карточка и паспорт на указанные объекты в целом; учетные карточки и паспорта для каждого отдельного памятника; историко-архитектурный опорный план. Основным документом государственного учета и охраны памятников являлись Государственные списки недвижимых памятников истории и культуры.

IV.3. Охранные зоны и зоны регулирования застройки; градостроительный аспект охраны памятников архитектуры

Наличие охранных зон вокруг памятников архитектуры было одним из постоянных требований советского законодательства; их определение и контроль

[356] Образец учетной карточки 1986 г см. Приложение 19.
[357] Образец паспорта 1986 г. см. Приложение 20.

за соблюдением зонирования входили в компетенцию инспекции[358]. Тем не менее, охранные зоны долгое время оставались «слабым местом» Москвы. Еще в 1953 г. Е. Н. Морозкина отмечала тот серьезный недостаток, что памятники архитектуры г. Москвы не имеют охранных зон – земельных участков, закрепленных за памятниками[359]. В результате при разработке генерального плана эти зоны не учитывались, застраивались, «обрезались»; новое строительство подходило вплотную к охраняемым зданиям, часто приводя к нарушению не только визуального восприятия, но и целостности архитектурных ансамблей и комплексов. Это произошло, например, при строительстве в районе Швивой горки в 1950-е гг., вблизи Крутицкого подворья и во время возведения гостиницы «Россия» в Зарядье в 1960-х. В. К. Олтаржевский, один из многих критиков сложившейся ситуации, в 1965 г. выразил беспокойство этой тенденцией: «Размещение вблизи Кремля многоэтажных и высотных зданий не только может препятствовать обозрению Кремля с отдельных точек зрения, но и подавлять его своим масштабом. Примером может служить гостиница в Зарядье и даже гостиница ‘Москва’, своей громадой подавляющая впечатления въезда на Красную площадь, при обозрении со стороны улицы Горького».[360] Даже в тех случаях, когда для исторических зданий были определены охранные зоны, они с легкостью нарушались во имя нового строительства[361]. Так вопреки существованию охранных зон происходила застройка усадеб Коломенское и Царицыно. Этим Москва значительно отличалась от других исторических городов, к примеру Новгорода, где охранные зоны вокруг древних церквей были включены в план реконструкции, выполненный под руководством А. В. Щусева и В. А. Лаврова сразу после войны, и неукоснительно соблюдались[362].

В связи с обсуждением проблемы московских охранных зон происходило развитие и углубление концепции охраны архитектурных памятников в контексте

---

[358] Система охраныых зон см. Приложение 17.
[359] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 63. Л. 140.
[360] См. в гл. III; также РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 359. Л. 27; Оп. 4. Д. 25, 26.
[361] Коробов А. А. и др. Указ. соч. С. 152.
[362] См. напр. РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 7; Щусев А. В. Советская архитектура и восстановление городов // Славяне. – 1945. – №. 1. – С. 26. и др.

исторической застройки[363]. В решении одного из совместных заседаний секции градостроительства Московского отделения ВООПИК и Инспекции охраны памятников архитектуры в 1966 г. было записано, что при обследовании нужно осматривать не только сам памятник, но и среду, в которой он «живет», а именно, окружающую этнографическую и ландшафтную зону[364]. Со временем проблема определения и соблюдения охранных зон становилась все более серьезной в связи с большим объемом нового строительства, и занимала все больше внимания инспекции государственной охраны и общественности. П. П. Ревякин в 1965 г. подчеркивал необходимость утверждения охранных зон и планов реконструкции исторических районов не до их обсуждения, а после, чтобы не приходилось бороться за исправление ошибок проектировщиков.

По заказу инспекции государственной охраны памятников мастерские Моспроекта-2 в 1961 г. начали работы по по проектированию охранных зон[365]. Тем не менее, в 1966 г. по признанию начальника инспекции Н. Н. Соболева многие памятники по-прежнему не имели охранных зон по причине отсутствия финансирования этой работы ГлавАПУ[366]. Несмотря на сложности, попытки в этом направлении продолжались. В 1969 г. член Московского отделения ВООПИК Е. И. Кутарев сформулировал предложения, согласно которым разработка проекта детальной планировки центра должна вестись на основе ясно и четко сформулированного задания на проектирование с учетом сохранения историко-культурного наследия, памятников архитектуры и исторически сложившейся планировочной структуры города Москвы. Он предлагал включать в задание на проектирование классификацию памятников архитектуры по степени значимости и соподчиненности к новым сооружениям; опорный план, на котором должны быть нанесены все охраняемые государством памятники

[363] См. Переслегин Н. В. Развитие градостроительного аспекта в концепции охраны памятников архитектуры Москвы в советский период (1917-1991).
[364] ЦГА г. Москвы, ЦХД ЛС. Ф. 93. Оп. 1. Д. 34. Л. 70.
[365] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 225. Л. 3.
[366] ЦГА г. Москвы, ЦХД ЛС. Ф. 93. Оп. 1. Д. 34. Л. 81.

истории и культуры; границы заповедных зон, охранных зон и зон особого регулирования застройки; правила застройки в указанных зонах[367].

В 1966 г. правительство СССР утвердило технико-экономические основы генерального плана развития г. Москвы. Решение предполагало максимальное развитие городского транспорта и «улучшение и развитие архитектурно-планировочной структуры города в соответствии с требованиями современного градостроительства»[368]. Проекты реконструкции, которые разрабатывались в связи с выполнением правительственного задания в Институте Генплана и архитектурных мастерских Моспроекта, поставили под угрозу не только отдельные здания, но и целые исторические кварталы Москвы. Инспекция охраны памятников совместно с Московским отделением ВООПИК проводила обследование частей Москвы, попадающих под реконструкцию: Тверского бульвара, Кадашевской слободы, ул. Станкевича [Вознесенский пер.] и др.[369] Вновь поднимался вопрос о необходимости утверждения охранных зон и сохранения исторической среды памятников архитектуры. Однако с такой точкой зрения не были согласны архитекторы. Н. Ф. Евстратов, к примеру, жаловался, что «тов. Соболев (инспекция) и его сотрудники иногда к нам, планировщикам, предъявляют очень тяжелые требования, устанавливая охранные зоны, которые парализуют нам целые районы и которые значительно усложняют жизнь города»[370].

Несмотря на призывы общественности к широкому обсуждению плана реконструкции, он был принят правительством в рабочем порядке. В постановлении СМ СССР по этому вопросу были отмечены достижения советских архитекторов и градостроителей, создавших «ряд уникальных зданий и сооружений»: МГУ на Ленинских горах, Центральный стадион им. В. И. Ленина

---

[367] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 137. Л. 31.
[368] «О технико-экономических основах генерального плана развития г. Москвы». Постановление СМ СССР от 09.09.1966 № 736. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=21540 (дата обращения: 17.07.2013).
[369] ЦГА г. Москвы, ЦХД ЛС. Ф. 93. Оп. 1. Д. 34. Л. 169.
[370] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 25. Л. 16, 76-89.

в Лужниках, Кремлевский Дворец съездов, гостиницу "Россия", и проложивших новые столичные магистрали: проспекты Ленинский, Кутузовский, Комсомольский, Маркса, Мира, Калинина. ЦК КПСС и СМ СССР одобрили генеральный план развития города и признали необходимым размещение нового жилищного, коммунального и культурно-бытового строительства на новых территориях, а также в сложившихся частях города за счет реконструкции районов старой малоценной застройки; реконструкцию старых кварталов с увеличением ширины транспортных магистралей; реконструкцию и развитие городского центра в пределах Садового кольца; дальнейшее строительство крупных архитектурных ансамблей, придающих городу характерный облик и красоту; создание между Московской кольцевой автомобильной дорогой и Садовым кольцом двух новых кольцевых магистралей [371]. Специалисты и активисты охраны архитектурного наследия в этой программе увидели масштабные утраты исторической застройки и многочисленных памятников архитектуры. Никого не ввел в заблуждение пункт постановления о «сохранении своеобразия исторически сложившегося архитектурного облика г. Москвы путем проведения мероприятий по охране, реставрации и включению в городские ансамбли памятников архитектуры, искусства, культуры и истории, а также сохранении некоторых наиболее ценных в архитектурном отношении частей застройки старой Москвы в качестве памятных заповедных мест».

Позиции архитекторов-проектировщиков ГлавАПУ и архитекторов-реставраторов по вопросам сохранения исторической застройки Москвы разительно не совпадали. Стоит привести несколько характерных примеров. Известно, какое негодование вызывало у реставраторов и искусствоведов строительство гостиницы в Зарядье. П. Д. Барановский в 1959 г. даже сделал попытку вызвать на суд чести Союза архитекторов автора проекта Д. Н. Чечулина[372]. Иначе оценил последствия этого строительства бывший в то время

[371] «О генеральном плане развития г. Москвы». Постановление СМ СССР от 03.06.1971 № 354. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=15328 (дата обращения: 17.07.2013).
[372] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 26. Л. 130.

Главным архитектором г. Москвы И. И. Ловейко: «… Как она великолепно укладывается – масштабно … Она дает столичный характер. И в то же время, возьмите – как [он] поступил с памятниками. Он их восстановил. И они дают наслаждение людям. Я наслаждаюсь Английским двором. Там расчищено наслоение. Теперь я это вижу. Когда мы говорим о реконструкции ценного … нужно подходить не с точки зрения консервации и любования, а творчески и … с точки зрения жизни. Не должно быть города-музея, города-памятника, города заповедного. … Что аварийно и не ценно, необходимо сломать, а на этих местах ставить новые здания современной архитектуры и из новых материалов...»[373]. В подобном же ключе высказывался и Главный архитектор столицы М. В. Посохин. Он уверял, что по генеральному плану сноситься будет только то, что «отбрасывает жизнь, только то, что пришло в ветхость … и не может оставаться для того, что будет возникать в этом центральном ядре. Снос ветхого фонда жилья составляет 25-27% от существующего фонда», а новое строительство будет вестись соразмерно оставшимся постройкам[374]. Экспериментальный проект детальной планировки (ПДП) Калининского района г. Москвы, где было сосредоточено значительное количество памятников архитектуры, по мнению его разработчиков – архитекторов Моспроекта, мог служить эталоном бережного и внимательного подхода к исторической застройке Москвы[375]. Он предусматривал расширение улиц и переулков, которые «не в состоянии выдержать транспортные потоки»; выселение жителей, «полный снос ветхого и малоценного жилого фонда», что составляло по их подсчетам около 26 % жилья; снос капитального «морально-устаревшего» мало- и среднеэтажного жилого фонда[376]. Очень ярко выразил свое отношение к сохранению памятников архитектуры во время

---

[373] Стенограмма расширенного заседания Правления МОСХ по обсуждению проекта детальной планировки центра Москвы в пределах Садового кольца. Декабрь 1973 г. // РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 227. Л. 166.

[374] Там же. Л. 10.

[375] Калининский район Москвы после административной реформы 1969 г. - центральный район, расположенный на востоке города. Включал территории, прилегающие к современным проезду Серова, ул. Маросейке и Покровке, Лефортово. Восточная граница района проходила в районе Школьной ул.-пл. Ильича.

[376] Стенограмма, 11.08.1971 // ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1931. Л. 37-42.

обсуждения реконструкции центра Москвы в мае 1974 г. Б. И. Тхор, руководивший в 1970-х-1980-х гг. проектной мастерской № 6 управления Моспроект-2: «Если мы … будем таким образом сохранять культурно-историческое наследие, … если мы будем думать о том, что сохраняя фабрику «Красный Октябрь» на Стрелке, на той великолепной Стрелке, которая является украшением сердца города и является своеобразной жемчужиной, мы сохраним памятник … то никогда не создадим великого города, каким была Москва…». Для Б. И. Тхора наступил тот «великий момент», когда возможно не консевировать, а привести в систему этот «хаотически развивающийся город»[377].

Можно предположить, что заявления известных московских архитекторов о бережном отношении к наследию, о необходимости сноса лишь ветхих и малоценных зданий, и о строительстве, со-масштабном с существующей исторической застройкой, были искренними. Однако они не всегда соответствовали действительности и не совпадали с мнением о проектах тех деятелей, которые действительно стремились к сохранению архитектурного наследия и исторического своеобразия города. Даже достаточно высокая цифра 26-27% сноса вызывала сомнения. Многие считали, что в проектах архитекторов она сознательно занижена[378]. Так, полному сносу подлежала историческая застройка от здания Манежа до бассейна «Москва», все Замоскворечье кроме нескольких архитектурных памятников. По мнению художника, члена ВООПИК Б. А. Тальберга, ПДП центра предполагал охрану и реставрацию только состоящих под охраной объектов, «обрекая на гибель не попавшие [под государственную охрану – Н. П.] в силу различных причин, а также вновь выявленные памятники». Он считал, что огромные площади центра, идущие по ПДП под снос, приведут к невосполнимым потерям. Анализируя проекты реконструкции центра, П. П. Ревякин сделал вывод, что фактически в нем нет предложений по восстановлению, реставрации, ремонту и использованию исторической застройки, а речь идет лишь о сносе, единственной причиной

[377] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 225. Л. 98-100.
[378] РГАЛИ. Д. 227. Л. 18.

которого ГлавАПУ называет ветхость, что не всегда соответствует действительности [379] . Председатель правления МОСА Ю. П. Платонов рекомендовал вести «реконструктивную прополку» крайне осторожно, так как часто под поздней штукатуркой скрыты ценнейшие образцы древней архитектуры. Он предлагал искать пути сохранения всего историко-архитектурного наследия [380] . Кроме того, архитекторы-реставраторы и искусствоведы приводили многочисленные примеры того, что новые современные постройки своими размерами буквально «убивают» памятники архитектуры и целые исторические кварталы, например, все та же гостиница Россия – «чемодан, который уничтожает ансамбль Москвы». Называли также гостиницу Интурист в начале ул. Горького, кинотеатр «Россия» на площади Пушкина и др. [381] Ю. П. Платонов в докладе в мае 1974 г. деликатно рекомендовал московским архитекторам «расширить палитру композиционных приемов» сочетания сложившейся и новой застройки и использовать не столько контрастный прием, как, например, в случае церкви Симеона Столпника на проспекте Калинина, сколько со-масштабность[382].

К середине 1970-х гг. в среде специалистов сложилось устойчивое убеждение, что ценность большинства московских памятников архитектуры (ок. 80%) заключается прежде всего в том, что они должны «жить в окружении, в градостроительной среде», и необходим инструмент решения этой крупной и важной градостроительной проблемы [383] . Сотрудники ГИОП видели такой инструмент не в «спорадическом решении вопроса», а в системном подходе. В этих новых условиях, при поддержке общественности и совместно с Московским отделением ВООПИК Инспекция сконцентрировала усилия не столько на выявлении отдельных памятников, сколько на разработке программы сохранения исторической застройки центра Москвы в пределах Садового кольца. Свое главное внимание уделял этой работе новый начальник инспекции А. А. Савин,

[379] Там же. Л. 120, 141-151.
[380] Там же. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 225. Л. 1.
[381] Там же. Д. 163. Л. 14-15; Д. 210. Л. 30.
[382] Там же. Д. 225. Л. 7.
[383] См. Стенограмма 23 мая 1974 г. // Там же. Д. 253.

заменивший Н. Н. Соболева в 1972 г. Он также признавал, что с конца 1960-х гг. в дополнение к традиционным проблемам большую роль приобрел градостроительный аспект проблемы охраны. В качестве решения он видел создание системы планировочных ограничений – зон регулируемой застройки, особого режима реконструкции, заповедных и охранных зон.

Концепция охранных зон в этот период получила значительное развитие. Если в 1950-е гг. охранная зона определялась как участок земли вокруг отдельного памятника, на котором запрещено строительство, то в 1970-е она уже представляла собой сложный комплекс зданий, сооружений и прилегающей территории. Приблизительно 20% составляли собственно охраняемые памятники архитектуры, около 50% (или 1600 зданий по всему городу) – здания, представляющие историческую или художественную ценность, и остальные – не представляющие таковой. Причем, по оценке инспекции, большая часть последних 30% тем не менее представляла собой добротные капитальные сооружения, не подлежащие сносу. В 1974 г. были определены границы 209 охранных зон из предположенных 230. ГИОП Москвы видела свою задачу в детальном проектировании всех охранных зон, но работа тормозилась по причине недостаточного финансирования. По мнению А. А. Савина, полная стоимость проектных работ должна была составить от 500 до 600 тыс. рублей[384]. Проблемами были недоработанность законодательства, поскольку включение здания в территорию охранной зоны без придания статуса памятника не являлось гарантией от сноса, а также функциональное использование. ГИОП предлагала ограничить количество пользователей охранной зоны до одного-двух, чтобы иметь возможность строгого контроля.

Работа по изучению исторической подосновы города и оформлению охранных зон, начатая еще в начале 1960-х гг. переросла в проектирование зон регулирования застройки, охватывавших значительные территории в местах наибольшего сосредоточения историко-архитектурных объектов, в которых границы охранных зон накладывались друг на друга. С 1969 г., также по заказу

[384] Там же. Д. 253. Л. 62-68; Д. 254. Л. 50-55.

инспекции, проводилось комплексное изучение всей территории древнего центра Москвы в пределах Садового кольца. К середине 1970-х гг. были обследованы территории Китай-города, ул. Чернышевского - Б. Хмельницкого [Маросейка-Покровка], Ивановской горки, Волхонки, Заяузья и Арбата. За единицу обследования был принят квартал. Результаты обследования включали: схему эволюции планировки с древнейших времен; характеристику первоначального и современного использования здания; периодизацию построек; историко-художественную оценку сооружений. По мнению специалистов, последствием создания историко-архитектурных подоснов кварталов должно было стать их «продуманное сохранение и активное включение в застройку столицы, а не примитивная консервация» зданий[385]. Важным результатом работы инспекции стало утверждение в 1973 г. девяти заповедных зон столицы[386]. Ими были признаны Китай-город, Арбат, Заяузье, Замоскворечье, Петровка-Кузнецкий мост, улицы Кропоткинская [Пречистенка], Герцена и Воровского [Б. Никитская и Поварская], Кирова [Мясницкая], Б. Хмельницкого – Чернышевского [Маросейка-Покровка]. Общая площадь заповедных зон составила около 17 % территории городского центра, на которой было расположено 210 памятников архитектуры и 47 памятников истории и культуры[387].

Согласно Закону 1976 г. об охране памятников культуры заповедные зоны классифицировались как «памятники градостроительного искусства». Их концепция не предусматривала создание действительных заповедников. Скорее, их смысл заключался в постоянном процессе соблюдения особого режима содержания, ремонта и реставрации, поддержания исправного технического состояния, благоустройства территорий, обновления функционального назначения зон и отдельных сооружений. Разработка проектов проводилась по

---

[385] Там же. Д. 225. Л. 7.

[386] «О создании заповедных зон в центральной части г. Москвы в пределах Садового кольца и режиме их застройки». Решение Исполкома Моссовета от 28.11.1973 N 45/3 (действовало до 28.07.2009). Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MLAW;n=17163 (дата обращения: 18.07.2013).

[387] План заповедных зон Москвы см. Приложение 21.

заказу ГИОП, а сами мероприятия должны были в соответствии с законодательством осуществляться на средства районных Советов депутатов и организаций-пользователей. С начала разработки заповедных зон вплоть до окончания советского периода застройка в них в основном сохранялась на середину 1970-х гг. В 1974-1980 гг. были выполнены предпроектные предложения функционального использования заповедных зон и проекты организации первоочередных участков; проведены разного рода ремонтные работы на 180 зданиях-памятниках и 1200 строениях рядовой застройки. В 1978-1982 гг. разрабатывались предпроектные материалы (генпланы, схемы организации движения, развертки застройки и пр.) улиц Арбат, Столешников переулок, 25 Октября [Никольская], Кузнецкий мост. В 1985 гг. был закончен первый этап создания пешеходной зоны Арбата.[388]

По признанию А. А. Савина, к середине 1980-х гг. безостановочный процесс реконструкции Москвы достиг такого рубежа, после которого дальнейшие качественные и количественные изменения, как то снос целых участков старой застройки, строительство крупных, дисгармонирующих со сложившейся средой объектов, расширение и ликвидация улиц и переулков вели к потере исторического облика Москвы[389]. В целях остановки или замедления этого процесса ГИОП (с 1984 г. – УГК ОИП) в 1980-е гг. продолжала работу над расширением и углублением градостроительного аспекта сохранения архитектурного наследия Москвы. Следующим ее этапом, вытекающим из проектирования охранных и заповедных зон, стала разработка программы «Архитектурное наследие». Общие затраты на ее выполнение предполагались в размере более 1, 5 млрд. руб.[390] Основными задачами программы называлось

---

[388] Савин А. А. Формирование заповедных зон столицы // Архитектура и строительство Москвы. – 1986. – № 6. – С. 2-8.

[389] Его же. Сохранение архитектурного наследия. Проблемы решенные и нерешенные // Там же. 1987. – № 6. – С. 3-6. См. также Приложение 16. Утраты архитектурного облика Москвы (1966-1971 гг.).

[390] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 210. Д. 9. Л. 19-22. См. также «Об улучшенииохраны и использования недвижимых памятников истории и культуры г. Москвы и утверждении программы «Архитектурное наследие». Решение Исполкома Мосгорсовета от 01.09.1988 № 1853 (Архив Мосгорнаследия); «О комплексной реконструкции и застройке в период до 2000

поднятие на качественно новый уровень роли архитектурного наследия в формировании облика Москвы. Для этого признавалось необходимым сохранение города как памятника градостроительного искусства и сохранение недвижимых памятников в условиях их продолжающегося использования. На практике выполнение этих задач должно было обеспечиваться следующими мерами: приданием историческому центру Москвы в границах конца XVIII-начала XIX вв. статуса памятника градостроительства; формированием в пределах Садового кольца единого центрального планировочного городского района с подрайонами «Занеглименье» (запад), «Заяузье» (восток), «Междуречье» (север) и «Замоскворечье» (юг); создание ГУРП (Главного управления по реставрации и использованию недвижимых памятников истории и культуры) и других специализированных производственных и научных организаций для осуществления большой программы реконструкции исторических объектов. С 1987 г. целым рядом проектных мастерских и институтов велась разработка ПДП центра Москвы с учетом сохранения культурного наследия. После рассмотрения в Главмоскомархитектуре и Моссовете, 17 апреля 1989 г. проект был одобрен Экспертно-консультативным общественным советом при Главном архитекторе города. В виде «Основных положений» в марте 1990 г. он был направлен на согласование в правительство.[391]

IV.4. Проблемы использования и реставрации памятников архитектуры

Как было показано в предыдущих главах, вопросы использования были одной из наиболее острых проблем в деле охраны и сохранения памятников архитектуры. Ситуация продолжала оставаться не менее сложной и в период, рассматриваемый в настоящей главе. Даже те здания, которые

года исторически сложившегося центра г. Москвы». Постановление СМ СССР от 24.09.1987 N 1101. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=7937 (дата обращения: 18.07.2013)

[391] Наш центр. Хроника событий. // Архитектура и строительство Москвы. - 1990. - № 7. - С. 5.

правительственными постановлениями предназначались к «музейному показу», не были приведены в порядок[392]. К ним относилась, к примеру, церковь Покрова в Филях, в которой до 1963 г. находился склад, а реставрация завершилась лишь к 1980 г. [393] Не в лучшем положении находились и другие важнейшие архитектурные памятники. Так, собор Богоявленского монастыря, несмотря на проведенные реставрационные работы, оставался без главы до 1990 г. Отселение жильцов из Донского монастыря закончилось только в 1973 г., а реставрация после этого не проводилась еще в течение длительного времени[394]. В 1967 г. отделение ВООПИК Пролетарского района предложило идею организации музея архитектуры и истории Крутицкого дворца в здании Митрополичьих палат Крутицкого подворья, которую поддержала и Инспекция по государственной охране памятников архитектуры Москвы. Однако вопреки своему же решению от 4 апреля 1967 г., она заключила договор на сдачу здания в аренду под конторское использование Областного управления культуры, за что подверглась критике со стороны ВООПИК. Крутицкое подворье, якобы отреставрированное еще в 1946 г., тем не менее неоднократно фигурировало в разных справках и постановлениях как выдающийся памятник, подлежащий немедленному восстановлению [395] . В 1967 г. Московское отделение ВООПИК вновь ходатайствовало о проведении там реставрационных работ [396]. В результате неправильной эксплуатации в «неприглядном» состоянии находились Симонов монастырь (общество «Рыболов-спортсмен»), церковь Никиты Мученика (Межобластная база Роскультпромсбыта), Даниловский монастырь (Московский детский приемник-распределитель). В 1967 г. своим постановлением Моссовет признал, что 637 памятников архитектуры используется в хозяйственных целях, под производственные, складские и административные помещения[397]. Однако дальше постановления дело не пошло. Анализ использования памятников

[392] См. гл. III.
[393] ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 265. Л. 30-30 а.
[394] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 225. Л. 91.
[395] О Крутицком подворье см. гл. III.
[396] ЦГА г. Москвы, ЦХД ЛС. Ф. 93. Оп. 1. Д. 34. Л. 116-118.
[397] Там же, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 142. Д. 37. Л. 113.

архитектуры, проведенный в 1974 г. Московским отделением ВООПИК показал следующую картину: около 40% всех памятников архитектуры, находящихся на государственной охране, и объектов дополнительного списка, одобренного Моссоветом, использовались в наибольшем соответствии с законодательством – с сохранением их историко-культурного значения и обеспечения возможности осмотра интерьеров, то есть под музеи, выставки, концертные залы, библиотеки и государственные учреждения конторского типа. Последние, хотя и не имели предусмотренной законом «историко-культурной» функции, не были выделены комиссией ВООПИК в отдельную категорию. Таким образом, можно предположить, что на самом деле процент зданий, используемых под учреждения культуры, был намного ниже, чем 40%. Еще около 30% всех памятников архитектуры было приспособлено под жилье. По заключению комиссии ВООПИК, из всей этой большой группы памятников только единицы более или менее удовлетворяли элементарным требованиям содержания памятников архитектуры; эксплуатация этих зданий ЖЭКами «приводит их к прогрессирующему разрушению, искажению ценнейших деталей и планировки». В качестве примеров «безобразного состояния памятников, используемых под жилье» приводились постройки в Кадашевской слободе (вокруг Третьяковской галереи и церкви Вознесения); деревянный дом XIX в. в Самарском переулке, палаты XVII в. на улице Осипенко [Садовническая], 55, на ул. Льва Толстого, 10, палаты начала XVIII в. на Б. Ордынке,7. Около 10% памятников были заняты лечебными учреждениями: Градские больницы на Ленинском проспекте, Екатерининская у Покровских ворот, НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифософского, дом А. И. Губина на Петровке, дом И. Р. Баташова (Яузская больница). Хотя многие из этих зданий и предназначались при строительстве для лечебных целей, за столетия своего служения они устарели. В советское время их постоянно приспосабливали и перестраивали под современные нужды, что привело к искажению внешнего вида и разрушению ценных интерьеров. Так, например, в доме Губина рентгеновское оборудование установили в помещении с росписями, где не разрешается яркое освещение. К последней группе

пользователей (более 20% или каждый пятый памятник в городе) относились различные лаборатории, склады, производства с механизмами, наличием горючих материалов, размещение которых в памятниках противоречило всяким законам и инструкциям[398]. В их число, тем не менее, входили церкви Вознесения у Никитских ворот и Никиты Мученика, усадьба Кузьминки, Рождественский монастырь (ВНИИпромгаз), Даниловский монастырь (завод Искра вместо детского приемника), Симонов монастырь, церковь Троицы в Кожевниках (Лифтремонт), Рождества в Старом Симонове (комплекс завода Динамо), церковь Григория Неокессарийского (производство «Гостеосвет» Министерства культуры СССР) [399] . «Чувство горечи и стыда» вызывали Богоявленский собор (ГИПРОНИИ Министерства культуры РСФСР), Заиконоспасский монастырь, церковь Всех святых на Кулишках (Главное управление культуры Моссовета).

Если, по словам В. И. Балдина, председателя Московского отделения ВООПИК, «состояние памятника обуславливает его практическое использование», то в не меньшей степени его обуславливает и своевременное проведение ремонтных и реставрационных работ. Тем не менее, с этой частью деятельности инспекции тоже не все обстояло благополучно. Как уже указывалось в предыдущей главе, в послевоенный период и руководители инспекции по государственной охране памятников, и специалисты-реставраторы, и общественность неоднократно обращались в партийные органы и Моссовет с требованиями о выполнении советского законодательства в части создания производственно-реставрационной мастерской. Тем не менее, она не была организована. В 1970-х гг. несколько реставрационных организаций проводили работы на московских памятниках: ВНРП комбинат Министерства культуры СССР, Трест Росреставрация Министерства культуры РСФСР, Трест Мособлреставрация, Реставрационная мастерская ВООПИК. Но они также выполняли большие объемы работ вне Москвы. Поэтому ежегодно значительные суммы по московским объектам оставались неосвоенными: в 1970 г. - 3,5 млн.

[398] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 225. Л. 21-24.
[399] ЦГА г. Москвы, ЦХД ЛС. Ф. 93. Оп. 1. Д. 34. Л. 84.

руб., в 1971 – 2,5 млн. руб., в 1972 – 2,3 млн. руб., в 1973 – 2,5 млн. руб.[400] А. А. Савин не раз подчеркивал: «отсутствие единой централизованной реставрационной проектно-исследовательской организации – это проблема всех проблем»[401].

Положение в области проведения реставрационных работ стало выправляться лишь в конце 1980-х гг. По справке МГК КПСС, ежегодно проводились ремонтные и реставрационные работы на 150-170 объектах, всего же в течение 10-й и 11-й пятилеток (1976-1980 и 1981-1985) были отремонтированы 430 памятников. Объемы работ на локальных памятниках архитектуры к 1987 г. увеличились по сравнению с 1976 г. с 4, 2 млн. руб. до 22 млн. руб. Тем не менее, 27 памятников архитектуры были признаны аварийными, а 350 требовали проведения срочных ремонтно-реставрационных работ. Кроме того, в неудовлетворительном состоянии находилось 7500 строений, представлявших историческую ценность [402] . Изменение функционального назначения зданий-памятников архитектуры происходило с большим трудом. Так, например, еще в 1981 г. Министерство культуры РСФСР вошло с ходатайством в МГК КПСС о размещении Музея Москвы в помещении Старого гостиного двора на ул. Куйбышева, д. 4 [ул. Ильинка]. Здание находилось в запущеном состоянии и использовалось под конторские, складские и производственные цели. По мнению Министерства культуры, после проведения реставрационных работ обширные помещения (47, 5 тыс. кв. метров) идеально подходили для размещения экспозиции. Идея прошла согласование в Мосгорисполкоме. Было предложено поэтапное отселение 107 арендаторов в течение 1982-1987 гг. ГлавАПУ подготовило список строений, выделенных для размещения выводимых организаций и определило ориентировочную стоимость проектных работ. Вопрос рассматривался на заседаниях МГК КПСС.[403]. По записке для секретаря МГК КПСС Б. Н. Ельцина, подготовленной в марте 1987 г.,

---

[400] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 225. Л. 25.
[401] Там же. Д. 254. Л. 55; Д. 253. Л. 63 и др.
[402] Писарев И. Указ. соч.
[403] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 196. Д. 95. Л. 107-113; Д. 89. Л. 114.

здание занимали уже 132 арендатора; «предварительными проработками определена возможность использовать здание под выставочно-экспозиционный комплекс с элементами торговли … вопрос об использовании подготовлен к рассмотрению на Совете по градостроительству»[404]. Как известно, реконструкция здания была осуществлена в конце 1990-х гг.

В связи с реализацией программы «Архитектурное наследие» в 1987 г. предполагалось реформирование УГК ОИП и образование Главного управления по реставрации и эксплуатации памятников истории, культуры и архитектуры г. Москвы (ГУРП) с подчинением его Исполкому Моссовета. Предполагалось, что оно будет решать весь комплекс задач охраны памятников, включая реставрацию и реконструкцию, и одновременно будет выполнять роль государственного заказчика. В составе ГУРП планировалось наконец создать городскую Научно-производственную мастерскую по реставрации на базе реставрационного подразделения Главмосремонта. До наращивания ее мощностей восстановительные работы в Москве, как и прежде, должны были производить государственные объединения «Союзреставрация» и «Росреставрация». Однако в рассматриваемый период эта кардинальная реорганизация не была осуществлена[405].

IV.5. Общественная деятельность в области охраны памятников архитектуры

В 1960-е-1980-е гг. активность общественности в вопросах охраны и сохранения памятников архитектуры была настолько велика и многообразна, что ей, без сомнения, может быть посвящено отдельное исследование. В рамках настоящей работы соискатель попытался произвести хотя бы краткую классификацию как разных категорий общественности, так и направлений их деятельности. В первую очередь, безусловно, следует отметить созданное в 1966

[404] Там же. Оп. 218. Д. 53. Л. 37.
[405] Проект организации ГУРП // ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 218. Д. 53. Л. 29-35.

г. ВООПИК. Как уже говорилось, общество создавалось под строгим идеологическим контролем ЦК КПСС и быстро превратилось в полугосударственную бюрократическую организацию. Помимо членских взносов, с 1967 г. оно финансировалось из государственного бюджета[406]. Тем не менее, благодаря усилиям ВООПИК проводилась реставрация многих памятников архитектуры, например, уже неоднократно упоминавшегося Крутицкого подворья. Большую работу проводили активисты местных отделений. В секции градостроительства и искусства Московского отделения ВООПИК работали члены МОСА и МОСХ, которые принимали непосредственное участие в организации Всероссийского общества: А. Н. Лужецкая, Н. М. Верченко, П. Д. Барановский, В. П. Тыдман и др. Круг вопросов, выносимых на их заседания, охватывал все сферы охранной деятельности, и прежде всего, борьбу за физическое сохранение памятников, которым угрожал снос, а также вопросы использования и реставрации. Совместно с Инспекцией по охране памятников проводились обследования районов Москвы и выявление новых памятников; обсуждались дополнительные списки. Секция обращалась в государственные и партийные организации Москвы по вопросам незаконного сноса и нарушения охранных зон. В частности, активные меры члены секции принимали для реставрации церкви Введения в Барашах, недопущения строительства производственного корпуса типографии и уничтожения исторических зданий в районе Меньшиковой башни (Телеграфный пер.), сохранения Кадашевской слободы[407]. Не менее активно действовали и районные отделения ВООПИК. Например, в отчете Октябрьского отделения указывалось, что в 1972-1973 г. им было выявлено 100 зданий, представляющих историко-архитектурную ценность. Отделение вело многолетнюю борьбу за сохранение и комплексную реконструкцию архитектурных сооружений Нескучного сада – памятника садово-парковой культуры; требовало от исполкома райсовета

[406] См. Распоряжение СМ РСФСР от 15.06.1967 № 1555-р. Опубл. В: Охрана памятников истории и культуры. С. 167.
[407] См. более подробно протоколы заседаний 1966-1968 гг. // ЦГА г. Москвы, ЦХД ЛС. Ф. 93. Оп. 1. Д. 34.

ускорить реставрацию церквей Григория Неокессарийского и Воскресения в Кадашах, выступало за сохранение фабрик «Красный Октябрь» и «Красные текстильщики» (Якиманская набережная) как памятников трудовой славы и революционного движения[408].

Следует отметить такую важную инициативу ВООПИК, как создание Общественной инспекции. В 1968 г. секция градостроительства Московского отделения ВООПИК выступила с предложением воссоздать группу общественных инспекторов для оказания помощи государственной инспекции[409]. Было разработано «Положение об общественных инспекторах». Планировалось, что каждый инспектор прикрепляется к одному или нескольким конкретным памятникам и будет наблюдать за их техническим состоянием и благоустройством прилегающей территории, производить фотофиксацию, составлять отчеты и передавать всю информацию в государственную инспекцию. Инспекторы должны были отчитываться и перед инспекцией, и перед секцией градостроительства [410] . Однако общественная инспекция была фактически организована только через десять лет, в 1977 г., к третьему съезду Московского отделения ВООПИК. Тогда же были приняты ее Устав и Положение. Инспекция объединила более 30 человек. Ее руководителем был самоотверженный активист В. П. Апенин, заместитель председателя Совета Московского городского отделения ВООПИК. Своей главной задачей инспекция видела контроль за правильным использованием памятников, выявление и устранение нарушений, в том числе постоянный контроль за работой ГИОП (с 1984 г. – УГК ОИП) и буквальную охрану памятников от возможного сноса. В. П. Апенин в своих заметках жестко критиковал УГК ОИП за формальное отношение к охране памятников: «Основная вина в утрате ценной исторической застройки ложится на [УГК ОИП] … к вопросам сохранения исторической застройки, а иногда и памятников, здесь относятся непринципиально, а порой и просто безразлично… Работа инспекции во многом помогала Управлению, но с недавних пор стала для

[408] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 225. Л. 91-97.
[409] Эта идея существовала сразу после войны. См. гл. III.
[410] ЦГА г. Москвы, ЦХД ЛС. Ф. 93. Оп. 1. Д. 34. Л. 163.

него обременительной… В последнее время исключительно силами общественности на самых высоких уровнях поднимались вопросы о необходимости сохранения такого уникального памятника … как Кузнецкий мост и палаты XVIII в. (Бакунинская ул., 24). Силами общественной инспекции контролируется сохранность … дома Станкевича» [Б. Афанасьевский пер., д. 8 - НП]. В. П. Апенин приводил и другие примеры равнодушного отношения УГК ОИП к памятникам, в частности, к усадьбе Разумовских, находящейся в аренде у НИИ Физкультуры и доведенной ею до полного разрушения: «управлением давались предписания, было обращение в прокуратуру, но дело до конца не доведено. Ни одно предписание … не проконтролировано, не доведено до окончательного решения… Пришла пора управлению в соответствии с новыми требованиями пересмотреть свое отношение к вопросу сохранения памятников истории и культуры. Необходимо большее значение придавать результативности. А с этой целью необходимо восстановить утраченную связь с общественностью, ибо в деле охраны памятников она играет далеко не последнюю роль»[411].

В 1980 г. по инициативе Московского отделения ВООПИК стартовал еще один проект, который заключался в организации субботников и воскресников на местах реставрационных работ. Эту деятельность координировала секция по шефству над памятниками истории и культуры, возглавляемая инженером, членом ВООПИК В. Д. Ляпковым. Он был одним из первых энтузиастов-добровольных помощников реставраторов, которые в начале 1970-х гг. участвовали в восстановлении Крутицкого подворья. Во многом благодаря личным усилиям В. Д. Ляпкова секция в 1980-х годах разрослась до 70 человек, а «реставрационные» субботники стали популярным видом отдыха москвичей в выходные дни. В первые годы секция ежегодно организовывала около 20 субботников, а к 1983 г. их число достигло 100. В работах на 40 объектах за год приняло участие 9000 человек. Энтузиасты работали на таких объектах, как дом дворцового ведомства на Зубовском бульваре, церковь Троицы в Кожевниках,

[411] Апенин В. П. Добровольные помощники // Архитектура и строительство Москвы. – 1986. – № 1. – С. 25; его же. Восстановить связь с общественностью // Там же. 1986. № 12. С. 20; Михайлов К. П. Вадим Палыч // Архнадзор. – 12.04.2011 . Режим (дата обращения: 20.07.2013).

дом Аксакова в Сивцевом Вражке, усадьба Кусково[412]. Один из активистов движения, инженер В. Н. Головань в январе 1984 г. обратился с письмом в МГК КПСС, в котором негодовал по поводу того, что полезная инициатива москвичей не находит должного освещения в прессе. Газета «Московский комсомолец» была единственным печатным органом, помещавшим информацию о субботниках. Головань писал: «Неужели патриотизм, любовь к родному городу присущи только комсомолу? … мне 40 лет, я не выписываю «МК» и вынужден посещать читальный зал библиотеки … Библиотека не винный магазин, ее не найдешь на каждой улице … Ведь это же Великий почин, это культурная революция! … На субботниках много молодежи; они не пошли в бары и дискотеки … не стали обезьянничать под американскую музыку, а пришли возрождать постройки своих дедов и прадедов… На наших субботниках не золотая молодежь, а стальная»[413].

В письме В. Н. Голованя была искренне выражена позиция многих москвичей. Обращения разного рода в партийные и государственные органы и в прессу составляли значительну часть общественного движения за охрану памятников архитектуры. Их писали и от имени общественных организаций, и от неорганизованных групп граждан, и индивидуально. Безусловно, наибольший вес имели обращения в ЦК КПСС известных представителей науки и искусства. Последние продолжали активную деятельность и после принятия решения об образовании ВООПИК, требуя дальнейших преобразований в области охраны памятников. Так, в начале января 1966 г. президент Академии художеств В. А. Серов, первый секретарь правления СХ СССР Б. В. Иогансон и секретарь правления СА СССР В. Н. Белоусов подписали совместное письмо в ЦК от имени своих творческих союзов. В нем предлагалось принять постановление ЦК КПСС и СМ СССР об улучшении использования в коммунистическом воспитании трудящихся памятников истории и искусства и об упорядочении их охраны. Обращение указало на необходимость обновления законодательства и создания

[412] Школа гражданственности // Архитектура и строительстсво Москвы. – 1986. – № 5. – С. 10-11.
[413] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 167. Д. 103. Л. 101 а.

центрального союзно-республиканского органа охраны памятников. В нем содержалось требование организовать разумную эксплуатацию памятников архитектуры. В феврале 1966 г. в ЦК КПСС обратилась группа художников с теми же требованиями образовать центральный орган охраны памяников и «по-хозяйски» организовать их использование. 25 марта 1966 г. в президиум ЦК КПСС написала группа ученых. Письмо подписали академики и доктора наук, сотрудники научных и учебных институтов, историки, археологи и искусствоведы А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков, В. Г. Вержбицкий, А. П. Смирнов, Н. Н. Воронин и ряд других общественных деятелей. Все эти письма были рассмотрены в ЦК и по их результатам составлена справка. В июле 1966 г. при Министерстве культуры РСФСР была учреждена Государственная инспекция по охране памятников истории и культуры, поэтому вопрос об учреждении всесоюзного правительственного органа было решено «отложить»[414]. Отдел культуры ЦК отказал общественности и в создании печатного органа для освещения вопросов охраны памятников культуры. Более того, в 1967 г. отдел пропаганды выразил неудовольствие тем, что в центральной прессе были опубликованы материалы с критикой постановки дела охраны памятников в СССР. В частности, гнев партийного руководства был направлен против опубликованных в газете «Советская культура» статей «Ярославские неурядицы» и «Суд в Ярославле» о потерях ценной фресковой живописи в результате неудовлетворительной реставрации[415]. Неудивительно, что эти и другие публикации 1965-1966 гг. о плачевном состоянии охраны памятников культуры вызвали раздражение в ЦК. Они побудили многих граждан взяться за перо. Так, скульптор А. Лысенко, активный член Бауманского районного отделения ВООПИК, в 1967 г. написал в МГК КПСС, что пора положить конец «ярославским неурядицам» в Москве. Он указывал на то, что арендатор собора

[414] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 157. Л. 1-8, 14-15, 18. Опубл. в: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965-1972. Документы. / Отв. ред. Томилина Н. Г. – Москва: Росспэн, 2009. – С. 137-140, 196-197, 201-202, 299-300.

[415] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 48. Л. 123-128. Опубл. в: Аппарат ЦК КПСС и культура. С. 301-305. Данные статьи не цитируются в настоящей работе, т. к. в них не затрагивались проблемы памятников Москвы. О критических публикациях в прессе этого периода см. гл. III.

Сретенского монастыря (реставрационные мастерские им. И. Э. Грабаря) губит древние фрески собора. Лысенко требовал наказать начальника инспекции государственной охраны памятников Н. Н. Соболева, а нерадивых пользователей привлечь к суду[416].

Революционным пафосом проникнуты письма в газету «Правда» и в МГК КПСС, написанные в июле и августе 1967 г. при участии В. П. Тыдмана. Первое, названное «О социализме и культурном наследии», подписано группой профессоров, докторов наук, физиков и архитекторов, и, очевидно, предназначалось для публикации. Второе письмо В. П. Тыдман написал единолично. Оба письма обвиняют руководителей Москвы в нигилизме, субьективизме и мелкобуржуазности за допущенное уничтожение памятников архитектуры, а архитекторов-градостроителей – в «некритическом следовании образцам капиталистического мира». Скрупулезно перечисляя многочисленные факты недавнего разрушения памятников великой русской архитектуры в Москве во имя нового высотного строительства, В. П. Тыдман блестяще использовал весь набор коммунистической фразеологии газетных передовиц брежневского периода: «эти факты … наносят ущерб нашему престижу … подготавливают почву для проникновения с Запада вреднейших продуктов морального разложения капиталистического мира. Поневоле возникает вопрос, кому это нужно, как не нашим врагам, такое идейное разоружение советской молодежи в условиях сложнейшей международной обстановки и большой опасности для мира … Проводимая Мосгорисполкомом политика массового уничтожения памятников конечно не способствует привлечению иностранного туризма и росту доходов от него»[417].

В личном письме Тыдмана содержался подробный список памятников архитектуры, уничтоженных в течение 1960-х гг. В том числе, он упомянул снесенные в конце 1960-х гг. палаты XVII в. на ул. Герцена, 17 [Б. Никитская – Н. П.] и знаменитый дом М. И. Римской-Корсаковой на Пушкинской пл., 3,

[416] ЦГА г. Москвы, ЦХД ЛС. Ф. 93. Оп. 1. Д. 33. Л. 32-33.
[417] Там же, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 142. Д. 37. Л. 104-110.

известный как «Дом Фамусова», за которые московская общественность вела героическую борьбу на протяжении нескольких лет. Многочисленные петиции рассылались во все московские инстанции, в ЦК КПСС, министру культуры СССР Е. А. Фурцевой, министру культуры РСФСР Н. А. Кузнецову и в редакции газет. Не представляется возможным перечислить их все. В газету «Правда» в защиту дома Фамусова писали академики В. Виноградов, член пушкинской комиссии АН СССР Т. Цявловский, М. Нечкина, М. Храпенко, И. Майский, А. Ишлинский, А. Опарин. Неоднократно подписывали обращения писатели Л. Леонов, К. Чуковский, Л. Никулин, М. Смирнов, И. Андронников, академики И. Грабарь, М. Тихомиров, Б. Рыбаков, Б. Петровский, профессора, доктора наук Н. Воронин, А. Арцеховский, П. Ревякин, директор московской консерватории А. Свешников, художники П. Корин, С. Герасимов. Государственные чиновники, казалось, с пониманием относились к призывам деятелей культуры и вселяли в них надежду на позитивное решение вопроса.

Тем не менее, в ночь с 10 на 11 ноября 1967 г. воинское подразделение «варварски разрушило» здание на ул. Герцена. Несмотря на возражения инспекции по государственной охране памятников архитектуры г. Москвы и заключения НИИ теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры (Н. Ф. Гуляницкий) о состоянии дома Фамусова, он также был снесен в 1968 г.[418] Однако общественность не успокаивалась. В декабре 1969 г. группа из 13 человек во главе с Л. Г. и В. М. Широкоступ написала открытое письмо в президиум ВООПИК, председателю СМ СССР А. Н. Косыгину и министру культуры СССР Е. А. Фурцевой, а также в редакции журнала «Наука и жизнь» и газеты «Московская правда» с требованием опубликовать их письмо. Его авторы не столько жаловались на прошлые и возможные сносы отдельных зданий, сколько подробно и профессионально описывали масштабные проекты реконструкции Москвы, в результате которых были неизбежными массовые разрушения стоящих под государственной охраной памятников архитектуры и так называемой «рядовой» застройки, составляющей историческую канву города,

[418] См. ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 32, 42.

а именно: расширение улицы Димитрова, создание зеленой зоны между отводным каналом и трассой бульварного кольца, пробивку проспекта Калинина, проект строительства транспортного «полукольца», расширение Крутицкой набережной, «трассировку» Пролетарского проспекта, идею строительства транспортной развязки на Кропоткинской улице. Все эти проекты московских архитекторов были названы в письме «идеологической диверсией». В стиле той же коммунистической риторики, что и письма В. П. Тыдмана, авторы писали: «варварское истребление огромного количества памятников истории и культуры в связи с так называемой реконструкцией Москвы … вряд ли объясняется неграмотностью и невежеством проектировщиков. Дело без сомнения в идеологической стороне их деятельности … Во время Великой Отечественной войны немецкие фашисты уничтожали русскую культуру, прекрасно понимая, что они морально уничтожают народ, лишают его сильнейшего орудия. Теперешним фашистам на западе не надо физически уничтожать нацию. Все происходит, так сказать, на местах. Физическому уничтожению памятников и очагов русской культуры соответствует моральное уничтожение»[419].

Письмо в «Науку и жизнь» не было опубликовано, но оно не осталось без внимания в ЦК КПСС. К тому же оно было не единственным, а лишь одним из новой волны протестов против реконструкции Москвы, подписанных теперь уже не только известными деятелями искусства, но и учеными, академиками, казалось бы далекими от проблем архитектуры[420]. Так, например, в ноябре 1972 года в газету "Правда" написали академики Л. А. Арцимович, Б. А. Рыбаков и П. Л. Капица: «В проекте реконструкции Москвы запланировано полное уничтожение всей исторической застройки, от Манежа до бассейна "Москва" ... Нет в макете и улицы Волхонки с ее чарующими своей поэзией домами XVIII — нач. XIX века. Вместо нее … предполагается строительство нового музея Ленина, стеклянно-бетонного цилиндра, чудовищно диссонирующего своей архитектурой с Кремлем и домом Пашкова. Так же чужды исторической застройке проект

[419] Там же. Д. 265. Л. 78-85.
[420] Объекты, вызывавшие наибольшие протесты см. Приложение 15.

нового Дома дружбы на Арбатской площади и здание нового Литературного музея на улице Димитрова. Красные линии новых магистралей "зарезают", т. е. уничтожают, фронтальную застройку таких красивейших улиц старой Москвы, как Ордынка, Полянка, Пятницкая, Метростроевская, проспект Калинина (от бульвара до Кремля), Герцена, Качалова, Чехова, Карла Маркса (быв. Басманная), Баумана, Фрунзе и др. В связи со строительством нового транспортного полукольца ставятся под угрозу улицы Янышева, Грицевец, Огарева, Художественный проезд, Кузнецкий мост»[421]. Все многочисленные обращения известных и «рядовых» граждан, упомянутые и не упомянутые в настоящем исследовании, создали ту «критическую массу», которая вызвала реакцию власти. В 1976 г. Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу пришлось вмешаться и принять решение: «Нельзя допустить накала ‘страстей’ вокруг этой темы, которая может при определенных условиях получить нежелательный политический оттенок. Упомянутые мною представители творческой интеллигенции начинают писать "петиции" в центральные партийные и советские органы, которые становятся достоянием гласности. А жителей столицы, особенно коренных москвичей, этот вопрос, естественно, возбуждает»[422]. Вскоре после этого был опубликован Закон СССР от 29.10.1976 "Об охране и использовании памятников истории и культуры».

Опубликование закона, хотя и имело положительные последствия для охраны архитектурных памятников в стране, не отменило реконструкцию Москвы. Бюро МГК КПСС поручило Моссовету «упорядочить снос старых строений»[423]. Продолжалось строительство новых магистралей и новое жилое строительство с целью улучшения жилищных условий москвичей. Большой блок общественнного движения в области охраны памятников связан именно с этим процессом и заслуживает хотя бы краткого упоминания. Массовое выселение москвичей из центра столицы в благоустроенное жилье на окраинах было одним

[421] См. подробнее: Жирнов Е. Ураган варварских разрушений проносится по улицам // Коммерсант власть. – № 30. 03.08.2009. Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/1209430 (дата обращения: 12.04.2013).
[422] http://www.kommersant.ru/doc/1209430
[423] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 184. Д. 37. Л. 45.

из приоритетов московских властей. По словам М. В. Посохина, план реконструкции 1971 г. предусматривал снижение населения центра на 25-27 %. В 1973 г. он называл такие цифры: «не так давно было 900000 человек, сейчас 500000, а будет 240000» [424]. Председатель Исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, районные руководители объясняли выселение из центра заботой об улучшении жизни коренных москвичей, которые не хотят жить в коммунальных квартирах и антисанитарных условиях морально устаревших зданий прошлого века: «десятки жильцов пишут жалобы. Это – крик души. Что было делать с этими домами? Ремонтировать?» [425]. Действительно, часть граждан стремилась побыстрее покинуть старые дома и переехать в благоустроенные квартиры в новых районах. Об этом свидетельствует, например, Е. В. Трубецкая в воспоминаниях о спасении Красных и Белых палат в 1972 г. Но она же пишет, что многие не хотели выезжать из домов, где они родились, и сопротивлялись до последней возможности[426]. Это случайно признал и В. В. Гришин: «В большинстве случаев люди просят оттуда перевести не потому, что дома трехэтажные, а потому что плохо, тяжело там жить, а ехать из центра далеко не все хотят. Уезжают в Бибирево, Отрадное, Красный строитель и т. д., иногда с милицией их переселяют»[427]. Москвичи выражали свое недовольство в форме писем. В 1989 г. с открытым письмом к Главному архитектору Москвы Л. В. Вавакину обратился архитектор И. Г. Пацкин: «… каждая новая реконструкция или кампания – необходимая или бессмысленная – приводит к тому, что коренных москвичей бесцеремонно вышвыривают с их родных улиц и переулков … Центральные районы ‘очищаются' от их жителей как от ненужного мусора. Причем делается это по разным поводам, но всегда на ‘благо’ людей, у которых не спрашивают, нужно ли им это ‘благо’ переезда из центра на далекие окраины»[428]. Читатели

[424] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 227. Л. 10-12.
[425] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 153. Д. 171. Л. 8. См. также ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1931 и др.
[426] http://www.archnadzor.ru/2012/04/11/krasnoe-i-beloe/
[427] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 153. Д. 171. Л. 19.
[428] Архитектура и строительство Москвы. 1989. № 4. С. 19.

обращались в журнал «Архитектура и строительство Москвы»: «Живу на Сретенке. Я и мои соседи не понимаем, почему нас надо выселять из центра и центр перестраивать»; «при строительстве Олимпийского центра [1977-1980 гг. - НП] снесены дома на Мещанских улицах, а на их место поселили чиновников – кто будет жить в центре после реконструкции?»; «может быть, прекратить частично новое строительство и заняться реконструкцией старых зданий? Годами стоят они с черными провалами вместо окон…»[429].

Приведенные выше примеры отношения москвичей к проблеме архитектурного наследия доказывают, что и сами проблемы, которые имели место на протяжении 1960-х-1980-х гг., и методы их решения, не претерпевали существенных изменений. Возможно, именно опасением массовых критических публикаций объясняется нежелание ЦК КПСС разрешить создание печатного органа, который бы специализировался на освещении вопросов охраны памятников истории и архитектуры. Решение о необходимости печатного органа не один раз принимало Московское отделение ВООПИК; видели такую необходимость и в УГК ОИП. В мае 1987 г. в рамках политики гласности, начатой новым Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым, Совет Московского отделения ВООПИК снова обратился в МГК КПСС с просьбой об открытии Вестника или Бюллетеня, но получил отказ[430]. Тем не менее, политика гласности вызвала новую волну борьбы за сохранение архитектурного наследия и серию публикаций в печати. Начиная с 1987 г. регулярно появлялись статьи по больным вопросам охраны памятников в журнале «Архитектура и строительство Москвы», газете «Московский комсомолец», на радио и телевидении, в частности, в передачах «Советуемся с москвичами» и «Добрый вечер, Москва»[431]. Строительству третьего транспортного кольца и связанному с этим разрушению

---

[429] Письма москвичей Николаевой, Кондратьева, Царевой // Архитектура и строительство Москвы. – 1989. – № 9. – С. 28.

[430] ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 218. Д. 53. Л. 7-5.

[431] Многие публикации «Архитектуры и строительства Москвы» приведены в настоящей работе; см. статьи «По домам нашей памяти», «Нас не слышат» и др. в «МК»; Записка МГК КПСС о состоянии публикаций в периодической печати, выступлений на радио и телевидении по проблемам сохранения историко-архитктурного наследия г. Москвы. 05.05.1987 // ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф.4. Оп. 218. Д. 53. Л. 49.

Лефортовского ансамбля уделили внимание популярная в то время передача «12-й этаж» и даже официальная программа «Время»[432].

Одним из результатов широкого движения общественности периода реформ стало создание в 1987 Экспертно-консультативного общественного совета по формированию городской среды при Главном архитекторе Москвы (ЭКОС). В отличие от существовавшего с конца 1960-х гг. Градостроительного совета, который назначался ГлавАПУ [с 1988 г. – Главмосархитектура], ЭКОС был независимым органом. В его состав входило 130 членов – географов, экологов, демографов, археологов, искусствоведов, архитекторов, реставраторов, активистов ВООПИК, участников неформальных объединений. По Положению, в его задачу входила комплексная оценка проектов формирования городской среды, разработанных проектными институтами Главмосархитектуры. Без экспертизы ЭКОСа ни один проект не мог быть принят к рассмотрению Градостроительным советом и Главным архитектором Москвы. Деятельность ЭКОСа была открытой. Результаты экспертиз публиковались в печати. Несмотря на довольно широкие полномочия, ЭКОСу не всегда удавалось остановить снос ценных зданий. Тем не менее, безусловно следует признать большую положительную роль, которую Совет сыграл в деле охраны памятников архитектуры. Так, в 1988 г. экспертная группа в составе Т. Е. Каменевой, Н. Д. Троскиной и Г. К. Смирнова признала неприемлемым проект административного здания на Цветном бульваре как нарушающего комплекс исторической застройки. Автор проекта Б. И. Тхор вынужден был пересмотреть проект[433]. Во время жестокой борьбы общественности за сохранения усадьбы Лефортово, которая продолжалась несколько лет, начиная с 1987 г., ЭКОС пять раз рассматривал проекты строительства третьего транспортного кольца, которые допускали гибель памятника. В результате в 1989 г. строительство было на некоторое время приостановлено.

---

[432] Ключарев Г. «Москва … Как много в этом звуке для сердца русского слилось!» // Архитектура и строительство Москвы. – 1987. – № 6. – С. 16.

[433] Заключение экспертной группы // Архитектура и строительство Москвы. – 1988. – № 7; Тхор Б. И. Новь Цветного бульвара. Там же. 1988. № 2. С. 26.

IV.6. Выводы

1. Выделены два периода деятельности по охране памятников архитектуры: до принятия закона 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (1966-1976 гг.) и после его принятия (1976-1991 гг.).

2. С начала 1960-х гг. общественность вела активную борьбу за спасение исторической застройки Москвы в связи с обсуждением и принятием в 1971 г. Генерального плана развития столицы и предложенным в нем тотальным сносом исторической застройки в районе центра. При этом общественность и историко-архитектурное сообщество обвиняли в утрате исторического облика Москвы главным образом архитекторов-проектировщиков, а не государственный орган охраны памятников.

3. Следствием подготовки и принятия Генерального плана развития Москвы 1971 г. стало реформирование и укрепление Инспекции охраны памятников архитектуры, расширение ее функций, качественное изменение деятельности и усиление ее роли в сохранении памятников архитектуры. Установлено, что начиная с 1960-х гг. Инспекция (с 1987 г. УГК ОИП) сосредоточила свои главные усилия на разработке новой градостроительной концепции охраны архитектурного наследия.

Заключение

1. Анализ исторических источников и литературы дал возможность уточнить уже существующую (для 1920-х-1930-х гг.) и предложить полную периодизацию деятельности по охране памятников архитектуры на протяжении всего советского периода:

1917-1927 гг. – Формирование организационной структуры, направлений и методов деятельности органов охраны памятников архитектуры.

1928-1938 гг. Разрушение созданной ранее системы охраны памятников архитектуры во время сталинской «культурной революции».

1938-середина 1950-х гг. – Реконструкция центральных и местных органов охраны памятников архитектуры.

Середина 1950-х-1965 гг. – Антирелигиозная кампания, борьба за создание ВООПИК.

1966-1976 гг. – Утраты исторической застройки и обострение борьбы за ее сохранение в связи с принятием Генерального плана развития Москвы;

1976-1991 гг. – Реформирование и укрепление органа охраны памятников, создание УГК ОИП, разработка новой градостроительной концепции охраны архитектурного наследия.

2. В результате сопоставления опубликованных и архивных документов органов коммунистической партии, публикаций в прессе, законодательных и нормативных материалов с практической деятельностью органов охраны памятников архитектуры выявлена зависимость практики охраны архитектурного наследия от изменений в государственной идеологии. Выявлены следующие этапы этого процесса: признание значения памятников архитектуры для образования масс в первое десятилетие советской власти (1917-1927 гг.); отказ от ценностей прошлых эпох, вызванный сталинской «культурной революцией» и борьбой с религиозными культами в 1928-1938 гг.; использование архитектурного наследия в коммунистической пропаганде для поднятия патриотического духа и консолидации общества перед внешней опасностью

(1938-нач. 1950-х гг.); новая волна негативного отношения к материальному наследию прошлого, вызванная антирелигиозной кампанией и провозглашением задачи построения коммунизма (сер. 1950-х-1965 гг.); признание необходимости сохранения памятников архитектуры на фоне возрастающих протестов общественности против массового сноса исторических зданий и опасений руководства страны в том, что они могут перерасти в диссидентское движение (1966-1991 гг.). Установлено также, что отношение государства к памятникам архитектуры после Великой отечественной войны имело двойственный характер. С одной стороны, декларировалась важность их сохранения, с другой – использование в качестве жилых помещений и контор, под производство, склады, места заключения приводило к разрушениям и искажениям архитектурных сооружений. Массовые сносы архитектурных памятников продолжались в течение всего советского периода.

3. В ходе исследования воссоздана роль московского органа охраны памятников в сохранении архитектурного наследия столицы в 1917-1991 г. Подотдел охраны памятников искусства и старины в структуре Наркомпроса РСФСР (1918-1930) и последующие организации: Отдел (создан в 1941 г.), Инспекция (с 1952 г.) охраны памятников архитектуры, УГК ОИП (создано в 1987 г.) в системе ГлавАПУ в силу своего структурного подчинения не имели права принятия решений по вопросам сохранения или сноса памятников архитектуры в течение всего советского периода. Подчиненная роль органа охраны памятников архитектуры обеспечивала для застройщиков «вольное» обращение с историческим наследием и возможность сносов при осуществлении амбициозных планов реконструкции столицы. Вместе с тем, московский орган охраны памятников вел работу по выявлению, обследованию, изучению, регистрации, разработке критериев оценки, классификации, постановке на государственный учет (охрану) городских памятников архитектуры, оформлению отношений с пользователями и руководству ремонтно-реставрационными работами. Так, в 1920-е гг. на государственном учете в Москве состояло 1315 объектов, в 1930-е их число было сокращено до 125, после Великой

отечественной войны список памятников архитектуры состоял из 435 объектов, в конце 1950-х гг. – из 866, а к 1990 г. их число возросло до 2000.

4. Выявлено, что концепции охраны архитектурного наследия прошли эволюцию: от сохранения отдельных выдающихся произведений архитектурного искусства в предвоенный период, до предложений о разработке методов сохранения памятников в городских ансамблях (Г. Т. Крутиков, 1940 г.), выделения охранных зон в 1960-е гг., комплексного градостроительного подхода (УГК ОИП, 1980-е гг.). Главным стимулом к изменению парадигмы охраны памятников явился Генеральный план развития Москвы 1971 г. В связи с этим новым направлением деятельности московской инспекции стали разработка и применение методов сохранения не только отдельно стоящих зданий, но комплексов памятников градостроительного искусства: исторических мест, кварталов, улиц. Результатом этой работы стало утверждение в 1972 г. девяти заповедных зон центральной части города, а в 1987 г. – программы комплексной охраны центра Москвы в пределах Садового кольца «Архитектурное наследие». В последующие годы этой градостроительной концепции в основном следует Департамент культурного наследия Москвы.

5. В работе установлено, что общественные силы вели постоянную борьбу за спасение архитектурного наследия столицы. Состав и возможности участников этого процесса изменялись в зависимости от исторических условий. В 1920-е и 1930-е гг. борьбу за сохранение памятников от сноса вели преимущественно специалисты – архитекторы-реставраторы, искусствоведы, историки и известные деятели искусства И. Э. Грабарь, А. В. Щусев, П. Д. Барановский, Д. П. Сухов, В. И. Мухина и другие. После Великой отечественной войны общественное движение за сохранение памятников архитектуры значительно усилилось, особенно в Москве. В 1960-х гг. оно приняло массовый характер и, в свою очередь, стало оказывать влияние на формирование государственной политики в этой области. В нем участвовали архитекторы, художники, ученые, деятели культуры П. П. Ревякин, А. Н. Лужецкая, П. Д. Барановский, В. П. Тыдман, А. А. Коробов, Л. А. Арцимович, Б. А. Рыбаков, П. Л. Капица, К. И. Чуковский, И. Л.

Андроников и другие. Московская общественность была лидером общественного движения в защиту памятников культуры в стране. Наряду с протестами против сноса исторической застройки Москвы выдвигались требования реформирования государственных органов охраны памятников, совершенствования законодательства и создания печатного органа охраны культурного наследия. Следствиями этих требований стали создание ВООПИК, издание Закона СССР 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и разработка новой градостроительной концепции охраны памятников архитектурного наследия.

Практические рекомендации: 1. Целесообразно создание совета из представителей общественности и штатных работников Департамента культурного наследи для выработки рекомендаций по сохранению и охране памятников архитектуры и диалога с общественностью на постоянной основе. 2. Создание интерактивного компонента сайта Мосгорнаследия в сети Интернет, где представители различных групп населения Москвы могли высказывать свое мнение и предложения о его работе. 3. Организация диалога практикующих архитекторов-проектировщиков и историко-архитектурного сообщества.

Перспективы развития темы видятся более полном исследовании взаимоотношений государственных органов охраны архитектурного наследия с пользователями зданий – арендаторами и собственниками на примере СССР, России и зарубежных стран, а также в сравнительном анализе охраны архитектурного наследия Москвы и других европейских столиц, в условиях растущего противоречия между сохранением исторической застройки и необходимостью модернизации развивающихся мегаполисов.

Список сокращений

АПУ	Архитектурно-планировочное управление
ВИЭВ	Всесоюзный институт экспериментальной ветеринарии
ВНРП комбинат	Всесоюзный научно-реставрационный производственный комбинат
ВООПИК	Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
Всекоопинсоюз	Всероссийский союз кооперативных объединений инвалидов
ВЦИК	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК	Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации
ГИМ	Государственный исторический музей
ГИОП	Государственная инспекция охраны памятников
ЖЭК	Жилищно-эксплуатационная контора
М.О.Г.И.М.К.	Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры
МАО	Московское архитектурное общество
МВРК	Московский Военно-Революционный Комитет
МГС ВООПИК	Московский городской совет ВООПИК
МКХ	Московское управление коммунального хозяйства
МО ССА	Московское отделение Союза советских архитекторов
МОНО	Московский отдел народного образования
МОСА	Московское отделение Союза архитекторов СССР
МОСХ	Московское отделение Союза художников СССР
МУНИ	Московское управление народных имуществ
Наркомсовхоз СССР	Народный комиссариат зерновых и животноводческих совхозов СССР
НКО	Народный комиссариат обороны
НКП (Наркомпрос)	Народный комиссариат просвещения РСФСР
ОИМГ	Общество изучения Московской губернии
ОИРУ	Общество изучения русской усадьбы
ОКРАМ	Общество краеведов-марксистов

ПДП	Проект детальной планировки
РЖУ	Районное жилищное управление
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНИ	Российский архив новейшей истории
РГАСПИ	Российский архив социально-политической истории
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
СМ	Совет министров
СНК	Совет народных комиссаров
УГК ОИП	Управление государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры
ЦБК	Центральное бюро краеведения
ЦГА	Центральный государственный архив
ЦГРМ	Центральные государственные реставрационные мастерские
ЦС ВООПИК	Центральный совет ВООПИК
ЦХД	Центр хранения документов
ЦХД ЛС	Центр хранения документов личных собраний
ЦХД ОПИ	Центр хранения документов общественно-политической истории
ЭКОС	Экспертно-консультативный общественный совет по формированию городской среды при Главном архитекторе Москвы

Список литературы

Нормативные правовые акты

1. «О мероприятиях по развитию краеведческого дела». Постановление Совнаркома РСФСР от 30.03.1931 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=23665;fld=134;dst=4294967295;rnd=0.7035990168806165

2. «Об утверждении Положения о Междуведомственном комитете по охране памятников революции, искусства и культуры при Президиуме ВЦИК». Постановление ВЦИК от 20.08.1932 г. [Электронный ресурс]. Режим

3. «Об охране исторических памятников». Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10.08.1933 г [Электронный ресурс]. Режим

4. «Об образовании Комитета по делам архитектуры при Совнаркоме СССР». Постановление от 29.09.1943 г. N 1064 // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. – № 13. – 17.11.1943. – Москва: Управление делами Совета народных комиссаров Союза ССР. - С. 234-235.

5. «Об образовании Управления по Делам Архитектуры при Совнаркоме РСФСР». Постановление СНК РСФСР от 21.12.1943 N 996 // Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР. – № 3. – 15.04.1944. – Москва: Народный Комиссариат юстиции РСФСР. - С. 46-48.

6. «Об охране памятников архитектуры». Постановление Совмина РСФСР от 22 мая 1947 г. № 389 // Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР. – № 8. – 25.08.1947. – С. 114-115.

7. «Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР». Постановление Совмина РСФСР от 29 июня 1957 г. № 781 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=20056

8. «О ходе выполнения постановления Совета министров РСФСР от 29 июня 1957 г. № 781 "Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР"». Постановление Совмина РСФСР от 20 ноября 1958 г. № 1292

9. «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР». Постановление СМ РСФСР от 24.05.1966 г. N 473. Ч. 2 а [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=10368

10. «О технико-экономических основах генерального плана развития г. Москвы». Постановление СМ СССР от 09.09.1966 № 736 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=21540

11. «О генеральном плане развития г. Москвы». Постановление СМ СССР от 03.06.1971 № 354 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=15328

12. «О создании заповедных зон в центральной части г. Москвы в пределах Садового кольца и режиме их застройки». Решение Исполкома Моссовета депутатов трудящихся от 28.11.1973 N 45/3 (действовало до 28.07.2009)

[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MLAW;n=17163

13. «О дополнении постановления СМ РСФСР ОТ 30.08.1960 Г. N 1327 О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». Постановление СМ РСФСР от 07.09.1976 г. N 495 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kulturnoe-nasledie.ru/documentations.php?id=14

14. «Об утверждении положения об охране и использовании памятников истории и культуры». Постановление СМ СССР от 16.09.1982 N 865 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kulturnoe-nasledie.ru/documentations.php?id=9

15. «Об утверждении “Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры”». Приказ Министерства культуры СССР от 13.05.1986 N 203 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=91282

16. «О комплексной реконструкции и застройке в период до 2000 года исторически сложившегося центра г. Москвы». Постановление СМ СССР от 24.09.1987 N 1101 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=7937

Специальная литература

17. 150 лет охране памятников в России: (материалы к истории создания и деятельности органов охраны объектов культурного наследия) [Текст] / Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (Росохранкультура); [О. Л. Деревянко и др.]. – Москва: Фонд "Русские Витязи", 2009. – 108 с.

18. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 г. Стенографический отчет. - Т. 1. Отчет ЦК КПСС XXII съезду КПСС. Доклад Первого секретаря ЦК товарища Н. С. Хрущева. [Текст] – Москва: Госполитиздат, 1962. – 142 с.

19. Аджубей А. И. Те десять лет : [Воспоминания : О Н. С. Хрущеве] [Текст] – Москва: Сов. Россия , 1989. – 333 с.

20. Алещенко Н. П. Московский Совет в 1961-1977 гг. [Текст] / Н. М. Алещенко; Рос. АН, Ин-т рос. Истории. - Москва: Наука , 1993. – 254 с.

21. Апенин В. П. Восстановить связь с общественностью [Текст] // Архитектура и строительство Москвы. – 1986. – № 12. – С. 20.

22. Апенин В. П. Добровольные помощники [Текст] // Архитектура и строительство Москвы. – 1986. – № 1. – С. 25.

23. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965-1972. Документы [Текст] / Отв. ред. Томилина Н. Г. – Москва: Росспэн, 2009. – 1248 с.

24. Архитектор Георгий Тихонович Крутиков, 1899-1958 [Текст] / Авт. и сост. И. В. Голубева. – Ялта, 2000.- 43 с.

25. Бережно хранить золотой фонд нашего зодчества [Текст] // Архитектура и строительство. – 1948. – № 12. - С. 1-2.

26. Богуславский М. М. Международная охрана культурных ценностей. Ленинские принципы охраны памятников истории и культуры – Москва: Междунар. отношения, 1979. – 192 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://podelise.ru/docs/45855/index-3490-1.html

27. Борцы за «марксизм» в краеведении. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ecoethics.ru/old/b38/1030.html

28. Бычков Ю. А. Житие Петра Барановского. [Текст] – Москва: Сов. Россия, 1991.- 173 с.

29. Васильковский П. Е. Роль краеведов в охране природы и памятников культуры. [Текст] – Краеведение. – Т. 6. – № 6. - С. 309.

30. Виноградов Н. Д., Малиновский Ю. П. Охрана памятников культуры в первые годы Советской власти [Текст] // Архитектура СССР. – 1958. – № 11. – С. 43.

31. Головкина В. Хороший человек эпохи диктатуры. Жизнь и наследие Петра Барановского. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://strana.ru/journal/21023726

32. Доброновская М. А., Вайнтрауб Л. Р. Объкт охраны: Москва. К 95-летию образования органов охраны памятников. Документы и свидетельства. [Текст] – Москва: Департамент культурного наследия г. Москвы, 2012. – 303 с.

33. Жирнов Е. Ураган варварских разрушений проносится по улицам // Коммерсант власть. – № 30. 03.08.2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/1209430

34. Жуков Ю. Н. Москва: Генпланы 1918-1935 гг. и судьбы памятников архитектуры [Текст] // Горизонт. - № 4. – С. 39-44.

35. Жуков Ю. Н. Сохраненные революцией: Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917-1921 годах. [Текст] – Москва: Московский рабочий, 1985. – 208 с.

36. Забицкая О. Л. Основные направления деятельности ЦГРМ в области охраны и реставрации архитектурных памятников // История и теория реставрации памятников архитектуры : [Сб. ст.] / Центр. н.-и. и проект. ин-т по градостроительству; Под ред. Щенкова А. С. Москва: ЦНИИП градостроительства , 1986. – 96 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://art-con.ru/node/1167

37. Злочевский Г. Д. Общество изучения русской усадьбы (1922-1930). [Текст] – Москва: Издательство "Санта-Оптима", 2002. – 56 с.

38. Из истории строительства советской культуры. Москва. 1917-1918. Документы и воспоминания [Текст] / [Сост., общая ред. и предисл., с. 3-21, В. Н. Кучина] – Москва: Искусство, 1964. – 383 с.

39. Институты управления культурой в период становления, 1917-1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: Схемы [Текст] / [Т. М. Горяева (науч. рук.) и др.] – Федеральное архивное агентство, РГАСПИ, РГАЛИ, ГА РФ. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 310 с.

40. Исследовать, восстановить, сберечь, справка УГК ОИП. [Текст] / Сост. Т. Чуринова, зам. Начальника отдела историко-культурных исследований и учета

памятников истории и культуры УГК ОИП г. Москвы // Архитектура и строительство Москвы. – 1990. – № 1. – С. 26-27.

41. Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области) : К методике изучения истории сов. ист. краеведения [Текст] / Сост. канд. ист. наук С. Б. Филимонов ; Под ред. д-ра ист. наук С. О. Шмидта ; Археогр. комиссия АН СССР. Ин-т истории СССР АН СССР. Совет Моск. гор. отд-ния Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. - Москва : [б. и.] , 1976 - 122 с.

42. К истории сноса Сухаревой башни [Текст] // Известия ЦК КПСС. – № 9 (Сентябрь 1989). – С. 109-116.

43. Келли К. Исправлять ли историю? Споры об охране памятников в Ленинграде 1960-1970-х годов // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_64/3858-ispravljat-li-istoriju-spory-ob-okhrane.html

44. Кириченко Е. И. Московское Архитектурное общество в истории русской культуры, 1867-1932 : к 140-летию МАО [Текст] / Е. И. Кириченко ; Союз московских архитекторов, Российская акад. архитектуры и строит. наук, Науч.-исслед. ин-т теории архитектуры и градостр-ва. – Москва: Союз московских архитекторов : НИИТАГ РААСН , 2007 – 319 с.

45. Ключарев Г. «Москва … Как много в этом звуке для сердца русского слилось!» [Текст] // Архитектура и строительство Москвы. – 1987. – № 6. – С. 15-18.

46. Козлов В. 1927 год. Первый штурм московской старины [Текст] // Архитектура и строительство Москвы. – 1990. – № 11. – С. 24-27.

47. Козлов В. Трагедия монастырей: год 1929-й. [Текст] // Московский журнал. 1991, январь. – № 1. – С. 40-41.

48. Козлов В. У истоков [Текст] // Архитектура и строительство Москвы. – 1990. – № 7. – С. 13-16.

49. Козлов В., Седельников В. Конец Охотного ряда [Текст] // Архитектура и строительство Москвы. – 1990. – № 4. С. 26-28, 32.

50. Комиссия по охране памятников искусства и старины Совета Р. С. и Кр. Депутатов Москвы и Московской Области [Текст] // Известия Художественно-Просветительного Отдела. – 1918, март. – № 1. – С. 17-20.

51. Коробов А. А., Ревякин П. П., Тыдман В. П., Четунова Н. И. Как дальше строить Москву? [Текст] // Москва. – 1962. – № 3. – С. 147-160.

52. Кочетова А. С. Роль Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме (ВЦИК) ЦИК СССР в разработке религиозного законодательства 1930-х гг. / А. С. Кочетова // Молодой ученый. – 2011. – №9. – С. 155-160. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.moluch.ru/archive/32/3654/

53. Краеведы Москвы: Историки и знатоки Москвы [Текст] / Иванова. Л.В.; Шмидт. С.О. [и др.]. – Вып. 3. – Москва: Книжный сад, 1997. – 304 с.

54. Крутиков Г. Т. Историко-архитектурные памятники Москвы, состоящие под государственной охраной. [№ 1] [Список с краткими пояснениями]. [Текст]. - Москва: Испол. ком. Моск. гор. Совета депутатов трудящихся. Архитектурно-

планировочное упр. г. Москвы. Отд. науч.-техн. информации и изд-ва, 1953. – 56 с.

55. Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление [Текст]: дис. … д-ра культурол. наук: 24.00.03.– Томск, 2001. – 403 с.

56. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи (1920) [Текст]– Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – Т. 41. – Москва: Политиздат , 1969. - С. 304-306; Как организовать соревнование (1917) [Текст] – ПСС. – Изд. 5-е. – Т. 35. - С. 195-205.

57. Личак Н. А. Система охраны памятников советской России во второй половине 1930-х годов. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – Том 19. – Выпуск 16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/sistema-ohrany-pamyatnikov-sovetskoy-rossii-vo-vtoroy-polovine-1930-h-godov#ixzz2ShpIyfD8

58. Луначарский А. В. Об изобразительном искусстве. [Текст] – Т. 2. – Москва: Советский художник, 1967. – 392 с.

59. Михайлов К. П. Вадим Палыч // Архнадзор. – 12.04.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.archnadzor.ru/2011/04/12/vadim-paly-ch/ .

60. Можаев А. Красная площадь Петра Барановского. – Верноподданные России. [Текст] – Москва: Традиция, 2010. – 312 с.

61. Молева Н. Проблемы исторической среды современного города [Текст] // Архитектура и строительство Москвы. – 1987. – № 6. – С. 13-16.

62. Музеи и памятники искусства и старины. Конструкция Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины и его функции. [Текст] // Народное просвещение. Еженедельник НКП. – № 23-25. – 28 декабря 1918. – С. 17-21.

63. Наш центр. Хроника событий. [Текст] // Архитектура и строительство Москвы. - 1990. - № 7. - С. 5.

64. Нащокина М. В. Архитекторы московского модерна : Творческие портреты [Текст] / Мария Нащокина; Науч.-исслед. ин-т теории архитектуры и градостроительства Рос. акад. архитектуры и строит. наук. - 3-е изд., испр. и доп. - Москва : Жираф , 2005 - 535 с.

65. Нифонтов Л. А. Архитектор П. П. Малиновский. [Текст] – Горький : Волго-Вят. кн. изд-во , 1973 - 55 с.

66. Овсянникова Е. Б. Из истории Комиссии Моссовета по охране памятников [Текст] // Советское искусствознание '81. Вып. 2 : Сб. статей / Редкол.: В. М. Полевой и др. – Москва, 1982. - с. 263-330.

67. Ольденбург С. Краеведение и Октябрь. [Текст] // Краеведение. – Т. 4. – № 3. – 1927. – С. 306-309.

68. Охрана памятников истории и культуры : Сборник документов [Текст] / Ред. коллегия: д-р ист. наук, проф. Л. Г. Бескровный (отв. ред.) [и др.]. - Москва : Сов. Россия , 1973 - 190 с.

69. Памятники архитектуры в Советском Союзе : Очерки истории архитектурной реставрации [Текст] / под общ. ред. А. С. Щенкова. – Москва: Памятники исторической мысли, 2004. – 696 с.

70. Переслегин Н. В. Марфо-Мариинская обитель милосердия в Москве в контексте охраны памятников архитектуры (1917-1991) [Текст] // Вестник МГУКИ. 2014. № 3. С. 83-87.

71. Переслегин Н. В. Развитие градостроительного аспекта в концепции охраны памятников архитектуры Москвы в советский период (1917-1991) [Текст] // Архитектура и строительство России. 2014. № 4. С. 2-13.

72. Переслегин Н. В. Роль московских общественных организаций в создании ВООПИК (1940-е – 1965 г.) [Текст] // Научно-аналитический журнал «Дом Бурганова. Пространство культуры». 2014. № 1. С. 33-47.

73. Пётр Барановский: Труды, воспоминания современников [Текст] / Составители: Бычков Ю. А., Барановская О. П. [и др.]; Фонд П. Д. Барановского, МГО ВООПИиК, Управление капитального ремонта и строительства Департамента инженерного обеспечения Правительства г. Москвы. – Москва: Отчий дом, 1996. – 280 с.

74. Писарев И., секретарь МГК КПСС. В интересах москвичей [Текст] // Архитектура и строительство Москвы. – 1987. – № 6. – С. 2-3.

75. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке [Текст]: [Перевод]. - Москва: Республика , 1995 - 509 с.

76. Просим освободить из тюремного заключения : письма в защиту репрессированных [Текст] / [сост.: В. Гончаров, В. Нехотин]. - Москва: Соврем. писатель , 1998 – 206 с.

77. Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФРСР (1917-1967) [Текст] // История СССР. – 1967. – № 7. – С. 191-208.

78. Раздольская Т., Струнина О. Ценим ли мы памятники советской архитектуры? [Текст] // Архитектура и строительство Москвы. – 1988. – № 5. – С. 7-8.

79. Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб.: Издательство СПб университета, 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pseudology.org/Bolsheviki_lenintsy/RedTerror/2.htm

80. Ревякин П. П. Лицо столицы. Как надо планировать город [Текст] // Литература и жизнь. – № 76. – 26.06.1960.

81. Савин А. А. Сохранение архитектурного наследия. Проблемы решенные и нерешенные [Текст] // Строительство и архитектура. – 1986. – № 6. – С. 3-6.

82. Савин А. А. Формирование заповедных зон столицы [Текст] // Архитектура и строительство Москвы. – 1986. – № 6. – С. 2-8.

83. Сборник Общества изучения русской усадьбы. [Текст] – Вып. 4-5: Старое Кусково. – Москва, 1927.

84. Советов И. М. Советское законодательство о религиозных культах в 20-30-х гг. XX в.: Содержание и практика реализации, споры и дискуссии о реформировании правовой базы. Российское объединение исследователей религии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusoir.ru/president/works/217/

85. Соколова Н. В. Государственно-правовое регулирование церковных отношений в советской и современной России (историко-правовой аспект) [Текст]: дис. … канд. юрид. наук: 12.00:01 / Соколова Нина Владимировна – Н.

Новгород, 2004. – 232 с.

86. Стародубова А. Русские древники-2. Архнадзор. 24.12.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.archnadzor.ru/2012/04/24/russkie-drevniki-2/

87. Троцкая Н. И. Музейное строительство и революция. [Текст] // Наука и искусство. – 1926. – № 1. – с. 29-53.

88. Трубецкая Е. В. Красное и Белое // Архнадзор. – 11.04.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.archnadzor.ru/2012/04/11/krasnoe-i-beloe/

89. Тхор Б. И. Новь Цветного бульвара [Текст] // Архитектура и строительство Москвы. – 1988. – № 2. - С. 26.

90. Удаленков А. А. О мировом значении русского национального зодчества [Текст] // Архитектура и строительство. – 1948. – № 10. – С. 5-7.

91. Фирсов С. Л. Была ли безбожная пятилетка? В 1932 году в СССР начался новый этап строительства антирелигиозного государства. – Научный атеизм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.atheism.ru/library/Firsov_1.phtml

92. Хан-Магомедов С. О. Георгий Крутиков. [Текст] – Москва: Фонд «Русский авангард», 2008. – 180 с.

93. Хроника охраны природы и памятников искусства, быта и старины. [Текст] – Краеведение. – Т. 5. – № 5. – С. 297-298.

94. Хрущев Н. С. Повышение благосостояния народа и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов [Текст] : Сборник речей / Н. С. Хрущев. - Москва : Госполитиздат , 1961 - 514 с.

95. Школа гражданственности [Текст] // Архитектура и строительстсво Москвы. – 1986. – № 5. – С. 10-11.

96. Шкурин А. В. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)-ВКП(б) и ее деятльность по реализации политики Политбюро по отношению к Русской Православной Церкви в 1922-1929 гг. [Текст] : дис. … канд. юрид. наук: 09.00.13 – Москва, 2005. – 224 с.

97. Шмидт С. Арбат в истории и культуре России [Текст] // Архив Арбата, 1997. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.clow.ru/a-moscow/1/1/arbat1_33.html

98. Щусев А. В. Основные черты генерального плана реконструкции Москвы. [Текст] // Плановое хозяйство. Ежемесячный политико-экономический журнал Госплана и ЦУНХУ СССР. – 1935. – № 10. – С. 149-157.

99. Щусев А. В. Советская архитектура и восстановление городов. [Текст] // Славяне. – 1945. – №. 1. – С. 26.

100. Bittner Stephen V. The many lives of Khrushchev's thaw : Experience and memory in Moscow's Arbat. – Ithaca : Cornell University Press, 2008.

101. Brandenberger David. National Bolshevism : Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931-1956. – Cambridge, MA; London, England: Harvard University Press, 2002.

102. Colton Timothy J. Moscow: governing the socialist metropolis / Timothy J. Colton. – Cambridge, Mass. : Belknap Press of Harvard University Press, 1995.

103. Cultural Revolution in Russia, 1928-1931 / edited by Sheila Fitzpatrick. Bloomington : Indiana University Press, 1978.

104. Farrell John Patrick. "If these Stones could Only Speak : Historical and Cultural Preservation in a Soviet Context, 1955-1966." – PhD diss., University of California, Davis, 2004. – ProQuest (AAT 3148444).

105. Fitzpatrick Sheila. Cultural Revolution in Russia 1928-32. // Journal of Contemporary History. – Vol. 9, No. 1 (Jan., 1974). – P. 33-52.

106. Kelly C. Socialist Churches: Heritage Preservation and 'Cultic Buildings' in Leningrad, 1924–1940. // Slavic Review. – Vol. 71, no. 4.

107. Tucker Robert C. Stalin in Power: The Revolution from Above, 1929-1941. – New York: Norton, 1990.

Список источников

1. ГА РФ. Ф. 1235 (ВЦИК). Оп. 43. Д. 63. Л. 156.
2. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 66. Д. 428. Л. 175.
3. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 66. Д. 430. Л. 313-314.
4. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 66. Д. 436. Л. 164.
5. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 66. Д. 441. Л. 22-24, 97-98, 416-416 об.
6. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 76. Д. 90. Л. 117, 150-150 об.
7. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 76. Д. 117. Л. 43, 53, 107, 125-128, 132
8. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 376. Л. 3, 6, 17-18, 21-21 об.
9. ГА РФ. Ф. А-259 (Совет Министров РСФСР). Оп. 7. Д. 1352. Л. 55-60.
10. ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 1354.
11. ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 6599. Л. 10-13.
12. ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 38. Д. 388. Л. 1, 8.
13. ГА РФ. Ф. А-406 (Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции РСФСР). Оп. 12. Д. 1397. Л. 1-3.
14. ГА РФ. Ф. А-639 (ВООПИК). Оп. 1. Д. 265. Л. 30-30 а., 78-85.
15. ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 32, 42, 44, 48, 140.
16. ГА РФ. Ф. А-2306 (Министерство просвещения РСФСР) Оп. 28. Д. 2. Л. 27-27, 74-76 об.
17. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 485. Л. 1-2, 12, 12 об.
18. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2529. Д. 97. Л. 3 об., 4, 29-29 об., 98.
19. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 1037. Л. 1-2, 15, 23, 25-30, 44, 45.
20. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 1039. Л. 16, 17.
21. ГА РФ. Ф. А-2307 (Главное управление научных и музейных учреждений (Главнаука). Оп. 2. Д. 148. Л. 1.
22. ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 1. Л. 2-2 об., 19-19 об.
23. ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 17. Д. 51. Л. 1 об., 2.
24. РГАЛИ. Ф. 492. Оп. 28. Д. 4. Л. 21, 22.
25. РГАЛИ. Ф. 2466 (МОСА). Оп. 1. Д. 55. Л. 7.
26. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 56. Л. 13-16, 19, 24-25.
27. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 152, 197.
28. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 209. Л. 15, 17, 20-27, 46, 52.
29. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 210. Л. 30.

30. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 329. Л. 46-50.
31. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 331. Л. 58, 59.
32. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 359. Л. 27, 30.
33. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 364, 366, 458.
34. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Д. 384. Л. 55, 61-70.
35. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 383. Л. 6, 9, 17, 20-22, 42.
36. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 384. Л. 37, 39, 46, 47.
37. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 409. Л. 1-2, 5-6.
38. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 421.
39. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 25. Л. 16, 30, 76-89, 116.
40. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 26. Л. 78 в, 86, 100, 109, 130.
41. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 137. Л. 31.
42. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 163. Л. 14-15.
43. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 225. Л. 1, 3, 4, 7, 18, 19, 21-25, 91-100.
44. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 227. Л. 10-12, 18, 120, 141-151, 166.
45. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 253. Л. 62-68.
РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 254. Л. 27, 50-55.
46. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 480. Л. 2-6, 10-12.
47. РГАНИ. Ф. 5 (ЦК КПСС). Оп. 58. Д. 48. Л. 123-128.
48. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 232. Л. 4-5.
49. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 200. Л. 149-150.
50. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 62а. Л. 78.
51. РГАСПИ. Ф. 81 (Л. М. Каганович). Оп. 3. Д. 185. Л. 7-11.
52. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 205. Л. 99.
52. РГАЭ. Ф. 108 (П. П. Малиновский). Оп. 1. Д. 98. 100-107 об.
54. РГАЭ. Ф. 377 (НИИ теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры и его предшественники). Оп 1. Д. 24. Л. 9-11, 38-40.
55. РГАЭ. Ф. 9432 (Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР). Оп. 1. Д. 14. Л. 81-91.
56. РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 16. Л. 110-112.
57. РГАЭ. Ф. 9588 (Управление охраны памятников архитектуры). Оп. 1. Д. 20. Л. 75-78.
58. РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 27. Л. 30-35, 40, 86-109.
59. РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 39. Л. 29, 33, 146-147, 498-504.
РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 56. Л. 19, 20-23, 39, 81-81 об., 129-129 об., 142-146, 190, 201, 226.
60. ЦГА г. Москвы, ЦХД ЛС. Ф. 93 (А. Н. Лужецкая). Оп. 1. Д. 33. Л. 32-33.
61. ЦГА г. Москвы, ЦХД ЛС. Ф. 93. Оп. 1. Д. 34. Л. 5, 67-71, 81, 84, 116-118, 163, 169, 205-208.
62. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф.4 (МК КПСС). Оп. 1. Д. 42. Л. 157-160.
63. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 80. Д. 10. Л. 1-4, 11.
64. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 63. Л. 138-140, 143-144, 150-152, 175.
65. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 142. Д. 37. Л. 104-110, 113.
66. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 153. Д. 171. Л. 8, 16, 19.

67. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 167. Д. 103. Л. 101а.
68. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 184. Д. 37. Л. 45.
69. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 190. Д. 95. Л. 108, 110.
70. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 196. Д. 89. Л. 114.
71. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 196. Д. 95. Л. 107-113.
72. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 210. Д. 9. Л. 19-22.
73. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 218. Д. 53. Л. 7-5, 29-35, 37, 49.
74. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 5 (МКК КПСС). Оп. 3. Д. 16. Л. 73.
75. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 5. Оп. 5. Д. 58. Л. 26.
76. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 70 (Калининский РК КПСС). Оп. 1. Д. 1931. Л. 37-42.
77. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 1249. Оп. 1. Д. 7. Л. 112.
78. ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 8654 (Коллекция документов личного происхождения участников революционных событий). Оп. 1. Д. 699. Л. 4.
79. ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 429 (Отдел культуры Исполкома Моссовета). Оп. 1. Д. 20.
80. ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 429. Оп. 1. Д. 657. Л. 1-7.
81. ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 429. Оп. 1. Д. 4398. Л. 39, 40.
82. ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 429. Оп. 1. Д. 4680. Л. 97.
83. ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 429. Оп. 4. Д. 68. Л. 52-53, 63-67.
84. ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 534 (ГлавАПУ Москвы). Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
85. ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 534. Оп. 1. Д. 448. Л. 31-36.
86. ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 7254. Оп. 1. Д. 4.
87. ЦГАМО. Ф. 964 (Отдел народного образования Мособлисполкома). Оп. 1. Д. 115. Л. 31-32.
88. ЦГАМО. Ф. 966 (МОНО). Оп. 3. Д. 1474. Л. 12, 94, 95. 140-141.
89. ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 1488. Л. 31, 48-53.
90. ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 47. Л. 16, 35, 43, 52, 62, 64, 106, 164, 167.
91. ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1029. Л. 1, 3-14, 33, 35, 57, 62, 99, 101.
92. ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 2342. Л. 6, 9, 12.
93. ЦГАМО. Ф. 2761 (Отдел по делам искусств Моссовета). Оп. 1. Д. 1. Л. 3-3 об.
94. ЦГАМО. Ф. 2761. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.
95. ЦГАМО. Ф. 4557 (Отдел коммунального хозяйства Моссовета). Оп. 1. Д. 72. Л. 17.
96. ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 145. Л. 139.
97. ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 317. Л. 108, 121-121 об., 176-176 об.
98. ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 72. Л. 45-47.
99. Архив Мосгорнаследия. Историческая справка архивного фонда.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
МОСКОВСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ИНСТИТУТ
(ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ)

На правах рукописи

ПЕРЕСЛЕГИН Николай Владимирович

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ ОХРАНЫ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МОСКВЫ В КОНТЕКСТЕ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБЩЕСТВОМ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917-1991)

Специальность 05.23.20 – Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата архитектуры

Том 1

Научный руководитель:
Швидковский Дмитрий Олегович
доктор искусствоведения, профессор

Москва 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. СПИСКИ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ, ОБРАЗЦЫ ДОКУМЕНТОВ И ДРУГИЕ ТЕКСТОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Глава I. Образование и реформирование органа охраны памятников архитектуры (1917-1927)

Приложение I.1 Структура членов Комиссии по охране памятников искусства и старины 1918 г. ……...4

Приложение I.2 Образец анкетного листа для регистрации памятников зодчества 1923 г. ……...6

Глава II. Кризис охраны памятников архитектуры (1928-1941)

Приложение II.1 Образец паспорта памятника архитектуры ЦГРМ 1931 г. 7

Приложение II.2 Список памятников архитектуры г. Москвы высшей и первой категории 1934 г. ……...9

Приложение II.3 Типовой договор сдачи в аренду учетного памятника архитектуры 1937 г. ……..14

Глава III. Возрождение органов государственной охраны памятников архитектуры и общественное движение (1942-1965)

Приложение III.1 Примеры памятников архитектуры г. Москвы, находящихся в особо запущенном и аварийном состоянии 1954 г. ……16

Приложение III.2 Перечень памятников архитектуры, исключаемых из списка памятников, подлежащих охране как памятники государственного значения 1963 г. ……...19

Приложение III.3 Опросник о вновь выявленном памятнике архитектуры Московского клуба туристов 1955 г. ……20

Глава IV. Развитие градостроительной концепции охраны архитектурного наследия (1966-1991)

Приложение IV.1 Список памятников архитектуры и градостроительства Москвы советского периода 1983 г. ……21

Приложение IV.2 Образец учетной карточки памятника культуры 1986 г. 23

Приложение IV.3 Образец паспорта памятника культуры 1986 г. ……....25

2. ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ И ГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ.

Таблица 1 Реформирование оранов охраны памятников архитектуры (1917-1927 гг.) ……..28

Таблица 2 Первые охраняемые объекты архитектурного наследия г. Москвы (1917-1920 гг.) гг.) ..……29

Таблица 3 Кризис охраны памятников архитектуры (1928-1941 гг.) ……...……..30

Таблица 4 Утраты исторического облика Москвы (1928-1941 гг.) …….....31

Таблица 5 Возрождение органов государственной охраны памятников архитектуры (1942-1965 гг.) ……...……32

Таблица 6 Утраты исторического облика Москвы (1942-1965 гг.) ……..…….33

Таблица 7 Протесты общественности против Генерального плана реконструкции Москвы (1966-1971 гг.) ……...….34

Таблица 8 Утраты архитектурного облика Москвы (1966-1971 гг.) ……..35

Таблица 9 Развитие градостроительной концепции архитектурного наследия (1966-1991 гг.) ……36

Таблица 10 Схемы размещения заповедных зон в пределах Садового кольца 1973 г. и исторической застройки 1989 г. ……...37

Таблица 11 Деятельность Департамента культурного наследия Москвы (1991-2014 гг.) ……...38

1. СПИСКИ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ, ОБРАЗЦЫ ДОКУМЕНТОВ И ДРУГИЕ ТЕКСТОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Глава I. Образование и реформирование органа охраны памятников архитектуры (1917-1927)

Приложение I.1

Структура Комиссии по охране памятников искусства и старины 1918 г.[1]

Список выборных членов Комиссии:

Профессиональный союз художников-живописцев	Богатов Н. А.
Согласие художников «Изограф»	Яковлев М. Н., Мешков В. Н.
Союз деятелей прикладного искусства	Федоровский Ф. Ф., Бертрам Н. Д.
Румянцевский музей	Виноградов А. К.
Общество любителей иконописи	Тренев Д. К., Тюлин А. А.
Оружейная палата	Трутовский В. К., Арсеньев Ю. В.
Патриаршая ризница	Отец Арсений, Иеромонах Евстратий
Архив иностранных дел	Сергиевский Г. В., Богоявленский С. К.
Архив юстиции	Высоцкий Н. Г., Клейн В. К.
Архив Министерства двора	Пушкин Б. С., Стравинский М . Л.
Церковно-археологическая комиссия Общества любителей духовного прсвещения	Глазунов А. А.
Комиссар по охране сокровищ польского народа	Дыбчинский В. И., Орановский Е. В.
Музей Строгановского училища	Янович Д. Т.
Археологическое общество	Рыльский И. В., Бакланов Н. Б.
Московское архитектурное общество	Шехтель Ф. О.
Профессиональный союз скульпторов	Королев Б. Д.
Исторический музей	Щербатов Н. С., Корш Е. Ф.
Музей изящных искусств (бывший Александра III)	Кононов Н. Н.
Общество истории и древностей	Белокуров С. А.
Комиссия по сохранению древних памятников при МАО	Иванов З. И., Мейснер А. Ф.
Московское художественное общество	Вишневский Е. Ф., Морозов Н. Д.
Общество любителей духовного просвещения	Розанов Н. П.
Московский кружок архитекторов-художников	Гинц Г. Е.

Состав некоторых отделов Комиссии

Архитектурный отдел:

Щусев А. В.	(Союз зодчих)
Мейснер А. В.	(Архитектурное общество)
Иванов З. И.	(Комиссия по охране памятников старины при МАО)
Рыльский И. В.	« « « «
Бакланов И. Б.	« « « «
Гинц Г. Е.	(Общество архитекторов-художников)
Жолтовский И. В.	(архитектор)
Фидлер И. И.	«
Поляков А. И.	«

[1] ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 7 Д. 7254. Оп. 1. Д. 1, 4.

Марковников Н. В.	Председатель отдела (архитектор-художник)
Клейн В. К.	Секретарь

Музейный отдел:
Трутовский В. К.
Архимандрит Арсений
Алексеев Н. А.
Георгиевский Г. П.
Иваненко Б. В.
Кончаловский П. П.
Корш Е. Ф.
Мальмберг В. К.
Орешников А. В.
Сидоров А. А.
Шервинский С. В.
Щербаков Н. А.
Щукин С. В.
Захаров А. А.
Мамуровский В. А.
Виноградов А. К.
Голицын В. Д.
Янчук Н. А.
Долгов С. О.
Щербатов Н. С.
Тураев Б. А.
Янович Д. Т.
Петровский Б. С.

Церковный отдел:
Архимандрит Арсений (Председатель)
Клейн В. К. (Секретарь)
Глазунов А. А.
Трутовский В. К.

Подкомиссия по реставрации Патриаршей ризницы:
Архиепископ Михаил (Председатель)
Клейн В. К. (Секретарь)
Архимандрит Арсений
Бороздин И. Н.
Любимов
Орешников А. В.
Щусев А. В.
Трутовский В. К.

Приложение I.2

Образец анкетного листа для регистрации памятников зодчества. 1923 г.[2]

1. Наименование памятника
2. Фото
3. Адрес
4. Владелец
5. Автор
6. Даты и документы обследования памятника
7. Размещение и план
8. Материалы постройки
9. Материалы отделки
10. Покрытие
11. Описание архитектурной обработки фасадов
12. Число ярусов (этажей)
13. Число жилых и нежилых помещений
14. Отопление
15. Кем или чем занят памятник
16. Покрытие и отделка помещений
17. Художественный инвентарь
18. Состояние памятника
19. Дата регистрации
20. История памятника

[2] ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 141. Л. 33-33об.

Глава II. Кризис охраны памятников архитектуры (1928-1941)

Приложение II.1

Образец паспорта памятника архитектуры ЦГРМ 1931 г.[3]

Паспорт. Документальные и фактические данные о памятнике материальной культуры.
Раздел искусства: архитектура.
Учреждение, проработавшее паспорт: ЦГРМ Наркомпроса.
1. Наименование памятника:
2. Цель и назначение:
а) Первоначальное назначение памятника.
б) Использование бытовое, стратегическое, экономическое.
в) В чьем и каком использовании состоит в настоящее время.
3. История возникновения: (где и кем выполнен или сооружен).
4. Дата: (возраст памятника)
а) Дата начала работ.
б) Дата окончания работ.
5. Материал и технология памятника:
6. Автор или имя исполнителя:
7. Чей заказ:
8. Местонахождение памятника: (область, район, селение, улица).
а) Первоначальное.
б) В настоящее время.
9. Описание памятника:
а) Композиция, школа, стиль.
б) Конструкция и материал и их особенности.
в) Наружное декоративное убранство (оформление).
г) Внутреннее убранство (оформление) (стенопись, лепка, мозаика и проч.).
д) Инвентарь, связанный с памятником, имеющий значение для комплексного содержания данного памятника (мебель, люстры, иконостасы, утварь, ткань, живопись и проч.).
10. Общее состояние памятника:
а) Чистота подлинности.
б) Типовые черты.
в) Характерные особенности деталей памятника, открытых или подлежащих открытию.
г) Искажения памятника позднейшими изменениями (переделка, перестройка, записи).
д) Степень сохранности.
е) Условия хранения.
11. Техническое состояние памятника:
а) Разрушение и причины его.
б) Необходимость ремонта или реставрации.
12. Данные и даты производившихся над памятником ремонтов и реставраций:
13. Связь памятника с историей страны, края или области:
14. Наличие в памятнике данных для восстановления материального (вещевого) комплекса искусства данной эпохи:
15. Отражение в памятнике социально-экономических формаций данной эпохи. Зависимость и подчиненность формологическая и технологическая от социально-экономических отношений. Господствующие и местные влияния:
16. Показатели технологического анализа:

---

[3] ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 246. Л. 90-93.

17. Показатели социологического анализа:
18. Перечень документов и научно-исследовательских работ, подтверждающих данные, занесенные в формуляр и паспорт памятника:
19. Наличие документального материала – (обмерные схемы, чертежи, калька, копии, фотофиксация и проба) – в деле данного памятника (их перечень и нумерация):
20. Библиография:
    а) Дореволюционная.
    б) Послереволюционная.
    в) Иностранная.
21. Формы использования памятника и обязательные условия при использовании его:
Ученые специалисты
Научные работники
Заверяющий паспорт

Приложение II.2

Список памятников архитектуры г. Москвы высшей и первой категории 1934 г.[4]

1. Кремль
   1. Здание правительства
   2. Грановитая палата и терема
   3. Потешный дворец
   4. Патриаршие палаты
   5. Арсенал
   6. Гауптвахта
   7. Большой дворец
   8. Соборы
   9. Стены и башни

2. Китайский город
   Китайгородские стены, башни и ворота

Красно-пресненский район

3. Триумфальные ворота. Тверская-Ямская
4. Музей революции СССР (б. Английский клуб). Тверская, 59
5. Здание Военведа (б. Петровский дворец). Ленинградское шоссе
6. Здание Книжной палаты (дом б. Гагариных). Новинский бульвар
7. Дом Союзов МСПС (б. Благородное собрание). Охотный ряд
8. Дом Жилтоварищества (б. Дворец кн. Голицына). Охотный ряд, 3

Дзержинский район

9. Жилые здания в ведении ГИМ (б. Палаты и церкви Петровского монастыря). Петровка, 38
10. Музей МОНО – усадьба Останкино и церковь при усадьбе. Останкино
11. Дом Красной армии и боковой флигель (б. Екатерининский институт). Пл. Коммуны
12. Здание Старого гостинного двора. Варварка, 3, Ильинка, Рыбный и Хрустальный пер.
13. Здание Центроархива (б. Синодальная типография). Никольская, 13
14. Б. Церковь Трифона в Напрудной. 3-я Мещанская
15. Собор Рождественского монастыря. Рождественка
16. Здание музейного фонда МОНО (б. Церковь Николы Б. крест). Ильинка
17. Здание музейного фонда ЦГРМ (б. Церковь Троицы в Никитниках). Никитников пер., 3.
18. Церковь Филиппа Митрополита. 2-я Мещанская

Сокольнический район

19. Институт им. Склифосовского. Дом и решетка (б. Шереметьевская больница)
20. Музей МКХ. Сухарева башня. Бол. и Мал. Сухарева пл.

Бауманский район

[4] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1306. Л. 5-2об.

21. Научно-исследовательский совхозный институт (б. Дом Юсуповых). Хоромный тупик, 6.
22. Общежитие Наркомроса (б. 4-я гимназия). Покровка, 22.
23. Ин-т физкультуры – высший совет физкультуры (дом, решетка и ворота). Гороховская, 20
24. Постройки и усадьбы Мосздрава – Санаторий Высокие горы. Садовая- Земляная, 23
25. Церковь Успения на Покровке. Покровка
26. Церковь Гребневской Б. М. Пл. Дзержинского – уг. Мясницкой
27. Церковь «Меньшикова башня». Телеграфный пер.
28. Церковь Николы на Столпах. Армянский пер.
29. Церковь Покрова в Рубцове. Бакунинская ул. у Покровского моста

Сталинский район

30. Музейный комплекс усадьба Измайлово: собор, двое ворот и башня (думная палата). Измайловский рабочий городок им. Баумана, за Семеновской заставой

Пролетарский район

31. Дворец культуры (б. Симонов м-рь). Надвратная церковь на западных воротах. «Сушило», стены, две башни и трапезная. Ленинская слобода
32. Б. церковь Рождества в старом Симонове. Ленинская ул.
33. Здание Военведа (б. Крутицкий теремок с церковью Успения). Крутицкая ул., 13

Замоскворецкий район

34. Больница им. Союза Медсантруд (б. Яузская больница). Дом с оградой и воротами. Радищевский пер., 7
35. Военно-хозяйственные склады (б. Дворец Бирона). Садовники, Комиссариатская наб., 53
36. Здание Книжной палаты (б. Церковь Мартина Исповедника). Таганка, Б. Коммунистическая ул.
37. Б. церковь Косьмы и Дамиана в Садовниках. Садовническая ул.
38. Б. Новоспасский монастырь: крепостные стены и башни, Преобра-женский собор, трапезная и колокольня. У Новоспасского моста

Ленинский район

39. Гараж Совнаркома (б. Манеж). Манежная ул.
40. Здание б. Губернаторского правления. Красная пл.
41. Здание ЦГРМ НКП (б. Палаты дьяка Аверкия Кириллова). Берсеньевская наб. 20-22. При доме церковь Николы на Берсеневке
42. Больница Мосздрава (б. Голицынская больница). Б. Калужская, 18
43. Антирелигиозный музей искусства (б. Донской монастырь). Крепост-ные стены, башни, старый собор, большой собор, надвратная церковь, колокольня и др. музейные здания. Донская пл.
44. Музей Покровского собора – филиал ГИМ (с-р Вас. Блаженного). Кр. пл.
45. Церковь Григория Неокессарийского. Б. Полянка, 27
46. Церковь Воскресения в Кадашах. 1-й Кадашевский пер.
47. Церковь Климента на Пятницкой. Уг. Пятницкой и Климентовск. пер.
48. Церковь Всех Скорбящих радости. Б. Ордынка.

49. Церковь Зачатия Анны в углу. Зарядье, Кривой пер.
50. Церковь Иоанна Воина, ограда с решеткой и ворота. Б. Якиманка
51. Церковь Николы в Пыжах. Б. Ордынка, 27

Фрунзенский район

52. Здание и ограда 1 МГУ НКП (Московский университет). Моховая, 11
53. Здание б-ки им. Ленина, ограда с решеткой и ворота. Моховая, 3
54. Здание Конбазы СНК (б. Дом коннозаводства). Ул. Воровского, 25.
55. Здание складов МВО. Б. Интендантские склады (при здании ограда с решеткой). Зубовский б-р, 2
56. Дом и усадьба Бухгалтерии Управления строительством Дворца советов. Ограды с решетками, ворота и грот в саду. Б. дом Селезнева. Ул. Кропоткина, 12
57. Музей раскрепощения женщины (б. Новодевичий м-рь). Стены, башни, Смоленский собор, колокольня, трапезная, надвратные церкви и гражданские палаты. Б. Пироговская ул.
58. Церковь Покрова в Филях

58а. Церковь Николы в Хамовниках

Октябрьский район

59. Церковь Рождества в Путинках. М. Дмитровская
60. Здание общежития рабочих. Б. Казанский собор. Уг. Никольск. и Кр. пл.
61. Б. собор Богоявленского м-ря. Никольская ул.
62. Церковь Рождества в Бутырках. Бутырки

Красно-пресненский район

63. Здание Психо-неврологического ин-та НКЗ (б. Вдовий дом). Садовая-Кудринская, 1
64. Церковь Сергия. Уг. Б. Дмитровки и Козицкого пер.
65. Церковь Ионна Богослова. Бронная

Октябрьский район

66. Здание ин-та физиатрии НКЗ (б. дом Самарина). Петровка, 25
67. Здание б-цы МГУ (б. здание Екатерининской б-цы. Страстной б-р
68. Усадьба Елизаветино. Покровское-Стрешнево
69. Церковь села Алексеевское. За Крестовской заставой
70. Церковь б. Георгиевского м-ря (Георгиевская и Казанская). Б. Дмитровка
71. Здание б. церкви Тимирязевской академии. Петровское-Разумовское
72. Антирелигиозный музей (б. собор Страстного м-ря). Страстная пл.

Дзержинский район

73. Дом Ин-та Мосздрава. Б. дом Александровского ин-та. Божедомка
74. Больница Мосздрава им. Достоевского (б. здание Мариинской б-цы). Божедомка
75. Церковь Троицы в Листах. Сретенка
76. Церковь Сергия в Пушкарях. Сергиевская ул.
77. Здание Культпросвета ф-ки Москвошвей (б. церковь Спаса Преображения в Песках). Каретный ряд, 18

Сокольнический район

78. Церковь Флора и Лавра. Мясницкая

Бауманский район

79. Дом Межевого ин-та НКЗем (б. дворец). Коровий брод, Гороховск. пер., 4
80. Церковь Владимира в Старых Садах. Уг. Хохловского и Ивановского пер.
81. Церковь Петра и Павла. Н. Басманная
82. Церковь Вознесения. Гороховое поле
83. Церковь Никиты Мученика. Старая Басманная
84. Церковь Иоанна Предтечи в Казенной. Земляной вал
85. Церковь Богоявления в Елохове. Бауманская пл.
86. Здание областного управления принудительных работ (б. церковь Воскресения в Барашах). Покровка
87. Церковь Троицы в Хохловке. Хохловский пер.
88. Здания б. Златоустинского м-ря:
    1. Церковь Захария и Елизаветы
    2. « Иоанна Златоуста
    3. « Благовещения
    4. Колокольня
    5. Решетки над воротами и у соборов
89. Здание, решетки и ворота б. МВТУ. Коровий брод, 3

Сталинский район

90. Здание общежития рабочих. Б. Госпиталь Военведа. Госпитальная ул.
91. Здание Военведа (б. здание Кадетского корпуса). Солдатская ул.

Пролетарский район

92. Здание б. Андрониевского м-ря, стены, трапезная, палаты с Михайловской церковью, Спасский собор. Площадь Прямикова

Замоскворецкий район

93. Дворец труда ВЦСПС (б. Воспитательный дом). Солянка, 12
94. Здание МОСО (б. Опекунский совет). Солянка, 12
95. Церковь Успения в Гончарах. Ул. Володарского
96. Церковь и решетка с оградой Никиты за Яузой. Ул. Володарского
97. Церковь Всех святых на Кулишках. Площадь Ногина
98. Здание общежития Часового з-да (б. ц-вь Николы на Болвановке). Ниж. Ул. Радищева, 3
99. Ц-вь Николы Заяицкого и решетка. Раушская наб.

Ленинский район

100. Так называемое Лобное место. Красная пл.
101. Здание б-цы Мосздрава (б. Градская б-ца). Б. Калужская, 16
102. Здание Музея народоведения НКП (б. здание Нескучного дворца). Б. Калужская
103. Здание Музея народоведения НКП (б. Мамонова дача).

104. Дом жилтоварищества (б. дом Прозоровского). Б. Полянка, 1
105. Здание б-цы Мосздрава (б. Павловская б-ца). Павловская ул., 23
106. Школа МОНО № 1. Ограда с решеткой и воротами (б. здание 5-й гимназии). Толмачевский пер.
107. Здание Теплобетонстроя (б. церковь Георгия на Варварке). Варварка
108. Здание трикотажной фабрики (б. собор Знаменского м-ря). Варварка
109. Церковь и решетка ц-ви Георгия в Яндове. Садовническая ул.
110. Б. церковь Вознесения. Серпуховская ул.
111. Церковь Рисположения на Донской. Донская ул.
112. Здание б. Данилова м-ря, стены, башни, старый собор, надворная церковь и новый собор

Фрунзенский район

113. Здание рабфака им. Бухарина НКП (б. дом Коммерческого училища). Остоженка, 38.
114. Дом и усадьба МФО (б. дом Сологуба). Ул. Воровского
115. Дом Жилтоварищества (б. дом Дворцового ведомства). Зубовский, 25
116. Здание клуба 1 МГУ и ограда (б. Университетская ц-вь). Моховая, 9
117. Дом Жилтоварищества. Ул. Коминтерна, 9
118. Здание Общежития Свердловского Ун-та (б. дом Талызиных). Воздвиженка – уг. Ваганькова пер.
119. Здание Пожарного депо МСКХ (б. Пречистенское депо). Ул. Кропоткина
120. Дом НКФина (б. дом Госбанка). Никитский б-р, 12
121. Колокольня и б. ц-вь Вознесения. Ул. Герцена
122. Здание столовой Санупра (б. ц-вь Знамения на Шереметевском дворе). Ул. Грановского
123. Здание общежития Дворца советов (б. ц-вь Крестовоздвижения на Воздвиженке)
124. См. 58а

Приложение II.3

Типовой договор сдачи в аренду учетного памятника архитектуры 1937 г.[5]

Гор. Москва, 193… г. … дня. Музейный отдел Наркомпроса РСФСР в лице Заведующего отделом т. … , действующего на основании приказа Наркомпроса РСФСР от 4.IX-1934 г. за № 661, с одной стороны, и, с другой, … в лице … действующего на основании … в дальнейшем именуемый АРЕНДАТОР, заключили настоящий договор в следующем:

I. Общие условия.

1. Арендатор снял, а Музейный отдел сдал ему в аренду здание … памятника, состоящее в списке памятников госохраны и находящееся в г. … по ул. … на земельном участке № …

Примечание: Здание памятника передается по акту в том состоянии, которое окажется на день его фактической передачи. Обмер площади сдаваемых помещений, необходимый ремонт и сроки его выполнения устанавливаются тем же актом. Акт подписывается обеими сторонами в 2-х экземплярах и прилагается к договору вместе со схематическим планом здания.

2. Срок аренды определяется с … по …

II. Арплата и прочие платежи

3. За указанное в п . I настоящего договора помещение Арендатор обязан уплатить Музейному отделу НКП РСФСР в течение срока действия договора из расчета …

Платежи вносятся на расчетный счет … за каждый квартал вперед, причем Арендатор обязан одновременно уведомлять об этом …

4. В случае изменения действующих тарифов на нежилые помещения арендная плата соответственно изменяется, начиная с указанного в новом постановлении срока, и вносится в срок, указанный в извещении Музея[6] о перерасчете.

III. Обязанности Арендатора

Арендатор принимает на себя следующие обязательства:

5. Выполнить ремонт здания, указанный в акте передачи, при условии предварительного уведомления Музейного отдела о начале работ и получении разрешения на производство его.

6. Использовать сданные ему по договору помещения по назначению, указанному в п. Iдоговора и не заселять их для проживания, как временного, так и постоянного.

7. Не производить перестроек и переделок арендуемого помещения без предварительного разрешения Музейного отдела (письменного).

8. Не сдавать в субаренду арендуемого помещения без предварительного письменного разрешения Музейного отдела.

9. Охранять приборы отопления, водопровода, канализации, электросети, находящиеся в снятом по сему договору помещении от разрушений и повреждений, а равно и поддерживать в помещении температуру, необходимую для полной сохранности как самих помещений, так и домовой сети центрального отопления, водопровода и канализации.

10. Выполнять предписания нижеуказанных организаций: а) пожарной охраны; б) саннадзора; в) охраны труда; г) и других соответствующих организаций.

11. Беспрепятственно допускать в рабочее время представителей Музейного отдела НКП РСФСР и домоуправления для хозяйственного контроля (кроме тех, куда вход требует особого разрешения), обязать своих представителей на местах участвовать в составлении и подписании двухсторонних актов, а также вызывать представителя Музейного отдела НКП РСФСР для участия в составлении актов о начале и окончании ремонта, аварии и проч. случаев.

---

[5] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 76. Д. 117. Л. 40-39об.

[6] Так в тексте.

12. Допускать экскурсии для осмотра памятника, как снаружи, так и внутри по заявкам соответствующих музеев или местных уполномоченных по охране памятников.
13. Передать Музейному отделу НКП РСФСР безвозмездно как по истечении срока договора, так и при досрочном прекращении его все сделанные перестройки, переделки и улучшения, составляющие принадлежность помещений, кроме переносных предметов и шкафов.

IV. Текущий ремонт

14. Арендатор обязан своевременно производить текущий ремонт арендуемого помещения, независимо от времени возникновения и потребности в нем. Весь текущий ремонт Арендатор производит за свой счет.
15. Всякого рода перестройки, переделки и приспособления помещения, вызываемые потребностями данного предприятия, Арендатор производит за свой счет, по согласованию с Музейным отделом НКПроса РСФСР.

V. Санкции

16. Невзнос платежей в сроки, установленные настоящим договором, влечет за собой начисление пени в размере 0,2% в сутки за каждый день просрочки, но не свыше половины общей суммы основной задолженности. При взносе платежей частями последние в первую очередь засчитываются в покрытие следуемой пени, без особого уведомления арендатора.
17. В случае неуведомления Музейного отдела НКП РСФСР об освобождении помещения и несдаче его по акту или передачи, без письменного разрешения Музейного отдела НКП РСФСР, другой организации или учреждению, Арендатор обязан уплатить Музейному отделу НКП РСФСР штраф в размере 2000 рублей, а помещение подлежит изъятию от пользователя.
18. В случае использования Арендатором помещения не по прямому назначению, предусмотренному договором, или населению его, хотя бы в части, под жилье, договор подлежит досрочному расторжению с выселением Арендатора и поселенных с ним лиц из помещения и уплатой Арендатором Музейному отделу НКП РСФСР штрафа в размере 2000 руб.

VI. Досрочное расторжение договора

19. В случае государственной или общественной нужды в помещении или строении, а также в случае отвода земельного участка, на котором оно находится, под новое строительство, с согласия Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК, договор подлежит расторжению с возвратом внесенной Арендатором платы за неиспользованное время.
20. Стороны освобождаются от ответственности по договору за досрочное расторжение по постановлению вышестоящих органов.

VII. Особые условия

Договор составляется в 3 экземплярах – один находится в делах Музейного отдела НКП РСФСР, другой передается Комитету по охране памятников при Президиуме ВЦИК … а третий выдается Арендатору.
Договор входит в силу со дня решистрации его в Комитете при Президиуме ВЦИК. […]

Проект типового договора утвержден Пленумом Комитета 26 октября 1937 г.

Глава III. Возрождение органов государственной охраны памятников архитектуры и общественное движение (1942-1965)

Приложение III.1

Примеры памятников архитектуры г. Москвы, находящихся в особо запущенном и аварийном состоянии 1954 г.[7]

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ПРИ СМ СССР	
1. Ц-вь Покрова в Филях (кон. XVIII в.). 2-й этаж, б. летняя церковь. Кутузовский пер.	Дом народного творчества им. Крупской. Хранение художественных фондов
КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРИ СМ РСФСР	
2. Ц-вь Покрова в Филях (кон. XVIII в.). 1-й этаж, б. зимняя церковь. Кутузовский пер.	Госкультпросветиздат. Склад бумаги
3. Ц-вь Никиты Мученика (1761). Ул. Карла Маркса, 16	Склад и общежитие
АКАДЕМИЯ АРХИТЕКТУРЫ СССР	
3-5. Успенский собор (1667-1688), стена-переход (XVII в.) и надвратный терем Крутицких митрополитов (1694 г.). 1-й Крутицкий пер., 4а	Мастерские и общежитие
АКАДЕМИЯ НАУК СССР	
6. Усадьба Дурасова (кон. XVIII-нач. XIX в.). Люблино	Гидрофизический ин-т. Дирекция и лаборатории
7. Большое Вознесение у Никитских ворот (XVIII в.)	Энергетический ин-т. Лаборатории
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФОНД СССР	
8. Ц-вь Покрова в Рубцове (1627). Бакунинская ул., 23	Московское отделение. Художественные мастерские и жилые помещения
9. Собор Рождественского монастыря. Ул. Жданова, 20	2-я скульптурная фабрика
КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ФИЗКУЛЬТУРЫ И СПОРТА	
10-13. Высокопетровский м-рь XVII-XVIII вв. Петровка, 28	Электромеханический з-д Мин-ва совхозов СССР, мастерские и спортзал трудовых резервов, реставрационные мастерские Управления по делам архитектуры при СМ РСФСР, ателье, магазин,

[7] ЦГА г. Москвы, ЦХД после 1917 г. Ф. 429. Оп. 4. Д. 68. Л. 56-60.

	парикмахерская, жилье

ВСЕКООПИНСОЮЗ ПРИ СМ РСФСР

14. Собор Заиконоспасского м-ря (XVII-XVIII вв.). Ул. 25 Октября, 9.	Могорнадомкоопинсоюз. Артель художественного оформления
15. Ц-вь Николы в Звонарях (1762-1781). Ул. Жданова, 15	Артель художественного рукоделия

МИНИСТЕРСТВО ЭЛЕКТРОПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

16. Ц-вь Троицы в Вешняках (нач. XIX в.). Пятницкая ул., 51	Проектная контора
17. Трапезная Симонова м-ря (XVII в.)	З-д Динамо
18. Дворец «Сушило» (XVII в.). Ленинская слобода, 1-4	З-д им. Сталина

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

19. Стены и башни Данилова м-ря (XVII в.). Даниловский вал	Детский приемник
20. Новоспасский м-рь (XVII-XVIII вв.). Крестьянская пл., 10	УМВД Мос. Области
21. Ц-вь Воскресения в Кадашах (1695-1713). 2-й Кадашевский пер., 9	Архив УМВД Мос. Области

МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

22. Ц-вь Георгия в Яндове (1653). Ул. Осипенко, 6	Метрострой. Коммунально-строительная контора

МИНИСТЕРСТВО АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

23. Ц-вь Никиты за Яузой (XVI-XVII вв.). Ул. Володарского, 6	Тех. Контора

МОСГОРИСПОЛКОМ

24. Ц-вь Анны (XV в.). Кривой пер., 13	Управление местной промышленности. Тех. Химзавод
25. Колокольня ц-ви Троицы в Серебрянниказ (1781). Яузская ул., 3/1	Трест Гордорремонт. Контора № 2.
26. Дом Клоповской (нач. XIX в.). Ул. Володарского, 16	РЖУ
27. Ансамбль домов (XVII-XVIII вв.). Ульяновская ул. 51, 53, 55	РЖУ
28. Дача Орлова «Голубятник» (кон. XVIII в.). 2-й Верхне-Михайловский пер., 4	РЖУ
29. Городская усадьба (XIX в.). Старомонетный пер., 22	РЖУ
30. Колокольня Новоспасского м-ря. Крестьянская пл., 10	РЖУ

31. Дом Верстовского (нач. XIX в.). Антипьевский пер., 4	РЖУ
32. Дворец Троекурова (XVII в.). Георгиевский пер., 4	РЖУ
33. Славяно-греко-латинская академия (XVII в.). Ул. 25 октября, 9	РЖУ
34. Ц-вь Вознесения на Гороховом поле (1793). Ул. Радио, 2	Типография
35. Дом Боткина (нач. XIX в.). Петроверигский пер., 4	РЖУ
36. Усадьба дачи Студенец (кон. XVIII-нач. XIX в.). Ул. Мантулина, 5	Парк культуры и отдыха
37-47. Усадьба Михалково (кон. XVIII в.). Михалковское шоссе	Детский парк
48. Стены и башни Андроникова м-ря (XVII-XVIII вв.). Пл. Прямикова, 10	РЖУ
49. Дом Перовских (нач. XIX в.). Новобасманная ул., 27	РЖУ
50. Дом Анны Моно (XVII в.). Старокирочный пер., 6	РЖУ

Приложение III.2

Перечень памятников архитектуры, исключаемых из списка памятников, подлежащих охране как памятники государственного значения 1963 г.
(Приложение к распоряжению Совета Министров РСФСР от 12 сентября 1963 г. N 3971-р)

Наименование памятника, дата сооружения, автор	Место нахождения памятника
Г. МОСКВА Бауманский район	
Дом, начало XIX в.	Б. Демидовский пер., 17
Киевский район	
Дом, начало XIX в.	Серебряный пер., 5
Кировский район	
Дом, конец XVIII в.	Раушская набережная, 14
Ленинский район	
Дом, XIX в.	Донская ул., 50
Пролетарский район	
Дом, конец XVIII в. Усадьба Воронцова-Дашкова: Садовый павильон, начало XIX в.	Ульяновская ул., 6 Воронцовская ул., 4 - 6
Рижский район	
Дом Н.И. Новикова (И.С. Гендрикова), 1775 г., по проекту арх. В.И. Баженова. Построен арх. Н.Н. Леграном Церковь, начало XIX в.	Садово-Спасская ул., 1
Советский район	
Дом, конец XVIII - начало XIX вв.	ул. Герцена, 10
Фрунзенский район	
Дом, начало XIX в.	Дашков пер., 7

Приложение III.4

Опросник о вновь выявленном памятнике архитектуры Московского клуба туристов 1955 г.[8]

1. Где находится памятник

2. Что он из себя представляет: усадьба, службы, дом или квартира, основные сведения, описание – курган, городище, остатки стен валов и зданий и проч.

3. Как фактически используется памятник, угрожает ли использование его сохранности

4. Состояние памятника в настоящем – кровля, стены, окна, двери, резьба, архтиектурные детали, внутреннее убранство

5. Состояние прилегающей к памятнику территории – наличие парка, деревьев

6. Состояние прудов

Состояние врхеологических памятников – раскопаны ли они, имеется ли на них растительность

7. Угрожает ли памятнику разрушение от естественных причин – река, оползни и проч.

8. Угрожает ли памятнику разрушение от деятельности человека (переделка, приспособления хранение горючих материалов)

[8] РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 480. Л. 10.

Глава IV. Развитие градостроительной концепции охраны архитектурного наследия (1966-1991)

Приложение IV.1.

Список памятников архитектуры и градостроительства Москвы советского периода. 1983 г.

Общесоюзного значения:

1. Мавзолей В. И. Ленина, 1929 г. Арх. Щусев А. В. Красная пл.
2. Станция метрополитена «Дворец Советов», ныне «Кропоткинская», 1935 г. Арх. Душкин А. Н., Лихтенберг Я. И. Гоголевский б-р.
3. Комплекс зданий Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 1945-1953 гг. Арх. Руднев Л. В., Чернышев С. Е., Абросимов П. В., Хряков А. Ф., инж. Насонов В. Н. Ленинские горы.
4. Библиотека им. В. И. Ленина, 1928-1941 гг. Арх. Щуко В. А., Гельфрейх В. Г. Калинина просп., 3/24.
5. Экспериментальный жилой дом, 1927-1929 гг. Арх. Мельников К. С. Кривоарбатский пер. 10.
6. Планетарий, 1927-1929 гг. Арх. Барщ М. О., Синявский М. И. Зундблат Г. А. Садовая-Кудринская ул., 5.
7. Жилой дом бывш. Наркомфина, 1928-1930 гг. Арх. Гинзбург М. Я., Милинис И. Ф. Чайковского ул., 25.
8. Радиобашня, 1922 г. Инж. Шухов В. Г. Шаболовка ул., 53.
9. Здание бывш. Центросоюза, ныне ЦСУ СССР, 1928—1936. Арх. Ле Корбюзье при участии Колли Н. Я. Кирова ул., 39.
10. Дом культуры им. Русакова, 1927—1929. Арх. Мельников К. С. Стромынская пл., 10.

Местного значения:

1. Станция метрополитена «Красные ворота» Перронный зал, наземный вестибюль, 1935 г. Арх. Фомин И. А. Ладовский И. А. Лермонтовская пл.
2. Центральный академический театр Советской Армии, 1934-1940 гг. Арх. Алабян К. С, Симбирцев В. Н. Коммуны пл., 2.
3. Здание Госбанка СССР, 1927-1929 гг. Арх. Жолтовский И. В. Неглинная ул., 12.
4. Жилой дом общества «Динамо» с клубом и магазином, 1930-1932 гг. Арх. Фомин И. А. Фуркасовский пер., 1.
5. Шлюз на реке Яузе, 1938-1939 гг. Арх. Гольц Г. П. Акад. Туполева наб., 2.
6. Дом Общества политкаторжан, ныне Театр-студия киноактера, 1931 г. Арх. Веснины В. А. и А. А. Воровского ул., 33.
7. Киевский вокзал, 1918 г. Арх. Рерберг И. И. Киевского вокзала пл.
8. Гостиница «Украина». 1950-1956 гг. Арх. Мордвинов А. Г., инж. Красильников П. В. Кутузовский просп., 2/1.
9. Здание Министерства иностранных дел и внешней торговли СССР. 1943-1951 гг. Арх. Гельфрейх В. Г., Минкус М. А. Смоленская пл., 2/54.
10. Жилой дом бывш. Госстраха, 1928 г. Арх. Гинзбург М. Я. М. Бронная ул., 21/13.
11. Жилой дом, 1950-1954 гг. Арх. Посохин М. В., Мндоянц А. А., инж. Вохомский М. Н. Восстания пл.
12. Универмаг на Красной Пресне, 1927-1929 гг. Арх. Веснины В. А. и А. А. Краснопресненской за ставы пл., 2/48
13. Военно-политическая академия им. В. И. Ленина, 1930—1934 гг. Арх. Щусев А. В., Яковлев Г. К. Садовая ул., 14.
14. Центральный Дом архитектора, 1937 г. Арх. Буров А. К., Власов А. В. Щусева ул., 7.
15. Стадион «Динамо», 1928 г. Арх. Чернковер Л. З. Ленинградский просп., 36.
16. Северный речной вокзал, 1932-1937 гг. Арх. Рухлядев А. И. Ленинградское шоссе, 89.

17. Военная академия им. М. В. Фрунзе, 1931—1937 гг. Арх. Руднев Л. В, Мунц В. О. Девичьего поля пр., 4.
18. Жилой дом, 1934 г. Арх. Жолтовский И. В. Маркса просп., 16.
19. Клуб завода «Каучук», 1927-1929 гг. Арх. Мельников К. С. Плющиха ул., 64.
20. Жилой массив (планировка квартала), 1927-1930 гг. Арх. Травин Н. Н., Блохин Б. Н. и др. Шаболовка ул., 61—61.
21. Здание ВЦСПС, 1936 г. Арх. Власов А. В. Ленинский просп., 42.
22. Дом-коммуна, 1929 г. Арх. Николаев И. С. Орджоникидзе ул., 8/9.
23. Комплекс «дома правительства», 1928-1931 гг. Арх. Иофан Б. М. Серафимовича ул., 2.
24. Дворец культуры автозавода им. Лихачева, 1931-1937 гг. Арх. Веснины В. А. и А. А. Восточная ул., 4.
25. Жилой дом, 1948-1952 гг. Арх. Чечулин Д. Н., Ростковский А. К. Котельническая наб., 1/15.
26. Здание комбината газеты «Правда», 1931-1937 гг. Арх. Голосов П. А. «Правды» ул., 24.
27. Гостиница «Ленинградская», 1949-1953 гг. Арх. Поляков Л. М. Каланчевская пл., 21/40.
28. Здание Госторга, ныне Министерство торговли РСФСР, 1927 г. Арх. Великовский Б. М., Владимиров В. Н., Вегман Г. Г. Кирова ул., 47.
29. Министерство путей сообщения, 1934 г. Арх. Фомин И. А. Новобасманная ул., 2.
30. Административно-жилое здание, 1949-1953 гг. Арх. Душкин А. Н., Мезенцев Б. С. Лермонтовская пл.
31. Клуб фабрики «Буревестник», 1927-1929 гг. Арх. Мельников К. С. 3-я Рыбинская ул., 17.
32. Здание Наркомзема, ныне Министерство сельского хозяйства СССР, 1928-1933 гг. Арх. Щусев А. В. Садовая-Спасская ул.,11/1.
33. Здание Центрального телеграфа, 1927 г. Арх. Рерберг И. И. Горького ул., 5/7.
34. Жилой дом, 1933-1949 гг. Арх. Буров А. К., росписи Фаворского В. А. Горького ул., 25.
35. Жилой дом, 1936-1940 гг. Арх. Буров А. К., Блохин Б. Н. Ленинградский просп., 27.
36. Клуб им. Зуева, 1927-1929 гг. Арх. Голосов И. А. Лесная ул., 18.
37. Станция метрополитена «Маяковская», 1938 г. Арх. Душкин А. Н. Маяковского пл.
38. Здание газеты «Известия», 1927 г. Арх. Бархин Г. Б. при уч. Бархина М. Г. Пушкинская ул., 5.

Приложение IV.2

Образец учетной карточки памятника культуры 1986 г.

Приложение N 3
к Инструкции о порядке учета,
обеспечения сохранности, содержания,
использования и реставрации недвижимых
памятников истории и культуры

Министерство культуры СССР

Памятники истории и культуры СССР
(недвижимые)

_____
(индекс)

Союзная республика _____ _____
(наименование республиканского органа охраны)

Адрес
_____
_____
(АССР, край, область; район, автономная обл.; национальный округ;
населенный пункт)

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА

I. Наименование памятника

II. Типологическая принадлежность

Памятник археологии	Памятник истории	Памятник гр-ства и архитектуры	Памятник мону-мент. искусства

III. Датировка памятника

IV. Характер современного использования

По перво-начально-му назна-чению	Культурно-просвети-тельное	Туристско - экскурси-онное	Лечеб-но-оздорови-тельн.	Жилые По-мещения	Хозяйстве-нное	Не исполь-зуется

предлож. по использ. _____

V. Характеристика технического состояния

VI. Категория охраны

хорошее	среднее	плохое	аварийное
общесоюзная			
	республ.	местная	не состоит

Наличие утвержденных зон охраны	Да	Нет

VII. Наличие документации

Паспорт	Фотографии	Обмеры	Реставрационные материалы

место хранения документов

Органы охраны	Реставрационные мастерские	Музей, архив, НИИ		
союзный	республикан.	местный	республикан.	местные

Дата составления карточки

"__" _____ 19__ г.

М.П.

Составитель _____
(Ф.И.О., должность или профессия, подпись)

Инспектор по охране памятников _____
(Ф.И.О., подпись)

Учетная карточка (оборотная сторона)

Фото или схематический план | Краткое описание

Приложение IV.3

Образец паспорта памятника культуры 1986 г.

Приложение N 4
к Инструкции о порядке учета,
обеспечения сохранности,
содержания, использования
и реставрации недвижимых
памятников истории и культуры

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ССС
ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СССР (недвижимые)

Союзная республика _____

_____
(наименование республиканского органа охраны памятников)

ПАСПОРТ

I. Наименование памятника _____

II. Типологическая принадлежность

Памятник археологии	Памятник истории	Памятник гр-ства и архитектуры	Памятник монумент. иск-ва

III. Датировка памятника (или дата исторического события, с которым связано возникновение памятника - для памятников истории)

_____

IV. Адрес (местонахождение) памятника

_____

_____
(АССР, край, область, район, автономная обл., национальный округ; населенный пункт, пути подъезда)

V. Характер современного использования

По первонач. назначению	Культурно-просвет.	Туристско-экскурсион.	Лечебно-оздоровительн.	Жилые помещения	Хозяйственное	Не используется
	Музей библ. клуб		больн. санат. д/отд.		Учрежд. торгов. промышл. склад	

Приложения:
Фото общего вида -
Фото фрагментов -
Генплан -
Обмеры: план - фасад - разрез –
схематический план охранной зоны -
VI. Исторические сведения

а) Для памятников археологии — - история возникновения, кем и когда производились разведки и раскопки, место хранения коллекций

Для памятников истории — - история возникновения: краткая характеристика событий и лиц, в связи с которыми объект приобрел значение памятника

Для памятников градостроительства и архитектуры и монументального иск-ва — - автор, строитель, заказчик, история создания

б) Перестройки и утраты, изменившие первоначальный облик памятника.

в) Реставрационные работы (общая характеристика, время, автор, место хранения документации).

VII. Описание памятника

а) Для памятников археологии — - характер культурного слоя, важнейшие находки

б) Для памятников истории — - характеристика памятника, наличие, текст и время установления мемориальной доски

Для памятников градостроительства и архитектуры — -основные особенности планировочной, композиционно-пространственной структуры и конструкций; характер декора фасадов и интерьеров; наличие живописи, скульптуры, прикладного искусства; строительный материал, основные габариты

Для памятников монумент. иск-ва — - основные особенности композиционного и колористического решения; тексты, материал, техника, размер

б) Общая оценка исторической, научной, художественной или иной культурной ценности памятника

I. Основная библиография, архивные источники, иконографический материал

VIII. Техническое состояние

Характеристика общего состояния:		хорошее	среднее	плохое	аварийное
для памятников археологии	культурного слоя важнейших находок				

для памятников архитектуры и истории	конструкций стен покрытий потолков пола декора фасадов интерьеров				
в интерьере:	живописи скульптуры прикл. иск-ва				
для памятников монументального искусства	цоколя постамента скульптуры грунта красочного слоя				

X. Система охраны

а) категория охраны

союзная	республ	местная	не состоит

б) Дата и N документа о принятии под охрану

_____

в) Границы охранной зоны и зоны регулирования застройки (краткое описание со ссылкой на утверждающий документ)

г) Балансовая принадлежность и конкретное использование

_____

д) Дата и N охранного документа _____

Составитель _____

(Ф.И.О., должность или

Дата составления паспорта профессия)

"__" _____ 19__ г. _____

(подпись)

Инспектор по охране памятников _____

М.П. _____

(подпись)

2. ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ И ГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ.

Таблица 1

Реформирование оранов охраны памятников архитектуры (1917-1927 гг.)

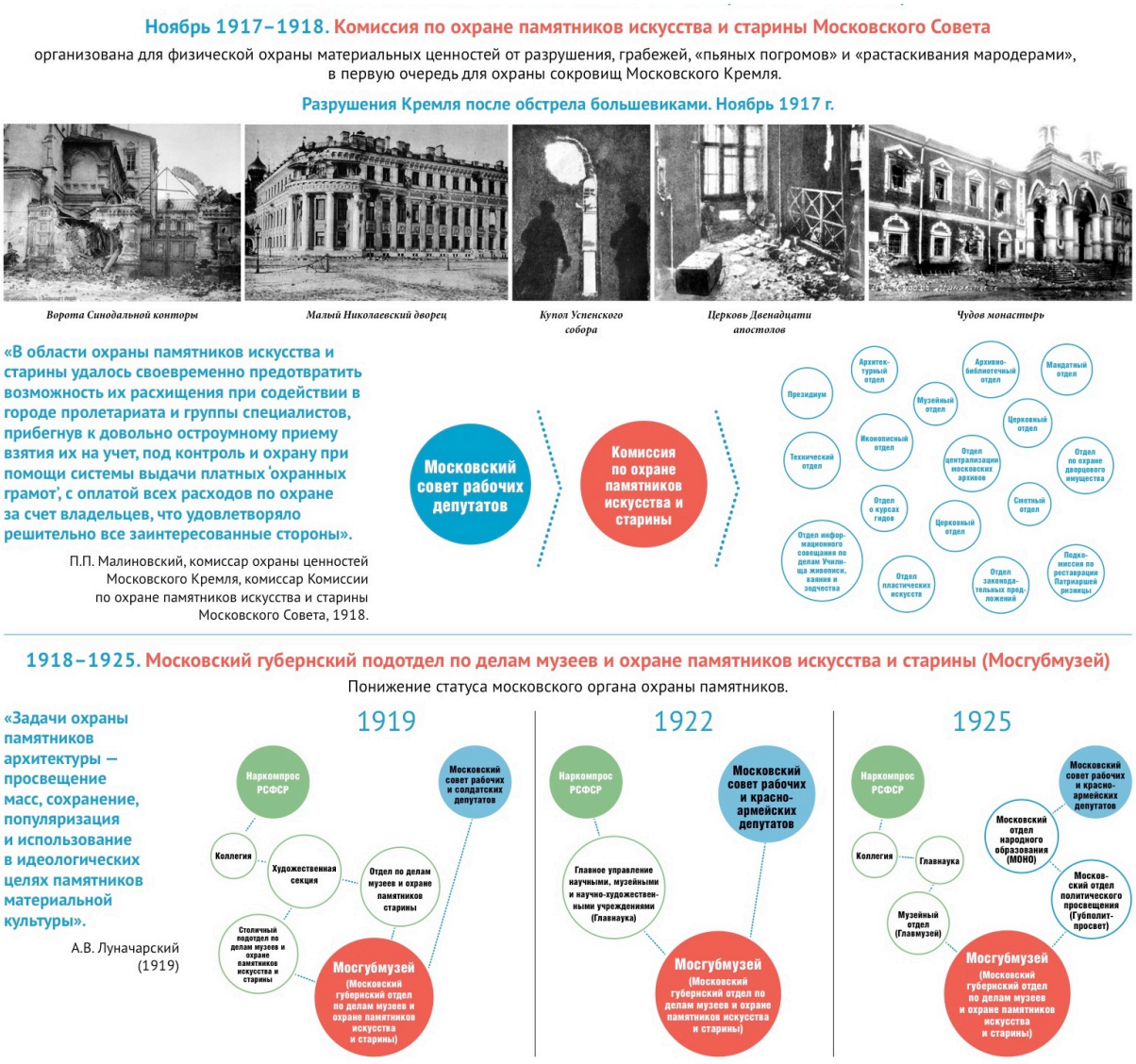


Таблица 2

Первые охраняемые объекты архитектурного наследия г. Москвы (1917-1920 гг.)

Таблица 3

Кризис охраны памятников архитектуры (1928-1941 гг.)

Упразднение государственных органов охраны памятников архитектуры

1928 г. — Ликвидирован Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР

1929 г. — Ликвидирован Московский губернский подотдел по делам музеев и охраны памятников старины (Мосгубмузей)

1934 г. — Ликвидированы Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ)

Упразднение общественных организаций изучения и популяризации памятников архитектуры

1930 г. — Закрыто Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ)

1930 г. — Закрыты Общество изучения Московской губернии (ОИМГ) и секция «Старая Москва»

1932 г. — Закрыто Московское архитектурное общество (МАО)

Сокращение списка памятников архитектуры г. Москвы

Снос по идеологическим мотивам
(Сталинская культурная революция)

Социалистическая реконструкция столицы

Строительство метрополитена

«В архитектуре у нас продолжается ожесточенная классовая борьба... Характерно, что не обходится дело ни с одной завалящей церквушкой, чтобы не был написан протест по этому поводу. Ясно, что эти протесты вызваны не заботой об охране памятников старины, а политическими мотивами — в попытках упрекнуть советскую власть в вандализме».

М. Л. Каганович,
первый секретарь МГК ВКП(б), 1933 г.

«Архитектора, возражающие против сноса, слепы и бесперспективны».

И.В. Сталин, 1933 г.

Таблица 4

Утраты исторического облика Москвы (1928-1941 гг.)

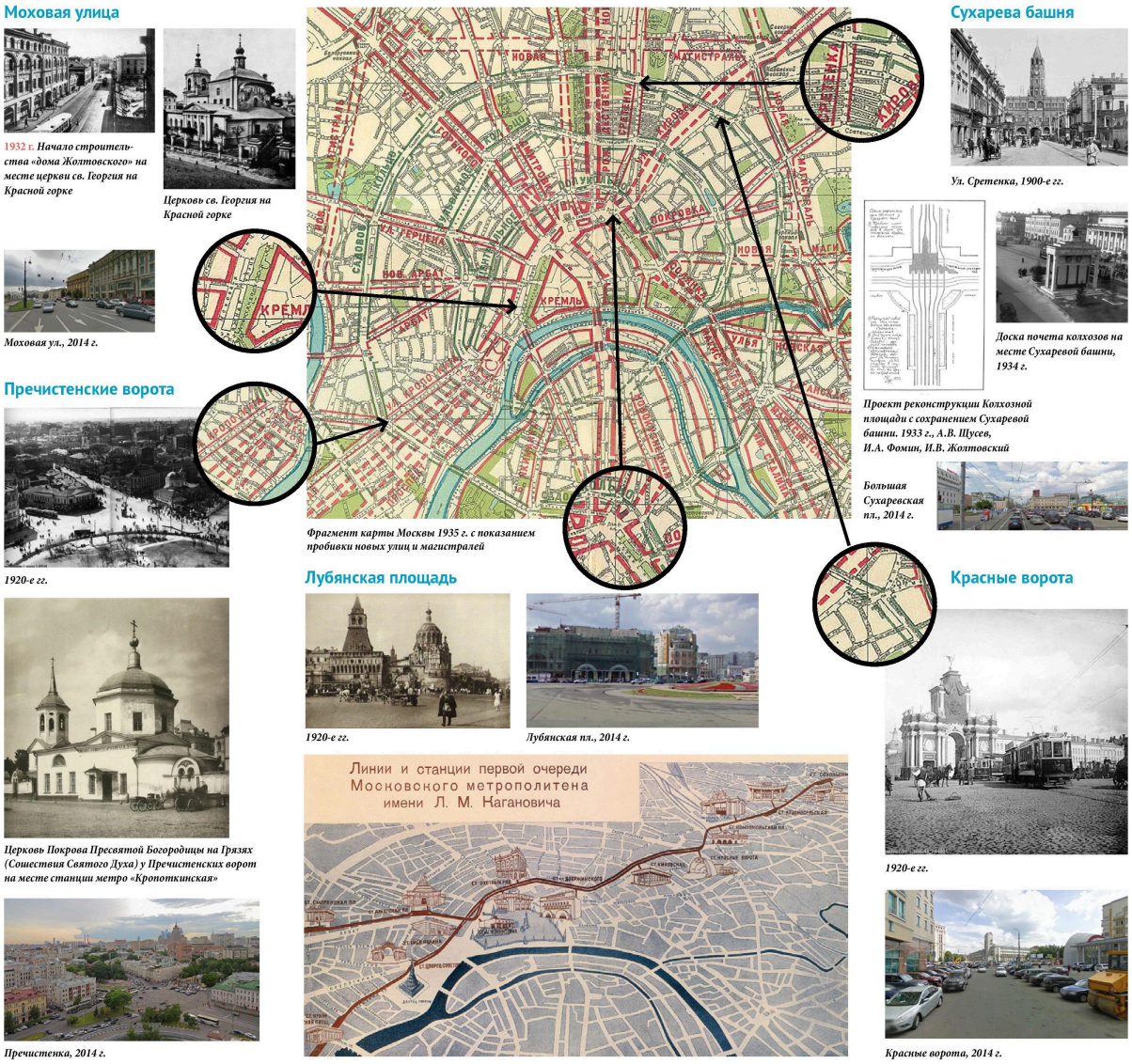


Таблица 5

Возрождение органов государственной охраны памятников архитектуры (1942-1965 гг.)

Считать неприкосновенным историко-художественным наследием национальной культуры и достоянием республики, подлежащим государственной охране, произведения древнерусского зодчества.
Постановление СМ РСФСР 22.05.1947 № 389

Структура органов охраны памятников архитектуры

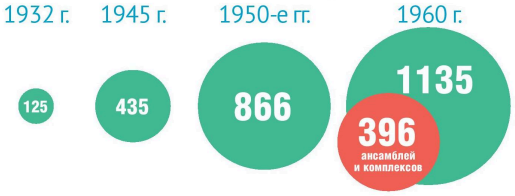
«Памятники архитектуры по-прежнему лишены элементарной поддержки и ухода, не ремонтируются в течение десятков лет, и вследствие этого катастрофически разрушаются ... и своим полуразрушенным видом уродуют площади и улицы Москвы».

Резолюция совещания ГУОП. 1945 г.

Законодательство

1928 г. – Постановление Совета Министров РСФСР № 389 «Об охране памятников архитектуры»
1929 г. – Постановление Совета Министров СССР № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры»
1934 г. – Постановление СМ РСФСР № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР»

Список памятников архитектуры г. Москвы



Направления деятельности Государственной инспекции охраны памятников архитектуры г. Москвы:

- Фиксация памятников, подлежащих сносу по плану реконструкции города
- Выявление и учет
- Заключение арендных договоров

Список памятников архитектуры г. Москвы, предназначенных для музейного показа:

Собор Сретенского монастыря 1679 г.

Церковь Трифона в Напрудном (XV-XVI вв.)

Церковь Зачатия Анны что в Углу (XVI в.)

Спасо-Преображенский собор Новоспасского монастыря (1645 г.)

Церковь Покрова в Филях (1693 г.)

Квартира художника Врубеля в быв. доме Мамонтова

1965 Г. ОБРАЗОВАНИЕ **ВООПИК** (ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ)

Инициативные группы по организации общесоюзного общества охраны культурного наследия:

Секция охраны и изучения памятников архитектуры МОСА
А.Я. Шафир, В.А. Лавров, Л.А. Петров, П.П. Ревякин, В.П. Тыдман

Комиссия охраны памятников МОСХ
А.А. Коробов, А.Н. Лужецкая, Г.И. Гладышева, П.Д. Корин, А.А. Пластов, Н.А. Пластов

Таблица 6

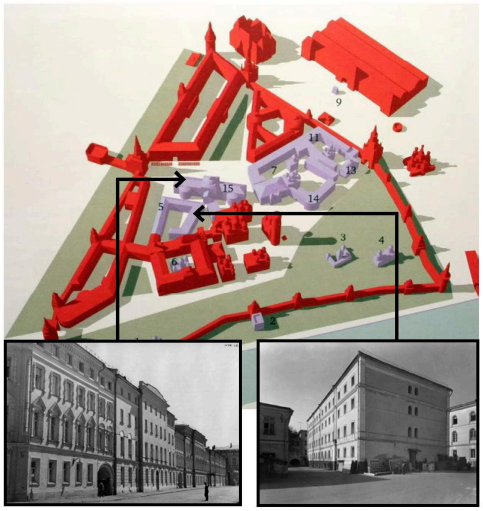
Утраты исторического облика Москвы (1942-1965 гг.)

«Разве это правильно, товарищи? Если мы пойдем по этому пути, куда же мы придем? Так могут поступать только растратчики народных средств ...»

Н.С. Хрущев, первый секретарь ЦК КПСС об охране памятников старины. 1961 г.

Зарядье. Строительство гостиницы «Россия»

Кремль. Строительство Кремлевского дворца съездов на месте Кавалерских корпусов и старого здания Оружейной палаты.



Внутренний двор старой Оружейной палаты и Кавалерских корпусов

Варианты проекта Кремлевского дворца съездов с сохранением старого здания Оружейной палаты

Арбат. Строительство проспекта Калинина

Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев у макета проспекта Калинина

Снос исторической застройки в районе Арбата для нового строительства

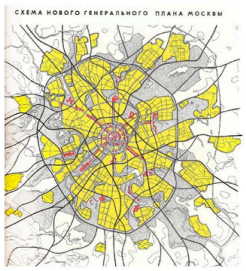
Собачья площадка

Кречетниковский переулок

Таблица 7

Протесты общественности против Генерального плана реконструкции Москвы (1966-1971 гг.)

Генеральный план развития Москвы принят Постановлением СМ СССР 03.06.1971



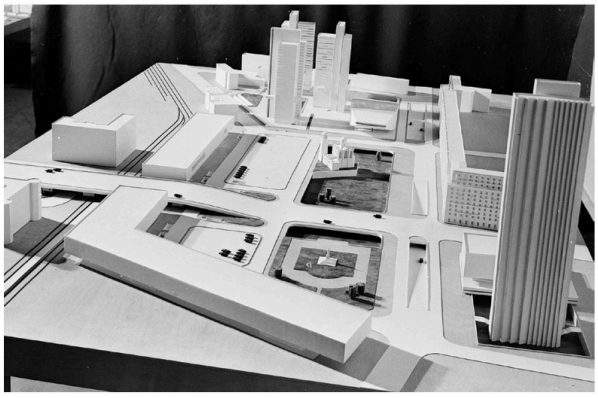
«Варварское истребление огромного количества памятников истории и культуры в связи с так называемой реконструкцией Москвы ... вряд ли объясняется неграмотностью и невежеством проектировщиков. Дело без сомнения в идеологической стороне их деятельности ... подготавливает почву для проникновения с Запада вреднейших продуктов морального разложения капиталистического мира».

Из обращений граждан в ЦК КПСС. 1970-е гг.

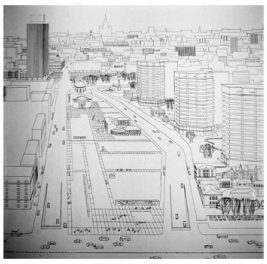
«В проекте реконструкции Москвы запланировано полное уничтожение исторической застройки; ... улицы Волхонки с ее чарующими своей поэзией домами XVIII — нач. XIX века. Вместо нее ... предполагается строительство нового музея Ленина, стеклянно-бетонного цилиндра, чудовищно диссонирующего своей архитектурой с Кремлем и домом Пашкова. Так же чужды исторической застройке проект нового Дома дружбы на Арбатской площади и здание нового Литературного музея на улице Димитрова».

Академики Л.А. Арцимович, Б.А. Рыбаков и П.Л. Капица. 1972 г.

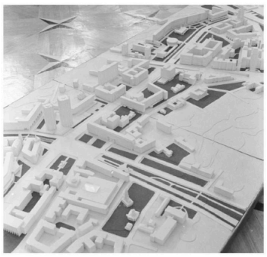
Проект реконструкции площади Белорусского вокзала. 1972 г.

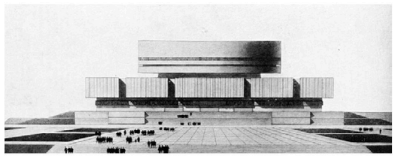


Проект реконструкции ул. Герцена (Б. Никитская). 1967 г.



Проект Новокировского проспекта (Проспект ак. Сахарова). 1972





Один из конкурсных проектов Центрального музея В. И. Ленина. 1971 г.

Проект реконструкции Арбатской площади и нового здания Дома дружбы с народами зарубежных стран. 1972 г.

Проект реконструкции ул. Большая Якиманка (проспект Димитрова). 1972 г.

Таблица 8

Утраты архитектурного облика Москвы (1966-1971 гг.)

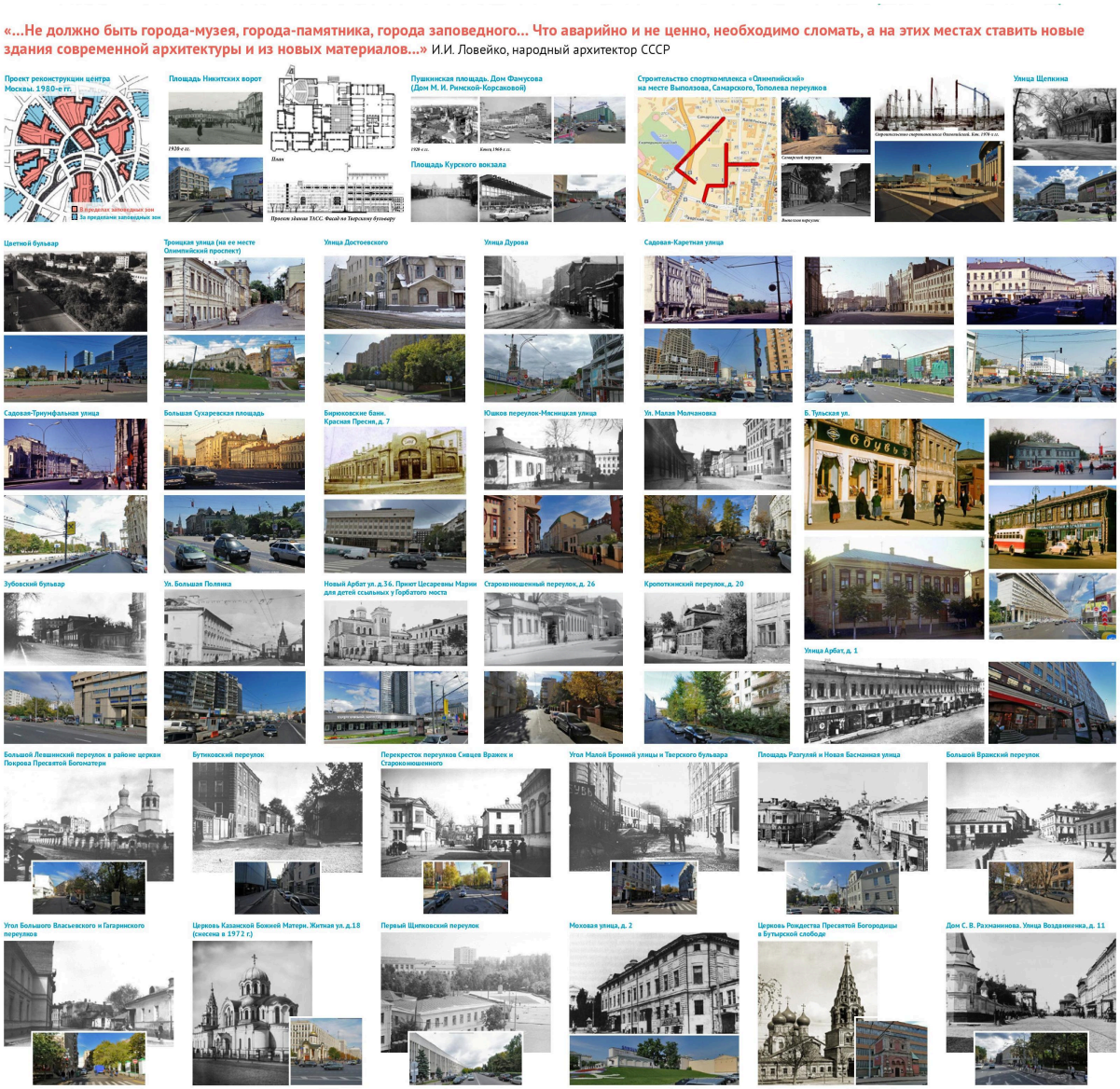


Таблица 9

Развитие градостроительной концепции архитектурного наследия (1966-1991 гг.)

Реформирование органов охраны архитектурного наследия

1977 г. – Государственная инспекция по охране памятников архитектуры и градостроительства (ГИОП г. Москвы) ГлавАПУ.

1984 г. – Управление государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры (УГК ОИП г. Москвы) ГлавАПУ.

Направления деятельности ГИОП г. Москвы:

- выявление;
- регистрация и учет;
- руководство и контроль охраны памятников;
- использование;
- реставрация;
- составление охранной и охранно-арендной документации;
- прием на баланс памятников архитектуры;
- ведение оперативной работы на памятниках архитектуры;
- контроль и охрана зданий исторической застройки на территории Москвы и лесопаркового защитного пояса;
- контроль за памятниками садово-паркового искусства;
- охрана и учет ценных элементов интерьера.

Законодательство

1966 г. – Постановление СМ РСФСР от 24.05.1966 N 473 «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР».

1976 г. – Постановление СМ РСФСР от 07.09.1976 N 495 «О дополнении Постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. N 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР».

1976 г. – Закон СССР от 29.10.1976 «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

1978 г. – Закон РСФСР от 15.12.1978 (ред. от 18.01.1985) «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

1982 г. – Постановление СМ СССР от 16.09.1982 N 865 «Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры».

Список памятников архитектуры г. Москвы

Типы недвижимых памятников культуры:

- здания и сооружения;
- их ансамбли и комплексы;
- градостроительные формирования;
- историко-культурные ландшафты;
- произведения монументального искусства;
- памятные места.

Градостроительная концепция охраны памятников архитектуры:

1950-е гг. Охранная зона — участок вокруг памятника архитектуры, на котором запрещено новое строительство.

1970-е гг. Система планировочных ограничений:

- зоны регулируемой застройки
- зоны особого режима реконструкции
- заповедные зоны
- охранные зоны.
- охранная зона — комплекс зданий исторического окружения памятника архитектуры, сооружений и прилегающей территории.

1973 г. Создание девяти заповедных зон столицы:

1. Китай-город, 2. Кропоткинская ул. [Пречистенка], 3. Арбат, 4. Ул. Герцена и Воровского [Б. Никитская и Поварская], 5. Петровка-Кузнецкий мост, 6. Ул. Кирова [Мясницкая], 7. Ул. Б. Хмельницкого — Чернышевского [Маросейка-Покровка], 8. Заяузье, 9. Замоскворечье.

1989 г. Программа «Архитектурное наследие».
Придание историческому центру Москвы в границах конца XVIII-начала XIX вв. статуса памятника градостроительства

Формирование в пределах Садового кольца единого центрального планировочного городского района
Создание четырех заповедных подрайонов столицы:

«Занеглименье» (запад)
«Заяузье» (восток)
«Междуречье» (север)
«Замоскворечье» (юг)

Таблица 10

Схемы размещения заповедных зон в пределах Садового кольца 1973 г. и исторической застройки 1989 г.

План девяти заповедных зон столицы. 1973 г.

1. *Китай-город.*
2. *Кропоткинская ул. [Пречистенка].*
3. *Арбат.*
4. *Ул. Герцена и Воровского [Б. Никитская и Поварская].*
5. *Петровка-Кузнецкий мост.*
6. *Ул. Кирова [Мясницкая].*
7. *Ул. Б. Хмельницкого — Чернышевского [Маросейка-Покровка].*
8. *Заяузье.*
9. *Замоскворечье.*

Программа «Архитектурное наследие». 1989 г.

Придание историческому центру Москвы в границах конца XVIII-начала XIX вв. статуса памятника градостроительства. Формирование в пределах Садового кольца единого центрального планировочного городского района

Районы исторической застройки:

«Занеглименье» (запад), **«Заяузье»** (восток), **«Междуречье»** (север), **«Замоскворечье»** (юг)

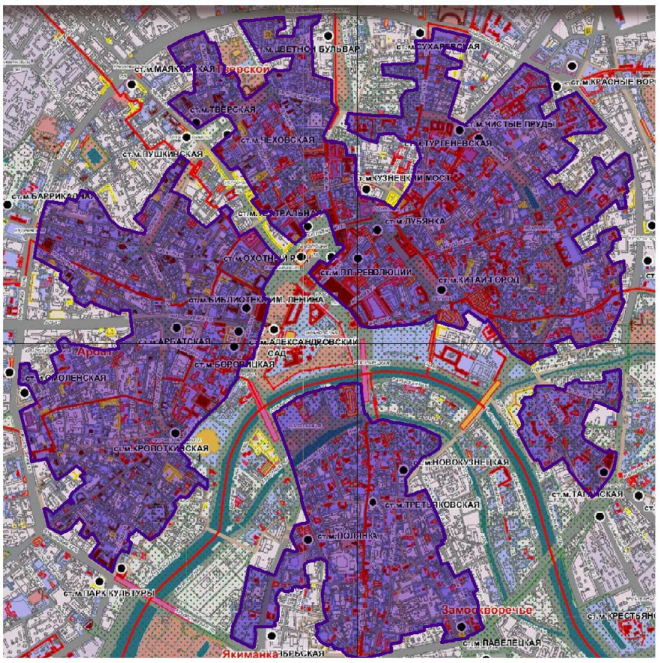


Таблица 11

Деятельность Департамента культурного наследия Москвы (1991-2014 гг.)

V. ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ Г. МОСКВЫ (1991–2014)

Реформирование органов охраны памятников

1996 г. – УГК ОИП г. Москвы переименовано в Главное управление охраны памятников истории и культуры г. Москвы (ГУОП г. Москвы)/

2002 г. – ГУОП г. Москвы приданы функции органа исполнительной власти г. Москвы в области охраны объектов культурного наследия г. Москвы.

2005 г. – Образован Комитет по культурному наследию города Москвы (Москомнаследие) в составе Комплекса архитектуры, строительства, развития и реконструкции города Москвы.

2010 г. – Москоснаследие преобразовано в Департамент культурного наследия города Москвы (ДКН) с прямым подчинением Правительству Москвы.

Стратегические направления деятельности:

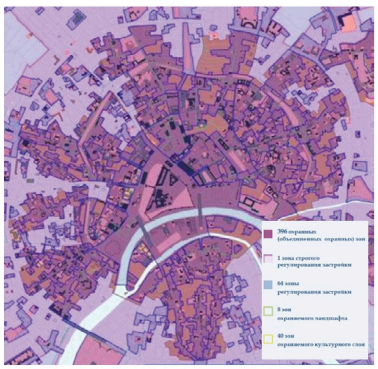
- государственный учет объектов культурного наследия;
- контроль за соблюдением законодательства;
- сохранения объектов культурного наследия;
- популяризация объектов культурного наследия.

Развитие градостроительной концепции охраны культурного наследия (2010–2013)

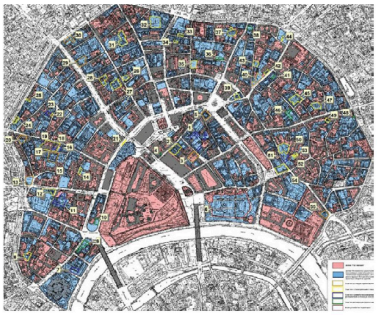
2008 г. – Установлены 1473 территории объектов культурного наследия с режимами использования земельных участков

Утверждение границ территорий объектов культурного наследия

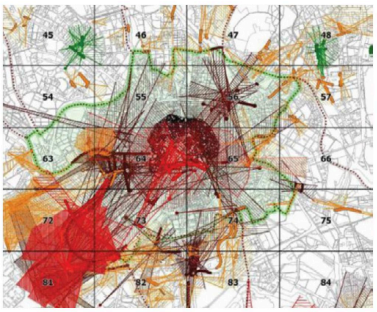
509 зон охраны культурного наследия



Разработка поквартальных режимов использования земель и градостроительных регламентов ВСЕХ кварталов Бульварного кольца



Разработка отраслевой схемы высотных ограничений застройки



Общественные организации охраны архитектурного наследия

- Московское городское отделение ВООПИК
- Движение Архнадзор
- Архнадзор
- Московское общество охраны архитектурного наследия (MAPS)
- «Против лома»
- Проект Советская архитектура (Соварх)
- Российское отделение Международной рабочей группы по документации и консервации зданий, достопримечательных мест и объектов градостроительства современного движения (DOCOMOMO)
- Москва, которой нет (Историко-культурологический проект о старой Москве)
- Архи.ру